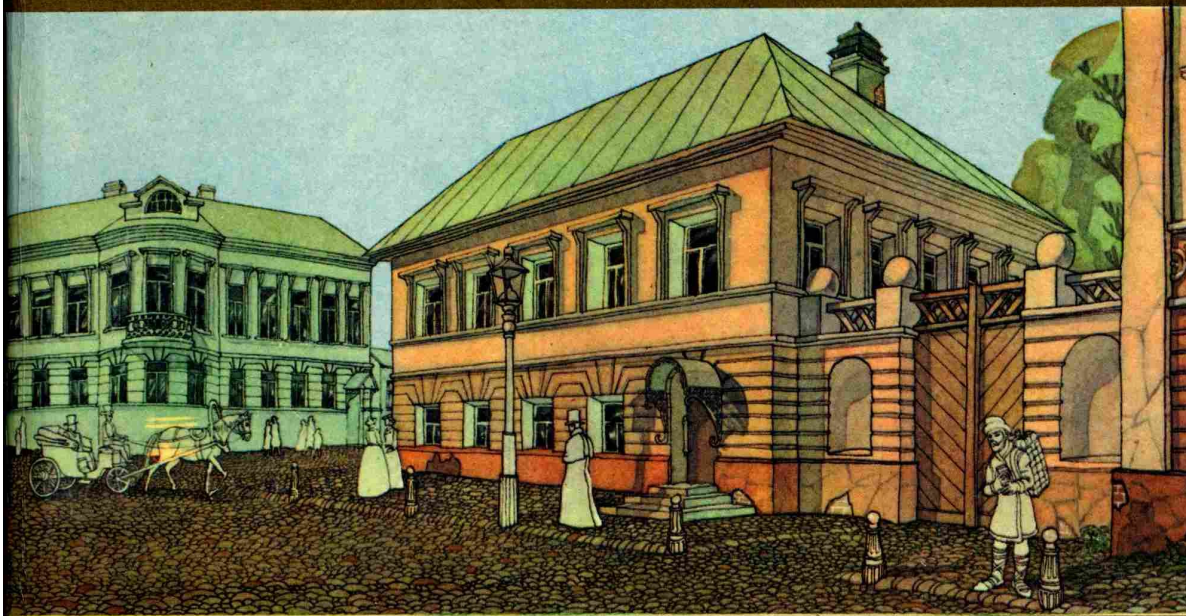

Н. Ю. Дулатов

**НИЖНИЙ
НОВГОРОД**
*пушкинской
поры*

Н. Р. Рубатов

**НИЖНИЙ
НОВГОРОД**

*пушкинской
поры*

1833 г.

*Торский
Вално-Вятское
книжное
издательство
1983*

ББК 63.3 (2Р-4Г)

Ф51

Рецензенты:

канд. архитектуры

С. Л. АГАФОНОВ,

канд. филол. наук

С. А. ФОМИЧЕВ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

ГАГО — Государственный архив Горьковской области
ГПБ РО — Государственная публичная библиотека
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, рукописный отдел Дей-
ствия

НГУАК — Сборник Нижегородской губернской ученой
архивной комиссии

ЦГВИА — Центральный Государственный военно-исто-
рический архив

ЦГИА СССР — Центральный Государственный истори-
ческий архив СССР

ОТ АВТОРА

Всего два дня, 2 и 3 сентября 1833 года, провел А. С. Пушкин в Нижнем Новгороде на пути в Оренбург. Ему предстояло осмотреть места, где развертывались события крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева.

Всего два дня?!

Да, всего два дня!!! Но они оказались столь насыщены впечатлениями от уже проделанного пути, от встреч с нижегородцами и осмотра достопримечательностей древнего русского города, что А. С. Пушкин сразу же по приезде написал и отправил в Петербург супруге сначала одно, а затем второе письмо.

О Нижнем Новгороде, который друзья поэта — декабристы мыслили сделать новой столицей России, он был наслышан с детских лет. В семейных преданиях Нижний Новгород назывался то в связи с именем дальнего предка Григория Гавриловича Пушкина, бывшего в середине XVII века первым нижегородским наместником (поэт относил его «к числу замечательных лиц в эпоху самозванцев»), то в связи с рождением и жизнью в Нижнем Новгороде прабабушки Сарры Юрьевны Ржевской, то в связи с пребыванием здесь в 1812—1813 годах дяди Василия Львовича.

В Нижегородской губернии находилось болдинское родовое имение Пушкиных, а проведенная в нем осень 1830 года оказалась для поэта наиболее плодотворным периодом его творчества.

Пребывание А. С. Пушкина в Нижнем Новгороде осенью 1833 года оставило след в русской мемуаристике. О встрече поэта с нижегородцами в доме военного губернатора М. П. Бутурлина сохранила краткое, но в достаточной степени ценное воспоминание Л. П. Никольская, подметившая, на наш взгляд, в А. С. Пушкине именно те черты, которые привлекали в нем современников. А официальная версия поездки поэта в Оренбург была воспринята М. П. Бутурлиным лишь прикрытием более «важных», тайных целей инспекции чиновничьего аппарата и породила комическую в своей основе ситуацию, которая наряду с другими многочисленными подобными фактами из жизни николаевской России легла в основу бессмертной комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

Таким образом, с Нижним Новгором и краем неразрывно связаны и жизнь, и творчество великого русского поэта, так что, несмотря на краткость его пребывания в городе, г. Горький по праву может именоваться одним из пушкинских мест России.

Передвижение А. С. Пушкина по городу восстанавливается по его письмам: это въезд в Нижний Новгород со стороны Московской столбовой дороги, путь через всю

главную верхнепосадскую Большую Покровскую улицу к почтовой конторе и гостинице на Благовещенской площади, прогулка через кремль и Нижний посад на ярмарку, посещение нижегородского военного губернатора М. П. Бутурлина в его казенном доме и выезд на Казанский тракт сначала по Тихоновской, а затем по Большой Печерской улице мимо древнего Печерского монастыря.

Пушкин увидел лишь часть города. В стороне остались старые слободы и околоградия, только незадолго перед тем, на рубеже XVIII и XIX столетий, организованные в регулярные кварталы и прямые улицы. В небольших, преимущественно трехкоонных рубленых домах, лишь иногда поднятых на кирпичные фундаменты и полуэтажи, с подслеповатыми, уходящими в землю окнами, ютились ремесленники и мещане, создававшие своими руками богатства местных купцов-толстосумов. Но окраины трудового Нижнего Новгорода остались вдали от тракта, и Пушкин увидел парадную часть города, именно то, что создавало ему известность «торговой столицы» России.

В течение 1818—1828 годов за Окой был отстроен крупнейший в Европе ярмарочный архитектурный ансамбль. Возросшее в связи с этим значение Нижнего Новгорода и приезд сюда многих одаренных архитекторов и инженеров благотворно сказались на преобразовании города: новые каменные и деревянные жилые дома, гражданские и храмовые здания с неизменным ордерным решением фасадов появились в разных районах города. И воссоздавая фрагмент за фрагментом облик Нижнего Новгорода пушкинской поры, мы видим его возведенным как бы на одном дыхании по канонам классицизма.

Но 1833 год был и последним годом важного, самостоятельного этапа развития Нижнего Новгорода. Буквально следующим летом, в силу особых исторических причин, город начал интенсивно перестраиваться.

Пушкин был одним из тех, кто видел Нижний Новгород времени классицизма перед началом его коренного преобразования. И воссоздавая город «пушкинской поры», мы реконструируем образ практически неизвестного этапа его развития, прерванного 150 лет назад. Для этого в книге использован разнообразный графический материал: фасады, проектные и фиксационные чертежи, планы всего города и отдельных усадеб, а также описи зданий и целых улиц, рисунки и фотографии XIX века, хранящиеся во многих архивах и музеях страны.

Таким образом, воссоздание облика губернского Нижнего Новгорода на сентябрь 1833 года, как нам кажется, имеет значение для всестороннего изучения биографии и творчества великого поэта, что само по себе важно, и для выявления особого периода исторического развития древнего города 30—40-х годов XIX века.

Глава I

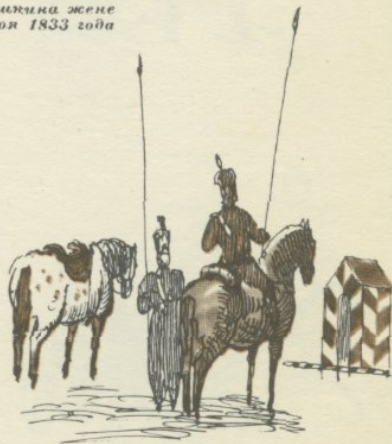
НА ПУТИ К НИЖНЕМУ НОВГОРОДУ

Дорога хороша, но под Москвою чет лошадей, я повсюду ждал несколько часов и насилу дотащился до Нижнего сегодня, т. е. в пятые сутки... Что у нас за погода! дни жаркие, с утра маленькие морозы — роскось!

*Из письма А. С. Пушкина жене
2 сентября 1833 года*

Мли последние дни августа 1833 года, когда после дружеского застолья с П. В. Нащокиным Пушкин выехал в коляске из Москвы, направляясь в далекий Оренбургский край, где некогда происходили события крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева, героя будущего его исторического труда и повести «Капитанская дочка».

Приступая к сбору материала, Пушкин был вынужден отметить чрезвычайную

сложность воссоздания достоверной картины минувшего: «История Пугачева мало известна: при Екатерине запрещено было о нем говорить. При Александре написан глупый роман, краткое известие о взятии Казани и жизнь генерала Бибикова. Иностранцы говорили о нем гораздо более, резиденты очень им занимались, но их незнание России завлекало их в большие заблуждения; иные видели в Пугачеве великого человека, другие — орудие злоумышленников, и их подозрения не пощадили никого... Незнание наших историков удивительно...»¹.

Николай I считал события времен «царственной бабки» далеким, ничем не грозящим прошлым и разрешил Пушкину работать над исследованием о «бунте» Пугачева. К 1833 году поэт ознакомился со всеми опубликованными правительственными указами и манифестами 1773—1775 годов, перечитал относящиеся к этому времени архивные дела и дневниковые записи участников событий, но ему не хватало живого голоса истории!

Занимаясь запретной некогда темой и стремясь избежать как всегда унижительных объяснений с чиновниками III отделения, Пушкин написал 30 июля 1833 года ближайшему помощнику шефа жандармов А. Н. Мордвинову объяснительное письмо: «В продолжение двух последних лет занимался я одними историческими изысканиями, не написав ни одной строчки чисто литературной. Мне необходимо месяца два провести в совершенном уединении, дабы отдохнуть от важнейших занятий и кончить книгу, давно мною начатую... большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани, и вот почему хотелось бы мне посетить обе сии губернии...»².

Формальности вскоре были улажены. Тем не менее нижегородскому военному губернатору М. П. Бутурлину было отправлено правительственное предписание сделать «распоряжение об учреждении за Пушкиным секретного надзора по месту пребывания его». Но поэт собрался в путь столь быстро, что предписание, блуждая «по инстанциям», запоздало. Отправленное из канцелярии столичного обер-полицмейстера 20 сентября 1833 года, оно прибыло в Нижний Новгород только 1 октября, когда Пушкин, совершив путешествие в Оренбург, уже вернулся в родовую усадьбу Большое Болдино.

Осень наступала солнечная, с ранними ночными заморозками. Утром Московская столбовая дорога звонко похрустывала под коваными шинами коляски и копытами лошадей, а к полудню над наезженной колеей нависали столбы пыли, набивавшиеся во все щели наглухо закрытых чемоданов, отдавая неприятной горечью во рту. Спасение путников было в скорости езды.

Тем мучительнее становились частые многочасовые ожидания лошадей на почтовых станциях. Дорожную скуку разнообразили лишь путевые курьезы, описанные Пушкиным в письме жене с присутствием ему юмором:

«...на второй станции, где не давали мне лошадей, встретил я некоторую городничиху, едущую с теткой из Москвы к мужу и обижаемую на всех станциях. Она приняла меня весьма дурно и нараспев начала меня усовещивать и уговаривать: как вам не стыдно? на что это похоже? две тройки стоят на конюшне, а вы мне ни одной со вчерашнего дня не даете.

— Право? — сказал я и пошел взять эти тройки для себя. Городничиха, видя, что я не смотритель, очень смутилась, начала извиняться и так меня тронула, что я уступил ей одну тройку, на которую имела она всевозможные права, а сам нанял себе другую, т. е. третью, и уехал... Городничиха и тетка так были восхищены моим рыцарским поступком, что решились от меня не отставать и путешествовать под моим покровительством, на что я великодушно и согласился. Таким образом и доехали мы почти до самого Нижнего — они отстали за три или четыре станции...»³.

Кто же были эти невольные спутницы Пушкина?

В письме поэта сделан целый ряд уточнений: одну спутницу он назвал «городничихой», ехавшей «к мужу» в Нижегородскую губернию и отставшей «за три или четыре станции» перед Нижним Новгородом, а другую — ее «теткой». Не об уездном ли городе Горбатове может идти речь? Городничим там в пушкинское время был Моисей Давыдович Сидамов. Его супругу звали Амалией Потаповной (в девичестве — Лоренцова). Знакомство с жизнью четы Сидамовых проливает свет и на причины поспешания Амалии Потаповны к мужу домой...

Дворянин «грузинской нации» М. Д. Сидамов в трудный для России 1812 год поступил из кадетского корпуса прапорщиком в 5-й егерский полк. Правда, на территории России он участия в сражениях не принимал, но в заграничном походе получил орден св. Анны 4-й степени и медаль «За взятие Парижа».

По возвращении в Россию, уже в звании майора, он женился на дочери дерптского помещика Потапа Лоренцова Амалии, был вынужден оставить военную службу, поселился в Нижнем Новгороде, а 11 декабря 1830 года получил должность городничего в уездном Горбатове. В Нижегородском крае у Сидамовых родились дочери: Мария (1828), Ольга (1831), Софья (16 декабря 1832 года)⁴. Четвертая дочь Александра появилась на свет 10 марта 1834 года. Не потому ли Амалия Потаповна за пять месяцев до ее рождения ездила за своей «теткой»? Тогда понятно и нетерпение молодой женщины во время долгих ожиданий на почтовых станциях. Пушкину же, имевшему подписанную самим московским почт-директором А. Я. Булгаковым подорожную, взять женщин под свое «покровительство» было не обременительно.

Считалось, что поэт ехал от Владимира в Нижний Новгород через Муром⁵. Но просмотр правительственных карт главных дорог Российской империи⁶ убедил нас в том, что из Владимира на Муром ездили обычно на Арзамас, в Нижний же Новгород вел более короткий, столь же наезженный путь через Гороховец, известный с XVII века. Третьей остановкой от губернского Нижнего Новгорода на этом пути был Горбатов. Последняя смена лошадей на Владимирской земле происходила в деревне Озинищи. Затем дорога подводила к Лисенковской паромной

переправе и через несколько верст сливалась с главной улицей Горбата.

Город, несмотря на звание уездного, более походил на разросшуюся деревню (насчитывалось 240 дворов) и был застроен преимущественно деревянными домами с нередкими соломенными крышами не только на хозяйственных, но и на жилых строениях.

Далее дорога шла через малодворные деревни Верхний Избылец, Чмутово, Шуклино, Выболово, Демидово к Богородскому, имевшему, кроме построенной по «образцовому» проекту почтовой станции, и этапные казармы для проходящих в Сибирь воинско-арестантских команд, встречавшихся Пушкину на всем протяжении пути. Медленно бредущие по обочине дороги группы ссыльных замыкались несколькими телегами с сидящими на них конвоем и больными, вконец обессиленными арестантами. На ночлег этапные команды останавливались в особых одноэтажных рубленых бараках, которые соседствовали с почтовыми станциями и составляли с ними единый комплекс «правительственных» учреждений на главных трактах России.

Изрезанный глубокими лесистыми оврагами правый берег Оки, с заболоченными небольшими речками и рошицами тонкоствольных берез на взгорьях, открывал путешествующим неповторимые панорамы среднерусского пейзажа, но порой создавал и непреодолимые трудности для передвижения. Местные власти были вынуждены неоднократно отмечать, что «въезды на горы, особенно по Горбатовскому уезду от границ Владимирской губернии, очень круты, почти невозможны для следования с тяжестями, а потому и съезды с оных опасны»⁷. Имелись основания для недовольства и состоянием дорог: «...верстовые столбы не везде подтесаны и сделанные в некоторых повреждения не исправлены, водомоины... не заравниваются, да и вообще поверхность дорог худо исправляется»⁸.

Со времен Екатерины II содержание дорог в губернии возлагалось на владельцев тех земель, по территории которых они пролегли. На средства помещиков, руками их крепостных крестьян подсыпалось ширину в 5 сажен полотно дорог, по сторонам прокапывались канавы для стока грунтовых вод. Дороги обсаживались рядами берез, чтоб в зимнюю пору они служили обозначением пути. Крестьянские общины были обязаны из своего леса рубить и ремонтировать дорожные мосты, гатить болота, ставить на указанных губернским землемером местах верстовые столбы и пограничные уездные знаки. Для их единообразия первый губернский архитектор Я. А. Ананьин еще в 1788 году разработал «образцовый фасад» верстового столба, размножил его и разослал по уездам.

Большинство помещиков обычно жило в столицах или состояло на государственной службе. Посланные с оказиями требовали губер-

ских властей о ремонте дорог находили их с большим запозданием, да и вообще трату средств не на себя лично дворяне считали неразумной, сколь возможно препятствовали отрыву своих крепостных от господских работ. Так и пребывали даже самые важные дороги губернии в удручающем состоянии, являясь притчей во языцех странствующих.

Последняя смена лошадей перед губернским городом, а возможно и ночлег, у Пушкина были в Большом Доскине. До Нижнего Новгорода оставалось около 40 верст.

Ехал Пушкин на ямских почтовых лошадях.

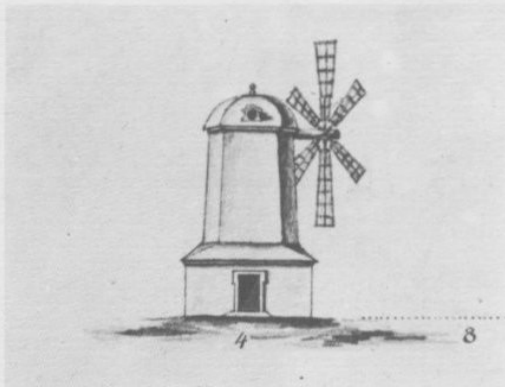
Ямы с особыми «белыми» (нетяглыми) слободами в Нижегородском крае были учреждены с древнейших времен. Наезженные дороги с гаями, мостами и паромными переправами через большие реки связывали Нижний Новгород через Березополье с Муромом, Гороховцом, Владимиром и Москвой, через Стрелицкий стан с Костромой и Ярославем, через Засурье с Казанью и Волжским Понизовьем, через Закудемский стан с Арзамасом. В конце XVIII века почтовая служба в России была реорганизована. Главные тракты губернии были сколь возможно приведены в порядок. На них расставили верстовые столбы с указателями расстояния до Нижнего Новгорода, а приблизительно через каждые 25—30 верст в придорожных селениях учредили для смен лошадей промежуточные станции со штатом смотрителей. Но движение по трактам в сравнении с предшествующими временами возросло, и нижегородские ямщики постоянно жаловались в Почт-департамент о своем обнищании и «изнурении многочисленной и непрерывной гоньбой для вوسي почт, естафетов и проезжающих частных людей»⁹.

25 октября 1831 года был обнародован указ «О заведении в России вольных почт»¹⁰, по которому содержание ямских станций разрешалось повсеместно сдавать на оброк зажиточным крестьянам. Откупщиком-содержателем Алешковской и Ярымовской почтовых станций, обслуживающих Горбатовскую дистанцию, в течение всего 1833 года был крестьянин с. Щапкина Александр Кузнецов¹¹. При заключении договора в губернском правлении обязанности и права подрядчика оговаривались особыми кондициями, являющимися ценным историческим материалом для изучения почтовой службы в России пушкинского времени¹².

Взяв на откуп содержание почтовой станции (или станций), подрядчик в свою очередь заключал договоры на ямскую службу с местными крестьянами, многие из которых занимались этим из поколения в поколение. Сегодня мы можем назвать нижегородских ямщиков, которые в августе — сентябре 1833 года несли службу на Горбатовской дистанции и могли везти Пушкина. Ими были крестьяне села Ярымова Глеб и Абрам Филипповы, Андрей Елисеев, Яков Павлов и потомственные ямщики Алешковской слободы Иван Васильев и Иван Абрамов¹³.

Проект ветряной мельницы. Начало XIX в.

Землемер А. Романов

Александр Кузнецов исправно выполнял свои обязательства, и после инспекции летом 1833 года состояния ямской гоньбы, местный земский исправник доносил в губернское правление, «что на учрежденных Горбатовской округи в селе Ярымове и Олешкове — почтовых, а в деревне Выболове — внутренней станции определенное число лошадей с ямщиками и повозками... находилось в исправности»¹⁴.

Во время поездки Пушкина в Оренбург в России действовали правила пользования почтовой службой, выпущенные в виде особого печатного тома «Почтового дорожника» в 1824 году.

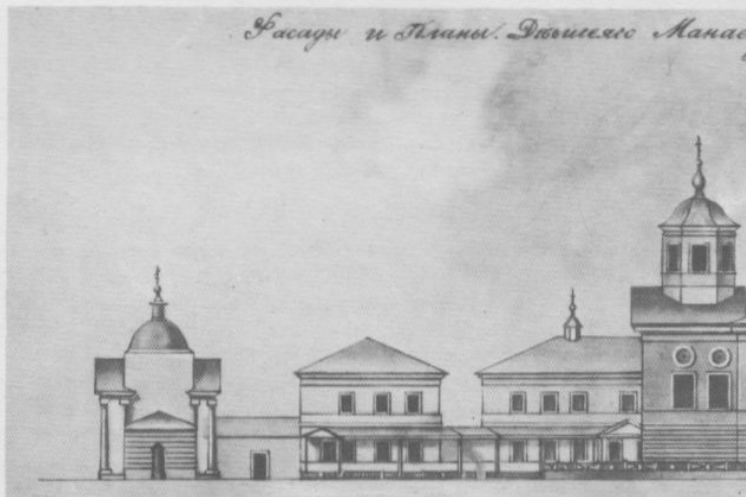
Лошади для проезжающих на почтовых станциях представлялись только по подорожным, заполненным на официальных бланках с указанием маршрута, цели поездки и количества необходимых лошадей. Пушкин как титулярный советник имел право на получение трех лошадей наряду с купцами и самыми низкими по Табелю о рангах рядами чиновников¹⁵.

При получении подорожной ее владелец обязан был уплатить в казну «по две копейки на версту за каждую лошадь» за весь предполагаемый путь и, кроме того, прогонные деньги, бравшиеся «во внутренних губерниях» России по 5 копеек за каждую лошадь на версту непосредственно смотрителями на почтовых станциях¹⁶. Имевшие правительственные подорожные получали лошадей вне очереди и передвигались по трактам России в значительной степени быстрее, чем не имевшие таковых. Частные же лица вынуждены были подолгу ждать своей очереди в тесных, грязных комнатах почтовых станций, проклиная свою страсть или необходимость в «перемене мест».

Желая иметь во время долгого пути хотя бы минимальный комфорт, дворяне предпочитали путешествовать в своих экипажах, меняя на поч-

Крестовоздвиженский
монастырь.

Фиксационный чертеж
1830-х гг.

товых станциях лишь лошадей. В таком случае необходимые вещи (самовар или целая походная кухня, посуда, письменные принадлежности и обиходная утварь) всегда находились под рукой, и не надо было ограничивать себя в объеме поклажи. Именно так путешествовал в 1833 году Пушкин.

По завершении маршрута чиновник сдавал подорожную вместе с отчетом о поездке в учреждение, где ее крест-накрест перечеркивали и считали использованной, а после проверки — уничтожали. Поэтому вряд ли возможно найти ныне подорожную в Оренбург Пушкина...

За Горбатовом дорога то поднималась на крутые взгорки, то опускалась в долины оврагов, пока за деревней Александровкой, «Щербинками тож», во всю ширь горизонта не показались предместья Нижнего Новгорода. Первыми коляску Пушкина приветствовали мерными взмахами крыльев расположенные справа от дороги три ветряные мельницы. В отличие от постоянно встречавшихся на пути мельницы Нижнего Новгорода были как бы на одно лицо: равной, шести с половиной сажень высоты (около 13 м) и с куполообразной кровлей восьмигранной поворотной башни. Объяснялось это тем, что строились они по одному, специально разработанному нижегородским землемером Алексеем Романовым «образцовому» проекту.

Границу выгонной земли города отмечал поднятый полосатый шлагбаум, а в 400 саженьях перед ним — окрашенный в серую «военную» краску двухметровый верстовой столб и пограничный знак в виде де-

Составлено по Губернскому Нижнему - Новгороду
в 1833 году Архитектором А. В. ...

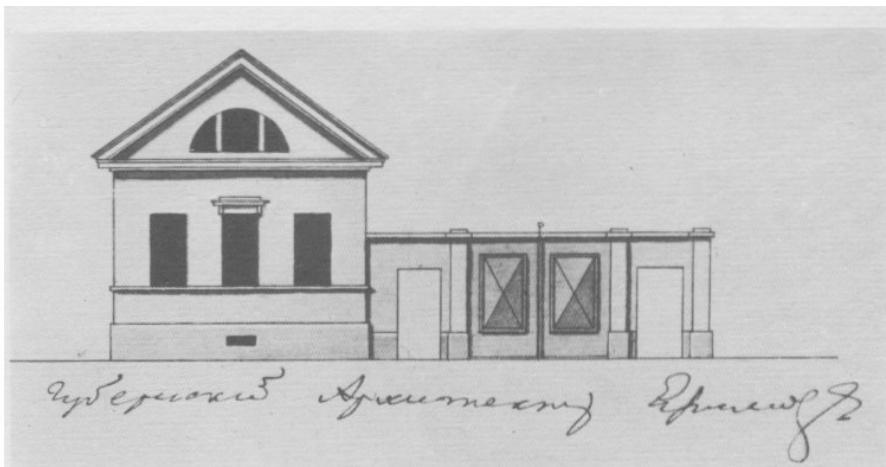

ревянной пирамиды с губернскими гербами на двух сторонах и надписью на доске: «Граница Нижегородского уезда»¹⁷.

За шлагбаумом дорога отклонялась влево, огибая низину, и подходила почти под стены загородного Крестовоздвиженского монастыря. По мере движения коляски из-за деревьев вырастал целый каменный «город» с высокой стеной и башенками на углах, с парадными «святыми» воротами, многочисленными храмовыми главами и колокольней. Но несмотря на внешнюю помпезность монастырского ансамбля при пристальном взгляде были заметны и черты безнадзорности: штукатурка ограды во многих местах обваливалась, вместо центральной главы на соборе зиял провал, по обеим сторонам главного проезда возвышались горы песка, крытые рогожами бочки извести, клетки кирпичика и всевозможного строевого леса.

Ко времени приезда в Нижний Новгород Пушкина Крестовоздвиженский монастырь насчитывал уже несколько веков истории. Первоначально он располагался на бровке Волжского откоса, у Георгиевской башни каменного кремля. В свое время в городе были и другие женские монастыри: Зачатьевский, Симеоновский, Происхожденский... Но их ликвидировали указом Екатерины II 1764 года, а всех монахинь перевели в единственно оставшуюся Крестовоздвиженскую обитель.

К началу XIX века монастырские строения пришли в ветхость, тем более что участились обвалы горы, на которой они стояли. По ходатайству игуменьи Доросеи нижегородский гражданский губернатор

«Образцовый» фасад дома для застройки
Ямской слободы. 1832 г.

Арх. И. Е. Ефимов

А. Руновский в 1811 году устно разрешил занять под монастырь пустое место возле Московьской столбовой дороги, в версте от города, и тогда же по проекту губернского архитектора И. И. Межецкого на новом месте развернулось каменное строительство. Деньги собирались со всех родственников постриженниц, и буквально через два года, в обход запрета на ведение строительных работ по всей стране в связи с началом военных действий против наполеоновской армии, монастырский комплекс был в основном завершен.

Но возведенный «с великим поспешанием» значительный по размерам собор (35×35 м), своды которого держались на четырех непропорционально тонких колоннах, в 1832 году под тяжестью весеннего снега получил повреждение кровли, а центральная глава рухнула внутрь здания. По этой причине в течение всего лета 1833 года велась заготовка строительного материала, складывавшегося возле монастырских стен.

Монастырская стена продолжалась в сторону Ямской слободы более низкой каменной же оградой одного из двух городских кладбищ с Богородицкой церковью, возведенной в последние годы XVIII века. Еще сенатским указом от 17 ноября 1771 года было предписано вынести за пределы жилой городской застройки все некогда расположенные возле посадских храмов погосты. Первоначально создали Петропавловское кладбище, а в 1798 году нижегородский купец Я. А. Шешев «объявил желание построить своим иждивением каменную церковь при выходе

из Ямской улицы в поле, по правую сторону большой дороги с тем, чтобы при оной церкви быть кладбищу для оной части города»¹⁸. Так возникла в Нижнем Новгороде еще одна ярусная церковь с трапезной и шатровой колокольней над западным входом, позднее вошедшая в ансамбль Крестовоздвиженского монастыря.

Сразу за оградой кладбища Московская дорога раздваивалась: одна, мощенная плахами, поворачивала в Ямскую слободу (память о ней сохраняют названия Ямских улиц этой части г. Горького), а другая, огибая длинные сушильные поля канатных заводов, сливалась с главной верхнепосадской Большой Покровской улицей.

Канатные заводы тянулись вдоль дороги справа вплоть до самого въезда в город, отгораживаясь дощатыми, покрашенными дикой краской (сажа с добавлением белил) заборами.

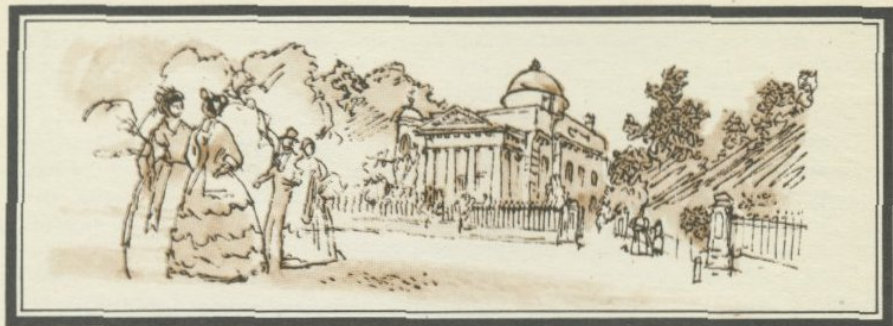
Канатное и парусное производство известно в Нижнем Новгороде с древнейших времен, но особое распространение оно получило в XVII—XVIII веках, когда здесь ежегодно строилась и оснащалась не одна сотня речных и «на морской ход» судов. Первоначально канаты и бечеву производили в разбросанных вдоль Оки и Волги дворах Нижнего посада, но частые опустошительные пожары заставили губернские власти перенести в 1787 году канатные заводы в одно место, подальше от жилой застройки, за Ильинскую и Покровскую заставы.

При перепланировке разросшегося к 1824 году Нижнего Новгорода территории заводов отдали под партикулярную застройку, но Пушкин видел еще сохранившиеся здесь 11 заводов.

Сразу за канатными заводами дорогу преграждала Покровская застава с неизменным тогда полосатым шлагбаумом и дощатой караульной будочника (приблизительно на месте магазина «Сказка» на пл. Горького). Дорога здесь пролегла по заболоченным оврагам, через один из которых был переброшен деревянный мост. Проезжим оставалось лишь насыпное полотно, огражденное по сторонам столбиками и покрытое редким в городах России булыжником.

Миновав заставу, Пушкин мог считать себя уже в Нижнем Новгороде.

Глава III

БОЛЬШАЯ ПОКРОВСКАЯ УЛИЦА

...А об городе скажу только тебе улицы широкие и хорошо мощеные, дома построенны основательно.

*Из письма А. С. Пушкина жене
2 сентября 1833 года*

Миновав караульную будочника, коляска Пушкина повернула влево, поднялась на крутогорбый рубленый мост через Покровские пруды (место здания Главпочтамта) и, звонко пересчитав бревна настила подковами лошадей, спустилась к началу главной городской Большой Покровской улицы.

Так уж исторически сложилось, что Б. Покровскую улицу, бывшую одновременно и последним отрезком пути из

Москвы к центру Нижнего Новгорода, заселяли преимущественно дворяне, отставные генералы и полковники, надворные и титулярные советники губернского правления. Во времена генерального межевания Нижнего Новгорода 1784—1787 годов их права на владения городской землей фиксировались особыми планами и частновладельческими указами, скрепленными подписями губернских властей, которые после этого назывались «крепостными».

Крепостные места разоряющихся дворян нередко перекупали здесь и нижегородские купцы-толстосумы, стремившиеся встать в один ряд с привилегированным сословием России и устраивавшие внешнюю сторону своего быта «по-благородному».

Пустующими долго оставались лишь неудобные к заселению земли у Покровских прудов и всегда заболоченного Ковалихинского оврага, гигантской дугой охватывавшего город с юго-запада, от крутых обрывов берега Волги до глубокого извилистого Монастырского оврага (ныне Похвалинский съезд). Но и эти земли с переводом в Нижний Новгород Макарьевского торгового поста постепенно обстраивались поселявшимися здесь ярмарочными архитекторами и инженерами.

Состоятельные нижегородцы, многие из которых имели княжеские титулы и родовые дома в столицах, стремились не отставать от времени и возводили свои

усадеб в стиле господствующего в художественной жизни России начала XIX века классицизма с колоннами и ордерными элементами фасадов, с бежевым, охристым, салатным и голубым цветом стен.

Но строения Нижнего Новгорода существенно отличались от помпезно-величественной архитектуры столиц. Здесь, как и в других небольших уездных и губернских городах России, возводились преимущественно деревянные дома, хотя их обычно и старались облагородить штукатуркой и отделкой «под кирпич»: нередко рустовкой разбивали стены первого этажа и угловые части строений, на главных фасадах помещали меандровые фризы и пояса лепнины, в «замковых камнях» над окнами — маскароны. Но они, как и элементы ордера, делались уже не из долговечного белого камня как в XVIII столетии, в пору расцвета классицизма, а отливались из алебастра и нередко обваливались кусками, обнажая подделку и ограниченные экономические возможности своих владельцев.

Жилые дома губернского Нижнего Новгорода напоминали господские строения сельских усадеб и вместе с окружающей их обильной зеленью садов несли на себе печать спокойного провинциального быта. Флигеля городских усадеб владельцы-дворяне нередко сдавали в наем расторопным купцам под размещение лавок. И Пушкин тонко подметил эту новую черту жизни России 1820—1830-х годов, сожалея о чистоте и величии гражданской архитектуры недавних прошлых лет:

Мне жаль, что дома наши новы,
 Что выставляя стены их
 Не льва с мечом, не щит гербовый,
 А ряд лишь вывесок цветных...¹⁹.

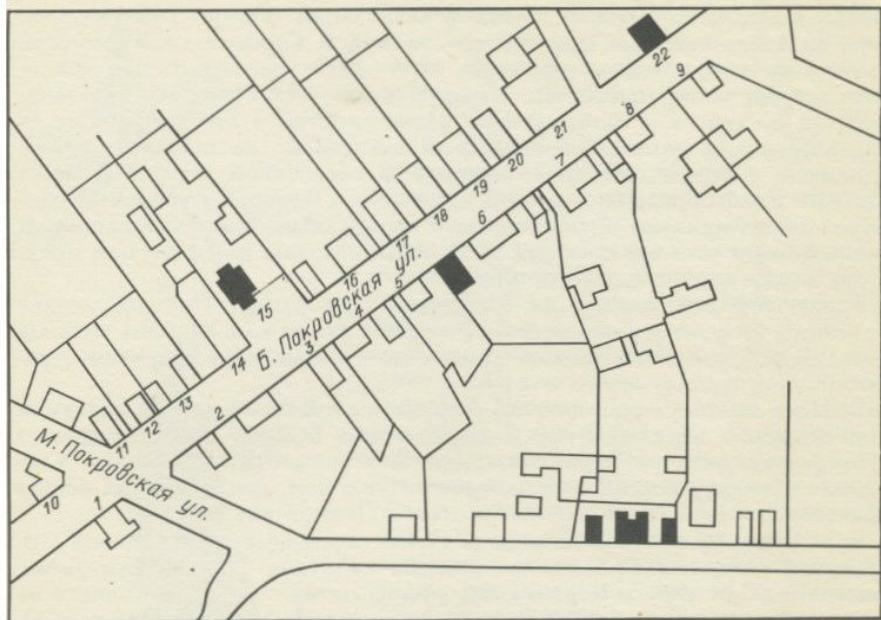
При постройке городских усадеб владельцам обычно рекомендовалось пользоваться присланными из столичной Строительной комиссии альбомами «образцовых» проектов 1809—1812 годов, которые хранились в губернском правлении. Каждый желающий строиться — в зависимости от вкусов и материальных возможностей — мог выбрать необходимый фасад для любой усадебной постройки, не исключая оград, конюшен и сараев. На ансамблевость фасадической застройки центральных улиц обращалось особое внимание, а надзор за точным следованием утвержденным проектам был главной обязанностью нижегородского губернского архитектора И. Е. Ефимова, имя которого нам предстоит неоднократно называть ниже.

Таким образом, выехав на Б. Покровскую улицу, Пушкин увидел по обеим сторонам возведенные в едином стиле классицизма небольшие, но добротно отделанные дома, соединенные друг с другом оградами.

Б. Покровская улица тянулась ровной лентой более чем на версту и, ориентируясь на каменную Дмитриевскую башню Нижегородского кремля, выходила на Верхнебазарную Благовещенскую площадь. Улица шла к центру города под небольшим уклоном. Дмитриевская башня прекрасно просматривалась уже с моста Покровских прудов.

Угол Большой и пересекавшей ее почти перпендикулярно Малой Покровской улиц справа занимала усадьба капитана Федора Дмитриева, выпускника института Корпуса инженеров путей сообщения, одного из строителей ярмарочного комплекса. Деревянный одноэтажный с мезонином дом был невелик, но, утопая в слегка тронутой осенней желтизной зелени сада, спускавшегося террасами к благоустроенным берегам Покровского пруда, служил как бы образцом тихого провинциального уюта. Главный фасад дома был отмечен четырьмя ионическими пилястрами под треугольным фронтоном кровли мезонина, в котором ярким пятном выделялся красный щит родового герба владельца (дом Ф. Дмитриева сохранялся почти в первоизданном виде до недавнего времени и сломан только в 1977 году).

Подобные строения в пушкинское время встречались повсюду: на окраинах Петербурга и Москвы, в Твери, Владимире, в сельских господских усадьбах. Разнились они лишь художественным решением фасадов: колонные портики ставились то на высоком подиуме со ступенями парадного входа, то на поземном цоколе, но обязательно, хотя бы слегка, выступали в улицу, подчеркивая тем самым главенствующую роль домов в усадебной обстройке. Во фронте кровли или над парадным въездом во двор нередко красовался родовый герб хозяина, служивший не только знаком его дворянского достоинства, но и своеобразной визитной карточкой для проезжающих мимо. Ярко раскрашенные, с включением в рельефные изображения символов древности, знат-

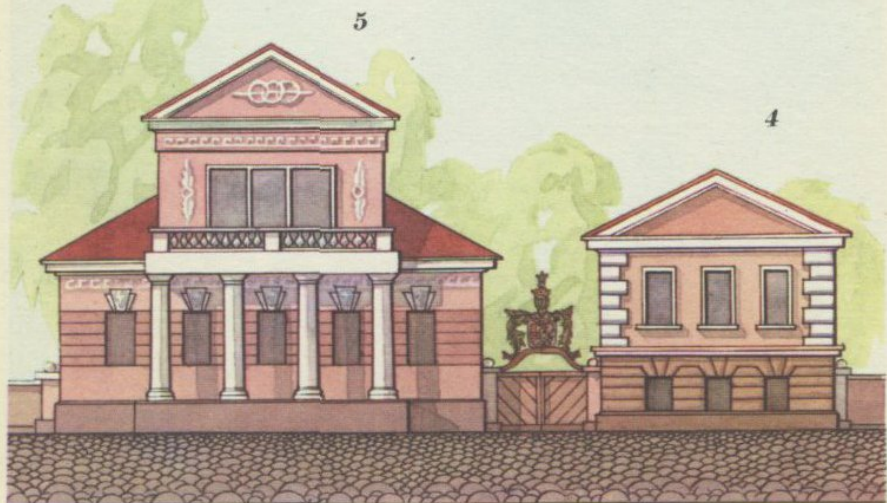

План застройки Б. Покровской улицы при въезде в город со стороны Московской столбовой дороги. Усадебные места: 1. Ф. Дмитриева. 2. и 3. Р. Р. Бауса. 4. Мессинг. 5. Б. И. Белавина. 6. К. М. Ребиндера. 7, 8 и 9. кн. Грузинских. 10. В. А. Кузнецова. 11 и 12. П. Дернава. 13. А. В. Зеленецкого. 14. Брюннер. 15. Лютеранская церковь. 16. А. Л. Леера. 17. Е. М. Щепановой. 18. М. А. Рубинской. 19. Скончанского. 20. Е. В. Белавиной. 21. А. В. Зеленецкого. 22. С. В. Зыбина

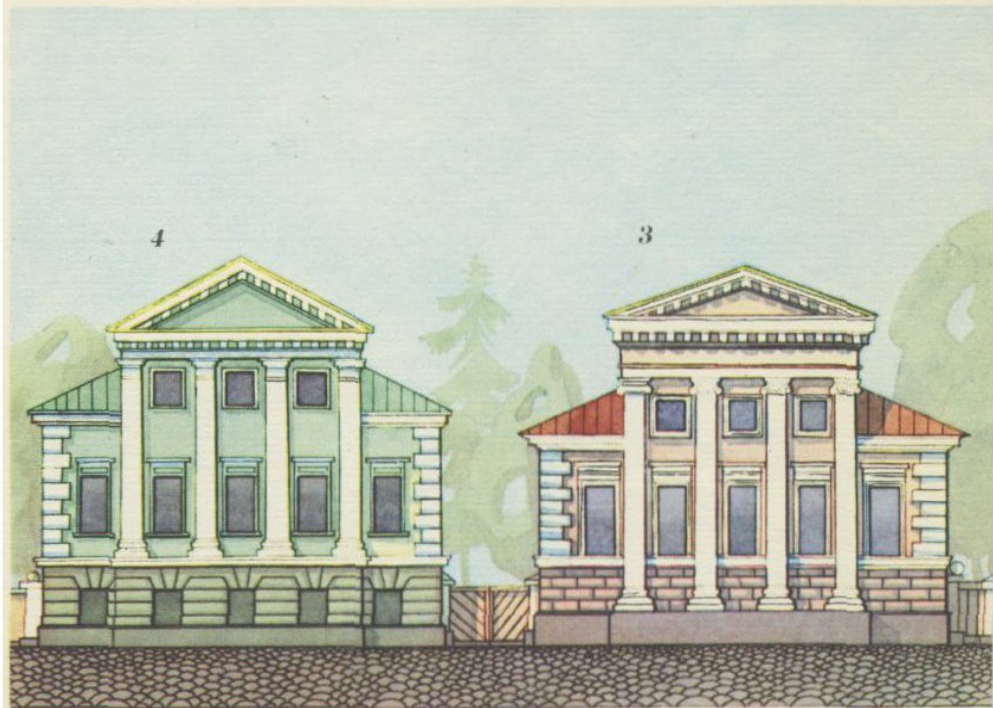
ности и боевых заслуг перед Отечеством, гербы служили важным элементом украшения фасадов дворянских усадеб.

Пилястры и колонны, являвшиеся самыми крупными элементами декоративного убранства фасадов, их мерный ритм и в то же время неповторимость невольно приковывали взгляд проезжающих, заставляли разглядывать и сравнивать архитектуру отдельных строений, выискивать отличия в их художественном решении.

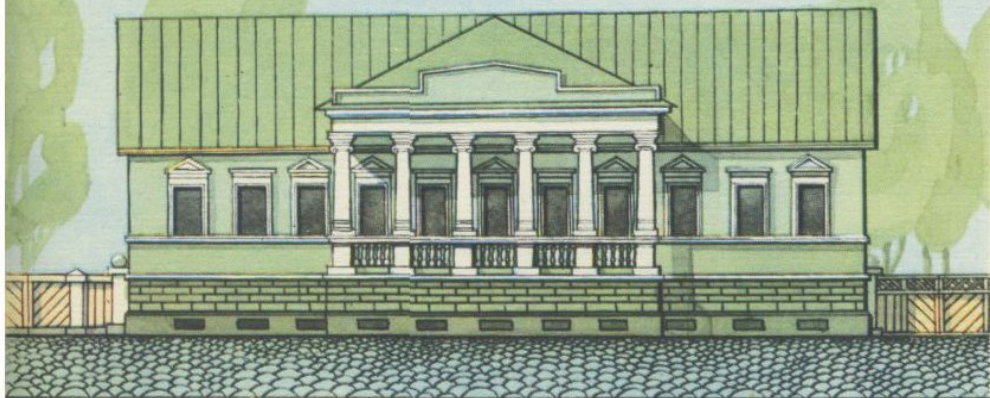
За домом Дмитриева М. Покровская улица спускалась в Ковалихинский овраг. Противоположную сторону его занимало усадебное место другого строителя ярмарки — инженер-полковника Рафаэля Рафаэлевича Бауса. Испанец Р. Бауса был принят на русскую службу 26 октября 1816 года по рекомендации А. А. Бетанкура, зачислен в его личный штат, а с первых лет строительства в Нижнем Новгороде ярмарочного комплекса поселился здесь, купив у майорши Куприяновой в начале Б. Покровской улицы значительный по размерам участок земли. В 1825 году архитектор И. Е. Ефимов разработал для Р. Бауса проект дома и флигеля, а спустя три года за инженером числились уже три дома со службами. Дома Р. Бауса выходили главными фасадами на Б. Покровскую улицу, а службы скрывались за высокими заборами в зелени сада. Несмотря на индивидуальное архитектурно-художественное решение фасадов каждого здания, все вместе они создавали единый ан-

самбля, состоящий из одноэтажного в одиннадцать окон центрального и двух также одноэтажных, но с мезонинами жилых флигелей по сторонам. В отличие от флигелей главное здание имело целый ряд особых элементов убранства: выступающий в улицу шестиколонный портик завершался вверху фигурным аттиком, колонны соединялись между собой перилами с точеными балясами, а цоколь был разбит бороздками горизонтальной рустовки.

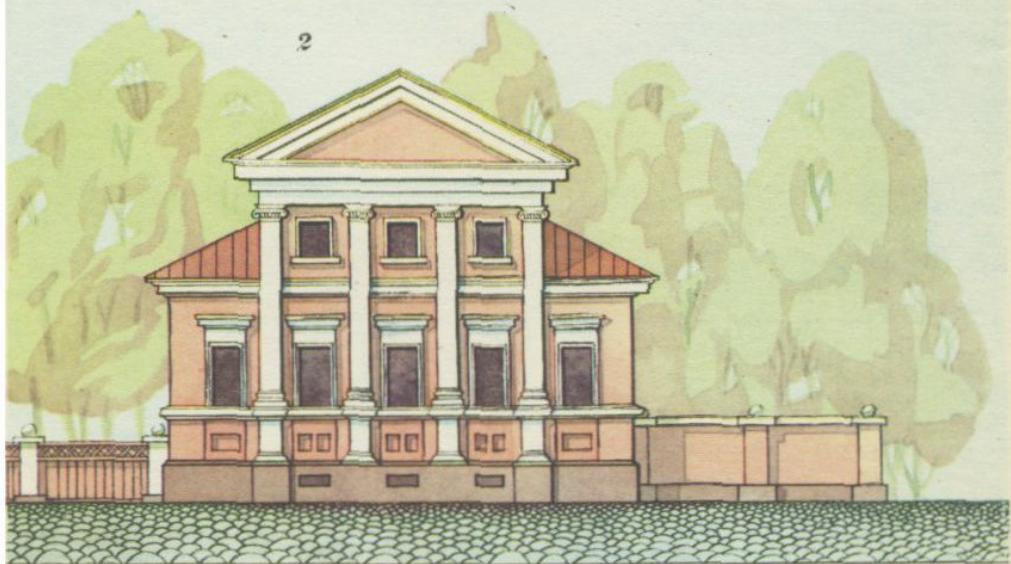
В ряд с усадебными строениями Р. Бауса стоял далее двухэтажный с мезонином дом статской советницы Мессинг. Как и большинство жилых строений города той поры, он был деревянный, но по штукатурке отделан «под каменную кладку». Некоторую импозантность и даже устремленность ввысь в общем-то невысокому зданию придавали поставленные на ризалитный выступ четыре колонны строгого римско-тосканского ордера.

К усадьбе Мессинг примыкал дом с флигелем семьи полковника Бориса Ивановича Белавина, младшего брата декабриста-нижегородца. Родовая же усадьба Белавиных, в которой родился декабрист Василий Иванович, а в сентябре 1833 года доживала свой век его мать Елизавета Васильевна, располагалась наискосок через улицу²⁰.

Дом Б. Белавина, на который мог обратить внимание Пушкин, сохранился до сих пор (ул. Свердлова, 40), хотя и потерял целый ряд элементов первоначального убранства. Он деревянный, одноэтажный, но с мезонином, дверь из которого выходила на балкон, поддерживаемый некогда четырьмя колоннами. После изгнания французов из России в архитектуре стали часто использовать символы победы русского оружия. Поэтому и здесь в декоративном убранстве фасада сохраняется тройной веноч славы. Как и у многих дворян-нижегородцев, на воротах дома Б. Белавина красовался многоцветный герб с изображением на

голубом фоне щита подковы и перекрещенных золоченых ключа и шпаги, символов верности и ратной отваги.

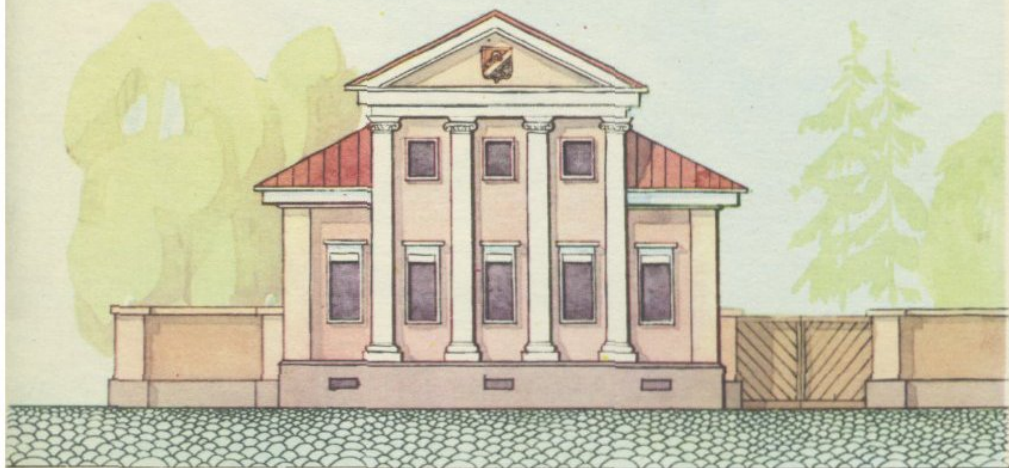
Не менее интересной была застройка и противоположной стороны этой части Б. Покровской улицы, где прямо напротив усадьбы Р. Бауса возвышалось легко обозреваемое с дальних подступов здание Лютеранской церкви, занимавшее центральное место в глубине небольшой площади.

Выбор места для нее был определен тем, что именно здесь, друг подле друга, селились с конца XVIII века жившие в Нижнем Новгороде немцы, французы, голландцы, испанцы.

Церковь возводилась в 1821—1823 годах по проекту члена петербургской Строительной комиссии А. Бежанова, но под надзором нижегородского архитектора И. Е. Ефимова, внесшего в проект целый ряд поправок.

1

Большая Покровская улица при въезде с Московской столбовой дороги. Правая сторона.

Реконструкция Н. Филатова. Архитектурная прорисовка В. Соколова

Стройный, классических пропорций четырехколонный ионический портик на цоколе-подиуме, поднятый над ним барабан с полусферическим куполом, прекрасно найденные пропорции архитектурных форм и отлично прорисованные элементы скульптурного убранства не только выявляли величественно-монументальный характер в общем-то невысокого здания, но и руку опытного зодчего, воспитанного на лучших образцах столичной архитектуры, крепко усвоившего каноны классицизма.

Следует отметить, что возведение Лютеранской церкви было заметным явлением в архитектуре не только Б. Покровской улицы, но и все-

ГЕрбъ Рода Бѣлавинныхъ.

Родовой герб Бѣлавинныхъ.
1794 г.

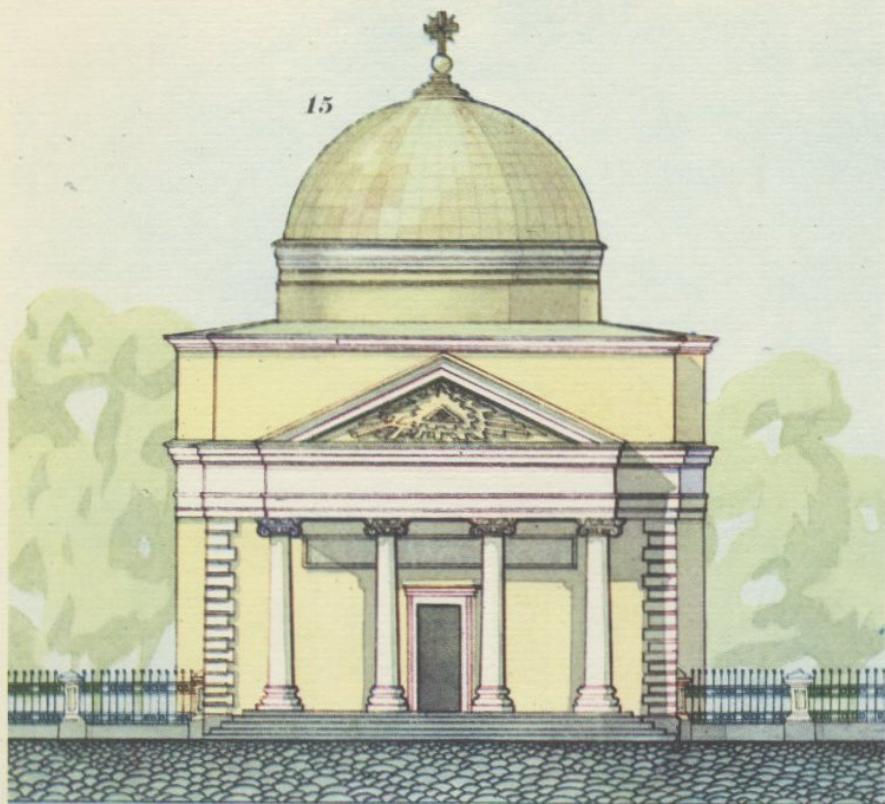
Рис. Я. Никлауса

го Нижнего Новгорода. Она долгие годы оставалась одним из лучших образцов для подражания местных строителей.

Рядом с Лютеранской церковью по Б. Покровской улице располагался дом с флигелем еще одного строителя ярмарки — Антона Лаврентьевича Леера²¹. В Нижний Новгород он приехал в начале весны 1818 года и остался жить на долгие годы. В 1833 году это был уже пожилой, хотя и крепкий здоровьем 60-летний старик, за свой труд и художественную одаренность получивший признание и доброе отношение тех, кто его знал.

Возле Лютеранской церкви, прилежным прихожанином которой он был, А. Леер отстроил по своему проекту дом, сразу наполнившийся детскими голосами и обыкновенными заботами-радостями большой семьи. Постоянно растущие расходы на содержание семьи и дома требовали от архитектора наряду с исполнением служебных обязанностей и частной практики по индивидуальным заказам.

15

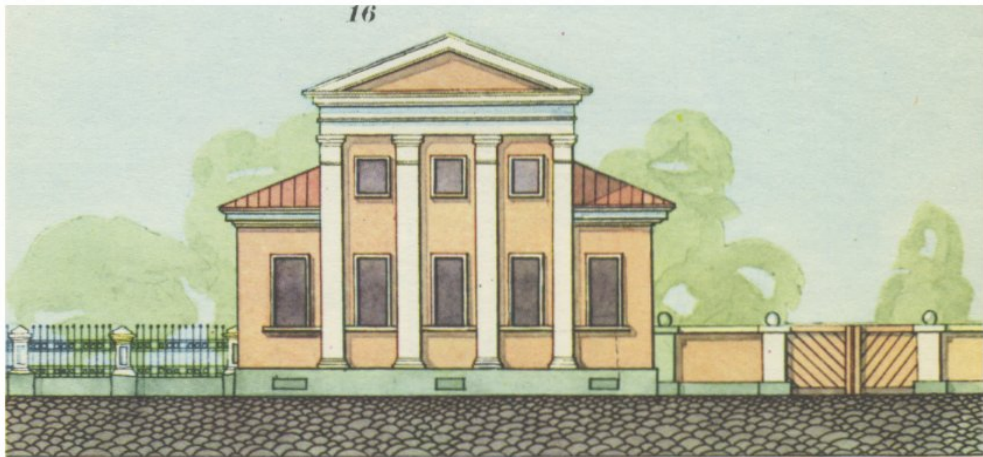
Большая Покровская улица при въезде с Московской столбовой дороги. Левая сторона.

Реконструкция Н. Филатова. Архитектурная прорисовка В. Соколова

То и другое А. Леер исполнял добротнo, на высоком профессиональном уровне. Поэтому его авторитет в городе был непререкаемым, а вклад в архитектурное преобразование города 1820—1830-х годов столь же значительным, как и И. Ефимова.

Пушкин мог видеть в городе многие возведенные А. Леером жилые и общественные здания.

Дом А. Леера, как и большинство жилых строений этой части Б. Покровской улицы, был деревянным, одноэтажным, но с непременно мезонином в центральной части и четырехколонным ионическим портиком, завершенным треугольным фронтоном. Приблизительно подобное же решение имел и флигель, хотя их разнило количество окон главных фасадов. Дом и флигель были оштукатурены, имели добротные прорисованные элементы ордера и декоративного убранства, вполне согласовывались с архитектурой Лютеранской церкви.

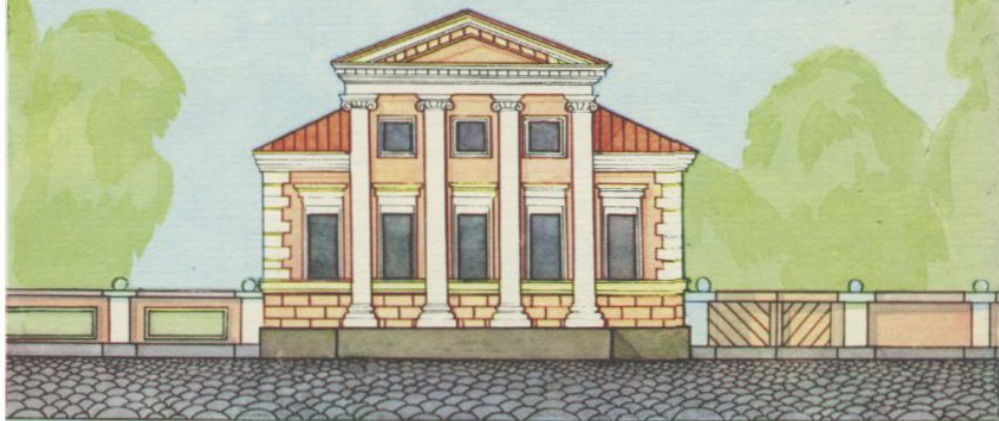
Рядом с усадьбой А. Леера на пути к кремлю стоял деревянный, решенный скромно, хотя и с обычным ионическим портиком в централь-

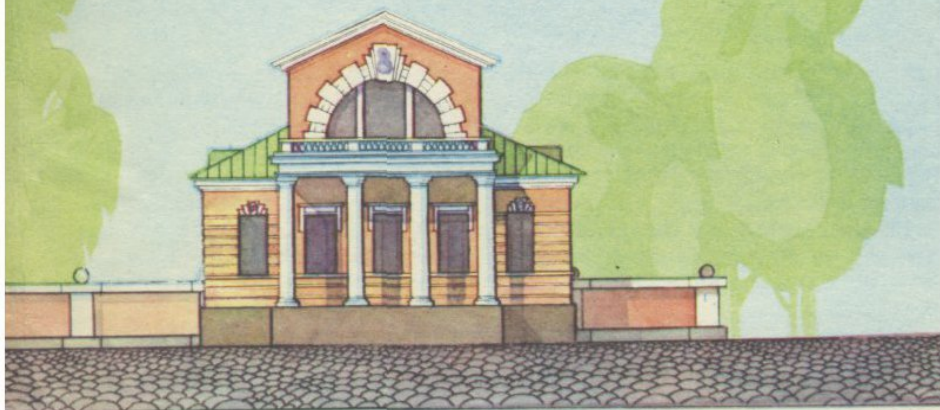
ной части фасада, дом капитанши Е. М. Щепановой, где в это время квартировал прекрасно известный Пушкину по петербургскому литературному обществу «Зеленая лампа» музыкальный критик А. Д. Улыбышев.

Следующий деревянный одноэтажный дом принадлежал титулярной советнице Марии Александровне Рубинской. Это был один из первых жилых домов, построенных в Нижнем Новгороде архитектором И. Е. Ефимовым (1821). При всей кажущейся ординарности он обладал целым рядом отличительных особенностей: в замковых камнях окон красовались лепные, в виде женских головок маскароны, прямо в улицу

выступал поддерживаемый четырьмя колоннами балкон с выходом на него через большой циркульный проем, оштукатуренные стены почти на полную высоту были разбиты дощатым рустом. Гармоничные пропорции здания и двухцветная окраска стен создавали празднично нарядный его облик²².

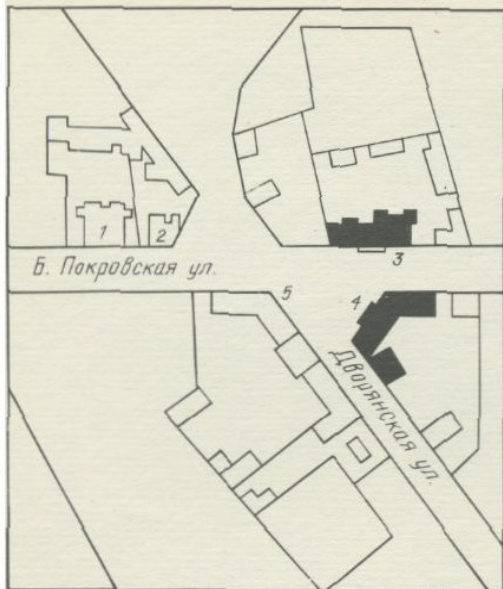
За усадьбой Рубинской улица шла в сторону кремля под заметным уклоном. Дома здесь были такие же, как и в начале улицы, в один-два этажа, с неизменными мезонинами и портиками преимущественно ионического ордера, олицетворявшего, как тогда писалось в архитектурных наставлениях, «сдержанность мудрости и миролюбия». Только

справа, на пересечении с Холодным переулком, высилась, выступая папертью в проезжую часть, Покровская каменная церковь, давшая еще в древности свое имя улице. Мощный восьмигранный барабан с ребристым куполом и миниатюрной главкой господствовали над окружающей застройкой.

Улица расступалась только перед зданием дворянского собрания, создавая довольно обширную, мощенную булыжником площадь. Выходящие на нее главными фасадами здания мы опишем более подробно потому, что с ними связана судьба многих видных людей России пушкинского времени.

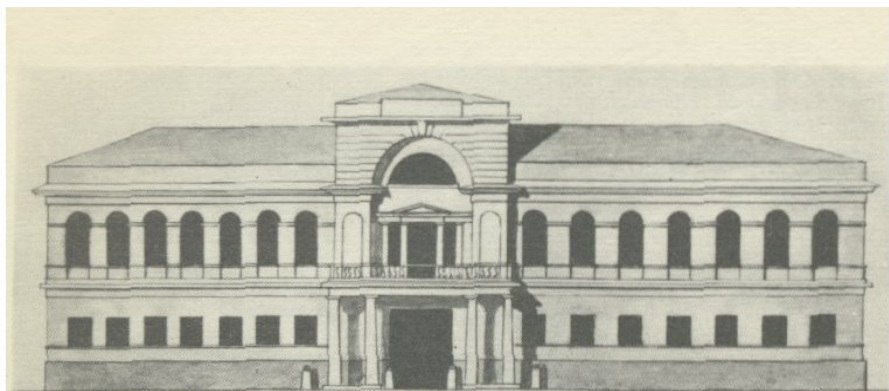
План застройки площади перед зданием Дворянского собрания. Усадебные места: 1. Е. Я. Григорьевой. 2. П. Б. Григорьева. 3. Военного губернатора М. П. Бутурлина. 4. Дворянское собрание. 5. С. П. Трубецкого (Н. А. Ляпуновой)

Контуры площади были определены еще первым, в натуре реализованным планом Нижнего Новгорода 1782—1784 годов, по которому подобные площади проектировались при пересечении почти всех главных улиц.

Здесь, над спуском с Б. Покровской улицы к рубленому Лыкову мосту через глубокий Почаинский овраг, нижегородские губернаторы поселились в конце XVIII века. А возле губернаторского дома тогда же стали отстраивать свои усадьбы известные в России княжеские роды: Юсуповы, Голицыны, Волконские, Черкасские, Трубецкие... Застраивалась площадь быстро по проектам и под надзором первого нижегородского губернского архитектора Якова Ананевича Ананьина.

Ко времени нашего рассказа первоначальные строения площади сохранились почти полностью. Только княгиня Н. А. Черкасская продала свое крепостное место вместе с домом городу, и к декабрю 1826 года на нем возвели новое каменное здание дворянского собрания, которое единственным в застройке этого района города пушкинской поры дошло до наших дней (ныне Дом культуры им. Я. М. Свердлова), сохранив как внешнее архитектурно-художественное решение, планировку, так и некоторые первоначальные интерьеры.

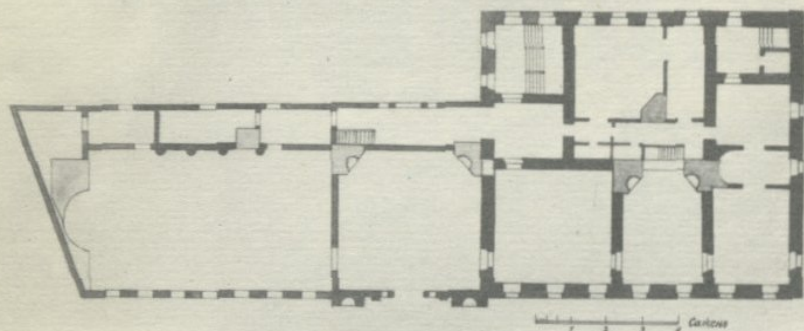

Фасад казенного дома нижегородского
губернатора. Конец XVIII в.

Арх. Я. А. Ананьин

Но главную роль в застройке площади в 1833 году играл казенный губернаторский дом.

В 1780-х годах строительство комплекса административных, а также и жилых зданий в кремле еще только развертывалось, и местное высшее чиновничество недавно учрежденного Нижегородского наместничества (1779—1796) спешно отстраивало на приобретенных землях временные дома. К разработке фасадов строений был привлечен Я. А. Ананьин, и в его формулярный список тогда же записали, что он «по

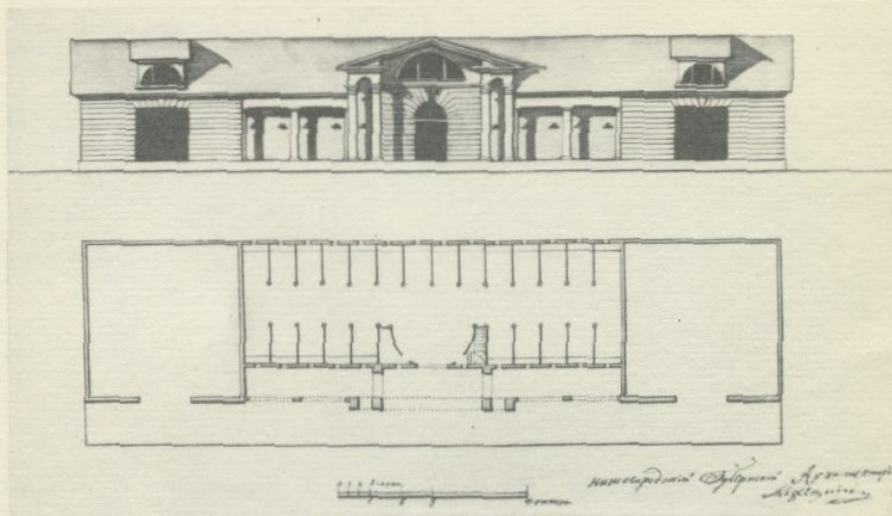
План второго этажа дома военного гу-
бернатора

Большая Покровская улица.
Дома Трубецких (Ляпуновы)
и Григорьевых.

Акварель В. Соколова
по эскизам и материалам
Н. Филатова

Проект конюшен усадьбы военного губернатора. 1809–1814 гг.

Арх. И. И. Межецкий

опробированным Ея Императорским величеством, прожектированным им самим, господином архитектором, планам и фасадам практику тщательно и с великим прилежанием производит и не токмо оное публичное здание, но и временныя... деревянные генерал-губернаторския дома...»²³.

Первоначально названный дом находился в частном владении, но после пожара 1809 года в здании присутственных мест и перевода их в кремлевский казенный вице-губернаторский дом губернатор оказался вынужденным вернуться на старое место. В 1809–1814 годах дом с землей и со всеми на ней постройками был приобретен казной и стал постоянным местом жительства первого лица обширного края.

Тогда же по проекту архитектора И. И. Межецкого отстроили новые конюшни на 24 стойла с сенниками и каретниками по сторонам, стоявшие прямо напротив въезда во двор с улицы. У отставного майора Михайлова купили прилегавший к службам губернаторского дома значительный участок земли и разбили на нем фруктовый сад, простиравшийся до откоса Почаинского оврага.

Вначале все строения губернаторской усадьбы были деревянными, оштукатуренными и окрашенными. На их ремонт ежегодно тратились значительные суммы, поэтому с весны 1831 года стены главного дома стали частями разбираться и заменяться на каменные. К приезду в Нижний Новгород Пушкина это было уже каменное здание, хотя отделочные работы продолжались и закончились лишь 24 ноября. Фасады дома были окрашены еще летом, а в сентябре ремонт продолжался в помещениях первого этажа, где располагались кухни, детская, комнаты для гувернера и гувернантки, кабинеты секретарей: настилались новые полы, штукатурились стены и потолки, перекладывались печи и камины, устраивались в окнах фрамуги. Чтоб не нарушать ритм жизни семьи губернатора и не придавать зданию неряшливый вид, весь необходимый строительный материал доставлялся партиями только на один день и подавался утром в раскрытые окна, после чего они закрывались, и ничто не напоминало, что в доме происходит ремонт.

После ремонта военно-губернаторский дом остался двухэтажным, сохранив практически первоначальное решение фасада. Балкон второго этажа покоился на четырех дорических колоннах, выступавших прямо в проезжую часть улицы. Дверь на балкон была оформлена в виде портика с треугольным фронтоном и нишами для скульптур (акседрамы) по сторонам. Вверху, над циркульным чердачным окном, возвышался ступенчатый аттик. При общей простоте убранства ордерные элементы подчеркивали значимость и придавали зданию даже некоторую импозантность.

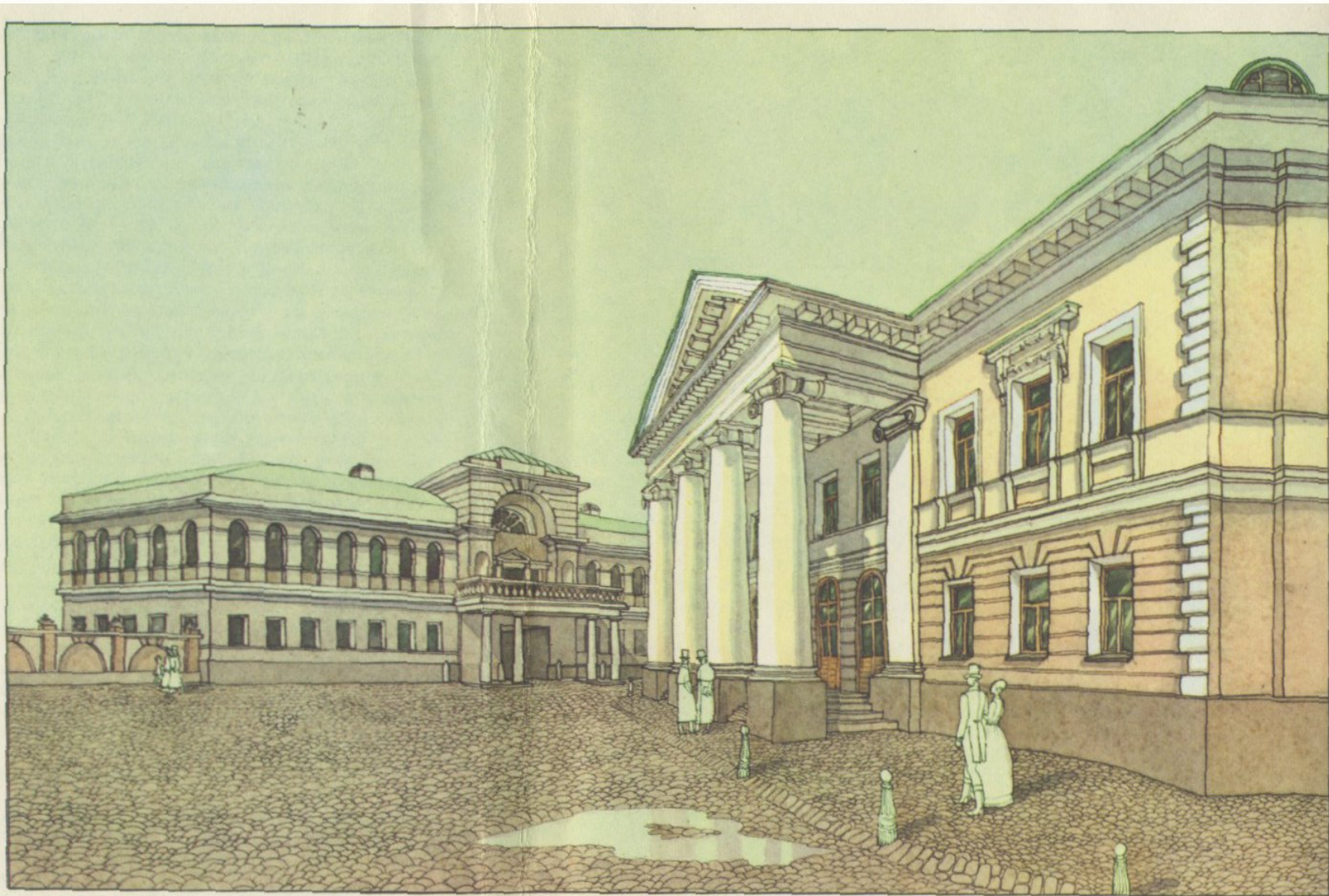
Прямо напротив военно-губернаторского дома, через улицу, высилось каменное здание дворянского собрания. Тогда в нем размещалось присутствие по делам управления и опекунства над помещичьими имениями Нижегородской губернии, и Пушкин мог посетить его по каким-либо болдинско-кистеневским делам. Тем более что осенью 1833 года здесь решалось сразу несколько ходатайств, связанных с будущим болдинской усадьбы Пушкиных. Одно из них началось сразу же после смерти 20 августа 1830 года дяди поэта Василия Львовича. С тех пор управление его частью Б. Болдина с 541 душой крепостных было передано решением Опекунского совета проживавшему в с. Ари Лукояновского уезда дворянину Г. В. Поваляшину, а в столичных «Ведомостях» опубликовано объявление о вызове займодателей и должников умершего.

В течение 1831—1832 годов поступило неоплаченных заемных писем В. А. Пушкина на сумму 137 142 руб. и целый ряд казенных денежных претензий. В это же время болдинский бурмистр Ефим Семенов от имени сельского общества в свою очередь обратился к губернским властям с просьбой провести ревизию дел опекуна, который, по его сообщению, вонец разорил крестьян чрезмерными поборами, не дав отчета истра-

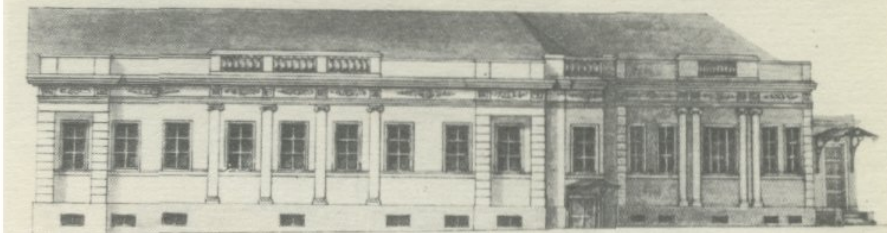
Большая Покровская улица.
Дворянское собрание и дом
военного губернатора.

Акварель В. Соколова
по эскизам и материалам
Н. Филатова

Фасад на Ворьянскую улицу

Фасад на Покровскую улицу

Дом Трубетских-Ляпуновых.

Фиксационный фасад 1842 г.
Арх. А. Л. Леер

ченных средств за годы своего опекунства. В сложившихся условиях отец поэта вынужден был официально заявить: поскольку «на покойного брата его Василья Львовича Пушкина поступило как частных, так и казенных долгов значительное количество, и потому от получения имени в свою собственность совершенно отказывается и просит более его наследником не числить»²⁴.

Но дело затягивалось, тем более что долги самого Сергея Львовича Пушкина к осени 1833 года превысили 30 000 руб., и Опекунский совет грозил — в случае неплатежа — описью в казну оставшихся 563 душ крестьян Б. Болдина²⁵. Все эти дела рассматривались летом — осенью 1833 года в нижегородском губернском правлении и опекунском отделе дворянского присутствия.

Дом дворянского собрания был одним из самых значительных новых зданий Нижнего Новгорода 1830-х годов, и Пушкин, неоднократно бывая возле, не мог не отметить «столичный» характер его архитектуры.

История здания дворянского собрания уходит еще в конец XVIII столетия, когда после учреждения Нижегородского поместничества дворянство пожелало иметь для своих официальных встреч и балов особый зал. В 1789 году был куплен на углу Варварской и Осыпной улиц дом (место здания музыкальной школы № 8 — ул. Фигнер, 5), но он был «беден в пространстве», и дворянство для съездов предпочитало нанимать залы в зданиях то кремлевских присутственных мест, то приказа общественного призрения (ныне пединститут им. А. М. Горького), а позднее — в театре князя Н. Г. Шаховского на Б. Печерской улице²⁶.

Только в 1822 году проект особого каменного двухэтажного здания заказали нижегородскому губернскому архитектору И. Е. Ефимову.

Для предполагаемого строительства купили возле губернаторского дома на пересечении Б. Покровской и Старой Варварской улиц участок земли, выходящий срезанным углом в площадь, обстроенную, как мы уже говорили выше, еще в конце XVIII века. Это определило и архитектурно-художественное решение фасадов здания: четырехколонный портик ионического ордера главного входа, выступающая прямо в площадь, как бы перекликалась с почти аналогичным портиком противостоящего дома генерала П. Б. Григорьева; боковая шестиколонная лоджия, строго следуя красной линии улицы, согласовывалась с колоннадой балкона военно-губернаторского дома. В общем новое здание вполне вписывалось в окружение и не нарушало уже сложившуюся ансамблевую застройку этой части города.

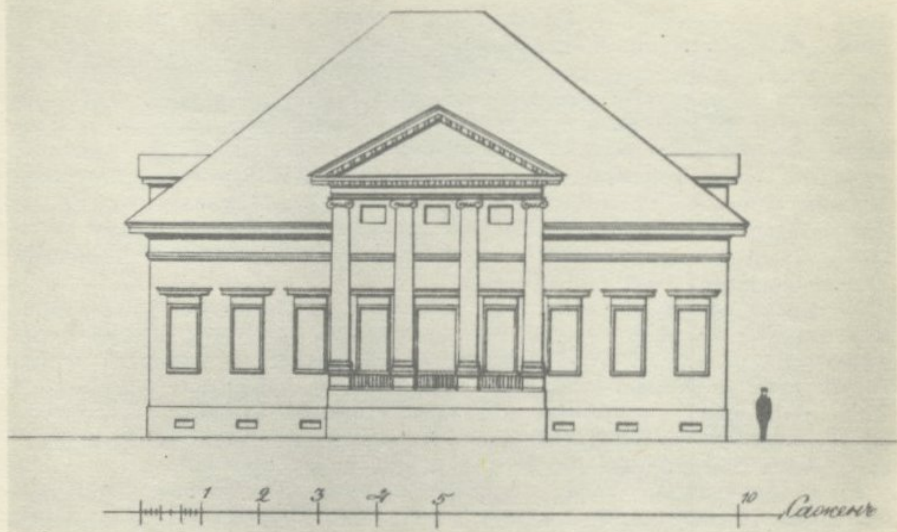
Не могла не обратить на себя внимание добротность художественной отделки фасадов: хорошо прорисованные элементы ордера, рельефно-орнаментальное убранство потолков лоджии и портика, меандровый пояс и рустовка. Здание дворянского собрания строилось в 1822—1826 годах, а к приезду в Нижний Новгород Пушкина было только что капитально отремонтировано²⁷ под руководством И. Е. Ефимова и, радуя глаз, празднично отблескивало свежей краской.

Напротив главного входа в здание дворянского собрания, через улицу, также угловое место площади в 1833 году занимал дом, в котором, как сообщает исследователь В. Д. Зеленцов, «до семнадцатилетнего возраста (до отъезда в Москву) жил... декабрист-нижегородец С. П. Трубецкой. Старый князь П. С. Трубецкой умер в 1817 году, но деревянный дом с надворными постройками в течение ряда лет в окладных книгах Нижегородской городской думы продолжал числиться за ним. Последний раз декабрист-нижегородец С. П. Трубецкой останавливался в этом же доме в 1817 году, уже будучи членом «Союза спасения»²⁸.

Дом был выстроен в конце XVIII столетия и куплен отцом С. П. Трубецкого до 1801 года, когда в обывательской книге Нижнего Новгорода сделали запись: «Князь Петр Сергеевич Трубецкой имеет в городе за собою дом с строением деревянной, состоящий в 1-й части в Покровском приходе и улице Покровской, им купленный под № 644-м²⁹».

После смерти отца и отъезда С. П. Трубецкого из Нижнего Новгорода дом несколько раз менял своих владельцев, а в 1830-х годах принадлежал генерал-майорше Настасье Александровне Ляпуновой³⁰, сохраняя первоначальную архитектуру вплоть до пожара 28 июля 1880 года, после чего жилая застройка этой части города более уже не возобновлялась³¹.

Дом был деревянный, одноэтажный, на каменном фундаменте. Он занимал угловое место на пересечении двух улиц и потому имел два индивидуальных решенных фасада. Фасад по линии Старой Варварской (в пушкинское время уже называвшейся Дворянской) по центру отме-

Дом П. Б. Григорьева.

Фиксационный фасад 1839 г.
Арх. Г. И. Кизеветтер

чали четыре ионические пилястры и боковые рустованные выступы. Фасад же по Б. Покровской улице украшали спаренные пилястры по сторонам центрального окна, а рустовка имела лишь на угловых лопатках. Над кровлей возвышались аттики с балясинами, а под ними тянулся фриз с декоративными «жуками». В общем решение дома, не отличаясь особым изяществом, тем не менее вполне соответствовало общим тенденциям русской архитектуры рубежа XVIII—XIX веков.

Четвертый угол в 1833 году занимали два дома отставного генерал-майора П. Б. Григорьева, одного из организаторов Нижегородского ополчения 1812 года. В свое время Петр Богданович Григорьев состоял полковником Преображенского полка, был особо доверенным лицом Павла I и даже удостоился в 1800 году от «великого магистра державного Ордена св. Иоанна Иерусалимского» — этой редкой в России награды. Но в 1801 году император Александр I разослал подальше от столицы сторонников убитого отца и, сохраняя при этом видимость заботы об опальных, даровал полковнику П. Б. Григорьеву вместе с отставкой повышение в чине.

Поселившись в Нижнем Новгороде, отставной генерал-майор 28 июня 1802 года купил у надворного советника Я. Ф. Скрипицына один из домов³², а вскоре женился на его дочери Екатерине Яковлевне, став владельцем обширного усадебного участка над спуском с Б. Покровской улицы к Лыкову мосту и «душой» местного дворянства, избравшего его постоянно во все общественные комитеты. Несмотря на преклонный возраст, П. Б. Григорьев был подвижен, неизменно присутствовал на всех дворянских собраниях, нередко назначался распорядителем балов.

Как и другие здания этой площади, дом П. Б. Григорьева возвели еще в XVIII веке, и в пушкинское время он сохранял первоначальный облик: был деревянным, одноэтажным, на каменном с продухами фундаменте, с мезонином-светлицей под высокой шатровой кровлей. Торцовый фасад украшал четырехколонный портик. От него в стороны расходились лестничные марши высокого крыльца, с отдыхами, огражденными баллюстрадай.

В архитектуре дома как бы слились воедино и архаика (высокая шатровая кровля со светлицей «под колпаком»), и новые черты (колонный портик входа). Можно полагать, что именно подобными домами застраивались главные улицы Нижнего Новгорода еще в первой половине XVIII столетия. Подтверждением тому служит факт, что по линии Б. Покровской улицы рядом стоял такой же дом, принадлежавший жене генерала Григорьева, доставшийся от родителей.

Все пространство площади, проезжая часть улицы, а равно и спуск к Лыкову мосту незадолго перед приходом Пушкина были замощены булыжником. Сам рубленый Лыков мост к исходу 1831 года был также поновлен по проекту И. Е. Ефимова с устройством нового настила и перил³³. Так что осенью 1833 года эта часть Нижнего Новгорода действительно представляла собой образец заботливого содержания губернского города. За экипажами проезжающих уже не тянулся обычный шлейф пыли, и их шины не вязли в песке и заиленных рытвинах, что красноречиво свидетельствовало о наступлении времени преобразований в жизни города. Перед Пушкиным площадь предстала, несмотря на индивидуальность архитектурного решения, разнообразность и даже одновременность возведения отдельных зданий, застроенной добротно, в едином стиле русского классицизма, хотя и с налетом провинциальности.

Контрастом «архитектурной гармонии», нарушая извечную тишину провинциальных городов, из-за усадьбы П. Б. Григорьева несся гул кузнечных молотов. Кузницы над кручей Почаинского оврага у Лыкова моста в пушкинское время содержал нижегородский 3-й гильдии купец Ефим Андреевич Кошелев. Он был отпущен на волю из крепостной зависимости лишь после смерти своего господина, князя Н. Г. Шахов-

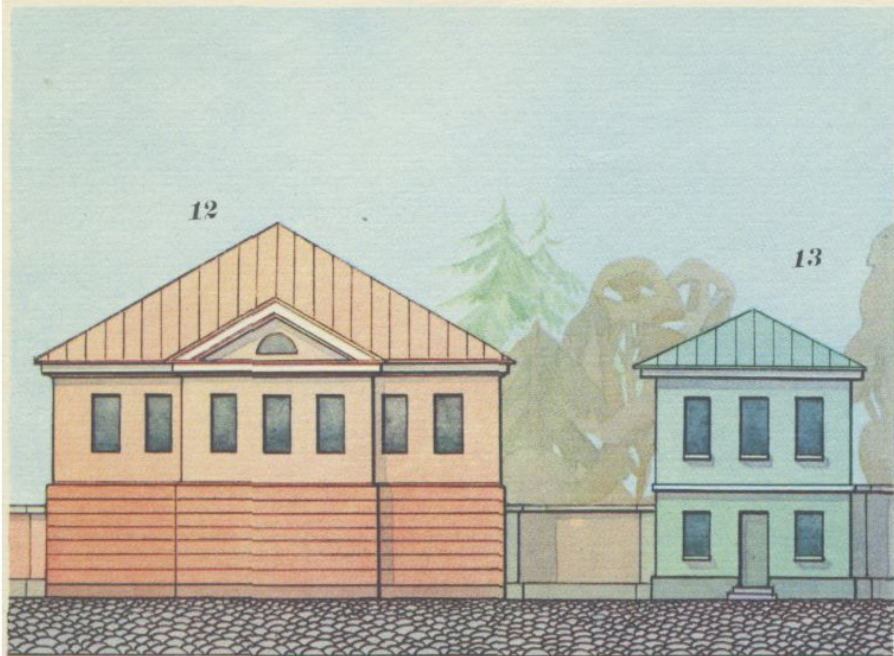
ского, в 1824 году и тогда же занялся изготовлением саней, возков, дровней и завел особую кузницу, где отковывались оси, ободья и другие тележные железные части. Однако уже вскоре он откупил в городе весь кузнечный промысел, став одним из состоятельных предпринимателей Нижнего Новгорода³⁴.

Постепенно прикупая прилегающие земли, Е. Кошелев с каждым годом все более расширял кузнечное производство, возводил деревянные и каменные кузни. Основное производственное здание тянулось более чем на 55 м (частично сохранилось — ул. Октябрьская, 1). Здесь работал не один десяток наемных, так что днем одновременно било несколько молотов, и воздух сотрясался от ударов по металлу.

Участок Б. Покровской улицы от военно-губернаторского дома до главной городской Верхнебазарной — Благоуспенской площади Пушкину в течение 2 и 3 сентября 1833 года пришлось миновать туда и обратно несколько раз. Улица была замощена булыжником и застроена в основном каменными домами, архитектура которых имела много общего с уже описанными нами строениями нижегородских городских усадеб. Правда, в некоторых местах сохранялась и старая застройка, например, усадьба князей Волконских (место современного здания театра), дом которых располагался по традиции прошлых времен в глубине двора, а красную линию улицы отбивала высокая ограда с парадным въездом ворот.

В 1833 году усадьба принадлежала княгине Александре Николаевне Волконской, а ранее здесь бывал, в том числе и проездом через Нижний Новгород в Оренбург к отцу в 1808 году, прекрасно известный Пушкину декабрист Сергей Григорьевич Волконский.

Необходимо отметить мало известный факт, что С. Г. Волконскому в Нижегородском крае принадлежало довольно крупное заволжское имение с центром в Никола-Погосте, доставшееся по наследству от деда, дипломата и полководца екатерининских времен Николая Васильевича Репнина³⁵. После осуждения С. Г. Волконского на каторгу нижегородское имение было оставлено — по его духовному завещанию — сыну Николаю под опекуном жены, ее отца командира Нижегородского драгунского полка генерала от инфантерии Н. Н. Раевского и Н. Г. Репнина. Можно полагать, что в доме на Б. Покровской улице останавливалась на пути в Сибирь к мужу и Мария Николаевна Волконская, оставившая нам важное свидетельство об изначальном замысле Пушкина создать исторический труд о Пугачеве, относящемся к концу 1826 года: «Я намерен написать книгу о Пугачеве. Я поеду на место, перееду через Урал, поеду дальше и явлюсь к вам просить пристанища в Черченских рудниках». Он написал свое великолепное сочинение, всеми восхваляемое, но до нас не доехал»³⁶, — записала впоследствии в своих воспоминаниях М. Н. Волконская.

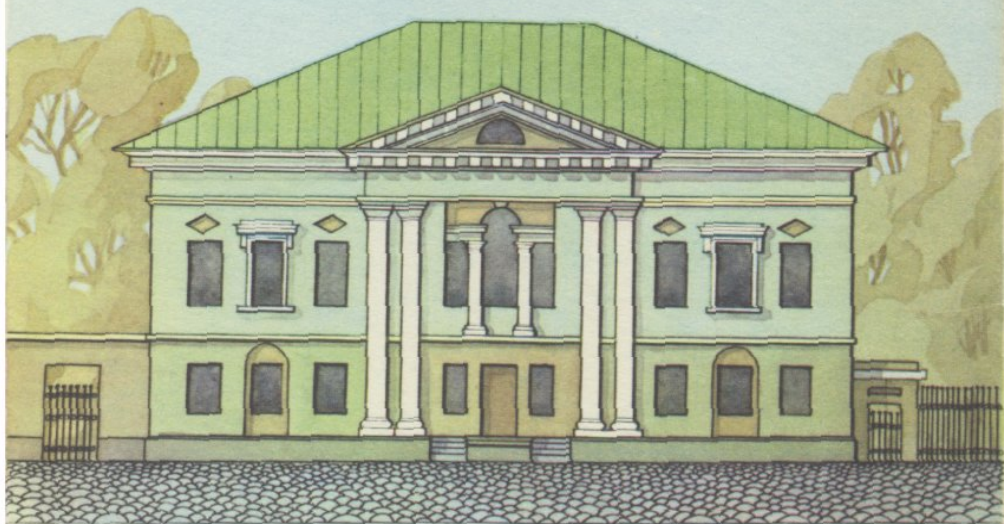
Большая Покровская улица. Дома Костроминых и Захаровой.

Реконструкция Н. Филатова. Архитектурная прорисовка В. Соколова

За усадьбой Волконских и рядом расположенным домом титулярной советницы Н. В. Степановой улица открывалась в небольшую со срезанными углами площадь, подобную площади перед зданием дворянского собрания. Один из углов площади (место современного ювелирного магазина «Рубин») занимала усадьба вице-губернатора, позади которой возвышался огромный купол Никольской верхнепосадской церкви. В сторону же Черного пруда, отблескивавшего вдали справа, мостовая делала заметный уклон, открывая со взгорья широкую панораму тихих городских садов с примостившимися в их зелени редкими уютными деревянными домами.

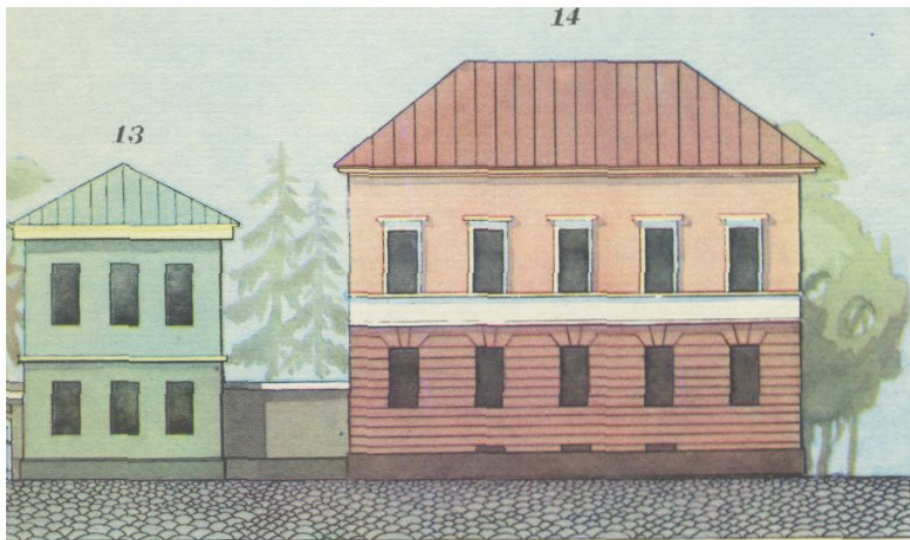
Здесь, на месте скрытых древних валов малого острога, теперь пролегла Осыпная улица.

Усадьба вице-губернатора была возведена еще в 1796 году, и все ее строения — главный дом, жилой флигель и службы — были деревянными, одноэтажными и столь запущенными, что более напоминали жилье разоряющегося мещанина, нежели усадьбу второго по значению лица губернии. Лишь главный дом еще сохранял некоторые черты «величия»: четырехколонный портик поддерживал треугольный фронто́н с циркульным слуховым окном, обрамленным местами сохранившимся поясом лепнины. Но уже давно было сбито лепное убранство фриза, заложен парадный вход. Скорее по традиции, чем по надобности, строения вице-губернаторской усадьбы продолжали ремонтировать почти каждый год (в том числе и в 1833 году), пока в связи с градостроительными мероприятиями в Нижнем Новгороде и полным обветшанием они не были проданы с аукциона в 1844 году из казенного ведомства в частные руки.

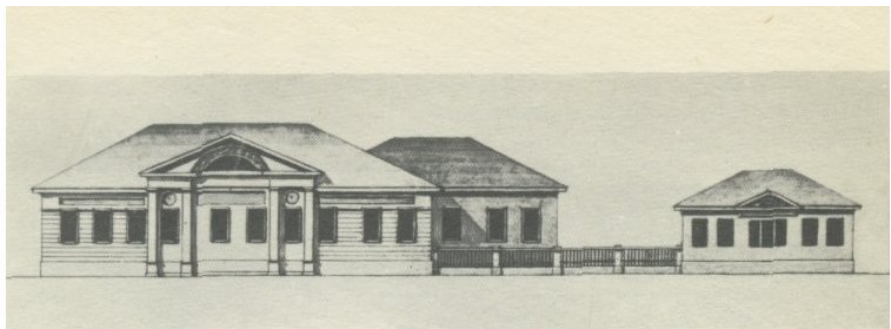

Прямо напротив вице-губернаторской усадьбы, через Б. Покровскую улицу, в 1833 году стоял старый двухэтажный каменный дом с двумя флигелями по сторонам нижегородского 1-й гильдии купца М. А. Костромина. Необходимо отметить, что этот дом и один из флигелей, хотя и искаженные позднейшими ремонтами и поновлениями, сохранились до наших дней (ул. Свердлова, 6).

Купец Костромин в свое время оказал материальную поддержку И. П. Кулибину, и после возвращения в 1801 году из Петербурга в Нижний механик, вероятно, неоднократно посещал семью своего покровителя, особенно после пожара 1813 года, уничтожившего все имущество, модели и чертежи изобретателя.

В 1833 году дом Костроминых сохранял еще первоначальный вид: был двухэтажным, с глубокими сводчатыми подвалами и с неизменными для той поры выступающими прямо на улицу четыремя колоннами. Харак-

Усадьба вице-губернатора на Б. Покровской улице.

Фиксационный чертеж 1836 г.
Арх. И. Е. Ефимов

терные для XVIII столетия фигурные ниши фасада, строгий тосканский ордер портика свидетельствовали о руке опытного мастера-строителя, которым мог быть губернский архитектор Я. А. Ананьин. Кирпичные двухэтажные боковые флигеля в три окна по главному фасаду каждый были лишены каких-либо элементов убранства, подчеркивая тем самым главенствующее значение жилого дома в композиции усадьбы³⁷.

Угловое место при пересечении Б. Покровской улицы и Осыпи в 1833 году занимал дом, архитектурно-художественное решение которого оказало существенное влияние — как образец для подражания — не только на застройку города пушкинской поры, но и на судьбу автора проекта, архитектора А. Л. Леера. Ему стали заказывать проекты частных домов, что не только подняло авторитет архитектора, но и принесло немалый доход.

После утверждения 26 января 1824 года в Петербурге нового генерального плана Нижнего Новгорода застройка Б. Покровской улицы каменными домами продолжилась еще более интенсивно, и первым из них был возведен дом титулярной советницы Е. Захаровой.

Дом должен был занять угловое место со значительным уклоном рельефа в сторону Черного пруда, и А. Леер, спроектировав в плане небольшой круглый зал, а за ним спиралеобразную лестницу и подвальный этаж с окнами только во двор, умело вышел из затруднительного положения. Неудобства места были использованы архитектором для придания своеобразной поэтажной планировки и для размещения вспомогательных помещений (кухни, кладовых, комнат прислуги) в полуэтаже правого крыла здания, отлегающего от линии площади в сторону Черного пруда.

Колонны и пилястры на фасадах домов уже начали выходить из моды, и А. Леер обратил свое внимание на согласованность пропорций и

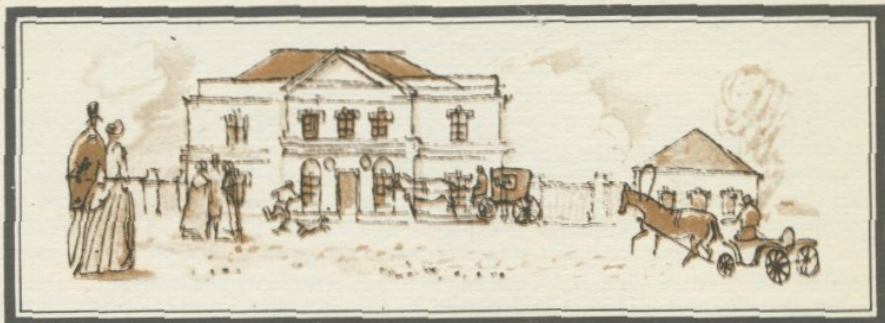
детальную прорисовку элементов в общем-то простого убранства фасадов: наличников окон с фигурными консолями, рустовки первого этажа с выделением «замковых камней». Тем самым при всей ограниченности художественных средств, но при ритмической повторяемости одних и тех же элементов на разных зданиях достигалась ансамблевая согласованность застройки города.

Слева от усадьбы Костроминых располагались сразу четыре каменных доходных дома купчихи Настасьи Григорьевны Кокоревой, два из которых выходили своими главными фасадами уже на Верхнебазарную — Благовещенскую площадь. Строились дома в разные годы, даже разные века, но в 1833 году содержались в хорошем состоянии.

Таким образом, главная городская Б. Покровская улица, несмотря на разновременность застройки, выглядела вполне в духе времени и не могла не вызвать если не восторженного, то хотя бы лестного отзыва Пушкина: в Нижнем Новгороде улицы «широкие и хорошо мощеные, дома построены основательно...».

Глава УУУ

ГЛАВНАЯ ГОРОДОВАЯ БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Москвичи принесли на берега Волги свои привычки шумной, разсеянной жизни: вместо любимого своего гулянья — красивых московских бульваров — толпились на городской площади среди дорожных колясок и крестьянских телег; приютившись как Бог послал, устраивали шумные сборища, балы и маскарады...

Из письма К. И. Батюшкова в 1812 году

Московская столбовая дорога заканчивалась в Нижнем Новгороде у здания губернской почтовой конторы на площади, образовавшейся перед кремлевскими Дмитриевскими воротами еще в стародавние времена. Сложившаяся в веках свободная застройка Благовещенской площади (то есть не регулярная, а следующая лишь особенностям рельефа местности) сохра-

нялась вплоть до конца XVIII века. Только после учреждения Нижегородского наместничества и назначения губернским архитектором Я. А. Ананьина площадь очистили от старых строений, определили новые границы и начали застраивать по контуру каменными зданиями. Но прежде всего выполнили ее нивелировку: засыпали потерявший свое значение крепостной ров под кремлевской стеной, разобрали на кирпич предместное укрепление Дмитриевских ворот, ориентируясь на которые через весь Верхний посад пробили расходящиеся прямыми лучами Б. Покровскую, Алексеевскую, Варварскую и Тихоновскую улицы. С тех пор на Благовещенской площади предписывалось возводить исключительно каменные, не менее как двухэтажные здания и по лучшим «образцовым» фасадам.

Противоположную кремлю линию площади тогда же заняли государственные учреждения, а боковые — партикулярные строения. Возведенные в основном в конце XVIII — начале XIX века здания и видел здесь Пушкин в сентябре 1833 года.

При въезде на площадь с Большой Покровской перед поэтом открылась круговая панорама: линию площади в сторону Алексеевской улицы занимал каменный дом с двумя флигелями купчихи 3-й гильдии Настасьи Кокоревой, а угловую часть — деревянный дом с мезонином мещанина Петра Калмыкова; за Алексеевской улицей располагалась губернская почтовая контора; между Варваркой и Тихоновской улицами — гимназия; от Тихоновской в сторону кремля отлегли два каменных дома — гостиницы Д. Деулина, разделенные широким проездом во двор.

В центре площади возвышался древний Благовещенский собор, а ближе к почтовой конторе — новая Алексеевская церковь. Не только значительными размерами, но и причудливостью архитектурных форм привлекал внимание прежде всего Благовещенский собор (1697), по красоте и богатству убранства превосходящий все храмы Верхнего посада. В небо поднималось его стройное пятиглавие с золочеными, тонкой работы, коваными крестами и муравленой черепицей кровли, переливался многоцветьем изразцовый фриз в верхней части здания.

Совсем иной была рядом стоящая церковь Алексея Митрополита, возведенная в честь воспитателя и наставника великого русского полководца Дмитрия Донского. Первоначально церковь была деревянной, но в начале XIX века, на основе одного из «образцовых фасадов», архитектор И. Е. Ефимов создал проект каменной церкви. Она была небольшой, с куполом на световом барабане, с портиками по сторонам главного объема, с невысокой колокольней над трапезной. Желая использовать выгоды местоположения, церковный причт обстроил трапезную лавками, что исказило архитектуру здания. И. Е. Ефимов попытался «на законном основании» воспрепятствовать этому, но причт, не желая лишаться выгодной статьи дохода, настоял на своем.

Очутившись на Благовещенской площади, коляска Пушкина круто повернула вправо, в проезд между домами Кокоревых и Алексеевской церковью, и подкатила прямо к почтовой конторе, занявшей здесь место в конце XVIII столетия.

Бывший Ямской двор Нижнего Новгорода, ранее расположенный в середине Ямской мостовой Ильинской улицы, тог-

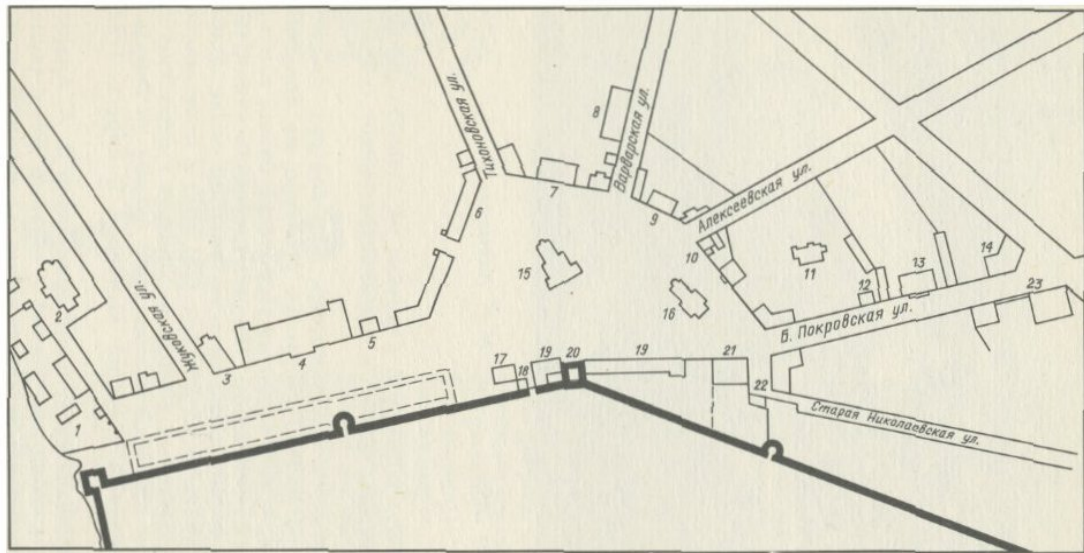
Благовещенская Верхнепосадская площадь. Конец XIX в.

Фото М. П. Дмитриева

да переименовали в почтовую контору и перевели на главную городскую Благовещенскую площадь, ближе к административным губернским учреждениям.

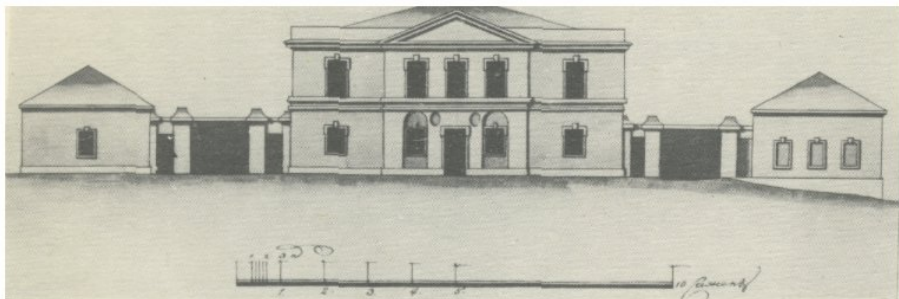
Первоначально предполагалось приспособить под контору старые палаты бывшего бургомистра Я. И. Пушкинова, стоявшие на Верхнем посаде, в Стрелецкой улице, прямо напротив Пороховой башни каменного кремля (место будущей семинарии). Но они требовали капитального ремонта и вложения значительных средств, поэтому после получения правительственного указа от 29 декабря 1781 года с повелением строить особые «дома для почтовых контор по городам губернским и уездным»³⁸ решили возвести каменное двухэтажное здание по «образцовому» фасаду, присланному в Нижний Новгород в апреле 1782 года³⁹.

Строительные работы возглавил губернский архитектор Я. А. Ананьев. К 1787 году комплекс необходимых зданий — главный дом с двумя флигелями, конюшни с сенниками и каретниками за высокой огра-

План застройки Верхнепосадской Благовещенской площади и прилегающих к ней улиц: 1. Бывший Крестовоздвиженский монастырь. 2. Георгиевская церковь. 3. Духовная консистория. 5. Дом А. И. Вяловой. 6. Гостилицы Д. Г. Деулина. 7. Губернская гимназия. 8. Аптека Г. Эвениуса. 9. Почтовая губернская контора. 10. Постоялый двор П. Калмыкова. 11. Здание древнего Мытного двора. 12. Усадьба

Н. Г. Кокоревой. 13. Усадьба М. А. Костромина. 14. Дом Е. Захаровой. 15. Благовещенский собор. 16. Церковь Алексея Митрополита. 17. Питейный дом (кабак). 18. Полицейская будка. 19. Верхнепосадские общественные торговые ряды. 20. Дмитриевская башня кремля (Губернский архив.) 21. Дом А. Кордюковой. 22. Дом И. Фиалковского. 23. Усадьба вице-губернатора

Нижегородская губернская почтовая контора.

Фиксационный чертеж начала XIX в.

дой — был построен. Главный дом занимали квартира почтмейстера и комнаты для временного постоя проезжающих, флигеля отводились ямщикам, почтальонам и фельдъегерям правительственных эстафет. Между центральным домом и флигелями располагались двухстворчатые на каменных столбах ворота, открывавшиеся только при въезде и выезде экипажей.

Рядом с почтовой конторой по площади тянулось длинное на столбах-опорах бревно коновязи с дощатыми сениками-кормушками. Возле них постоянно стояли две-три привязанные лошади, мотавшие накинутыми на их головы торбами с овсом. Устланная натрушенным сеном и размешанная колесами земля представляла собой жидкое месиво, в котором вязли копыта лошадей.

При заметно возросшем потоке путников и грузов, особенно летом, во время Нижегородской ярмарки, старые здания почтовой конторы оказались «стесненными». В 1831 году губернское начальство обратилось к архитектору А. Лееру с просьбой о создании проекта перестройки здания. Новый фасад с четырехколонным портиком по центру был представлен в срок, но «по обширности архитектурного замысла остался без движения». Учитывая высказанные пожелания начальства, А. Леер разработал сразу два новых проекта, один из которых и был утвержден 6 октября 1834 года, а спустя год — реализован⁴⁰. Так что Пушкин был в старом здании почтовой конторы и видел такой, какой ее возвели еще в конце XVIII столетия.

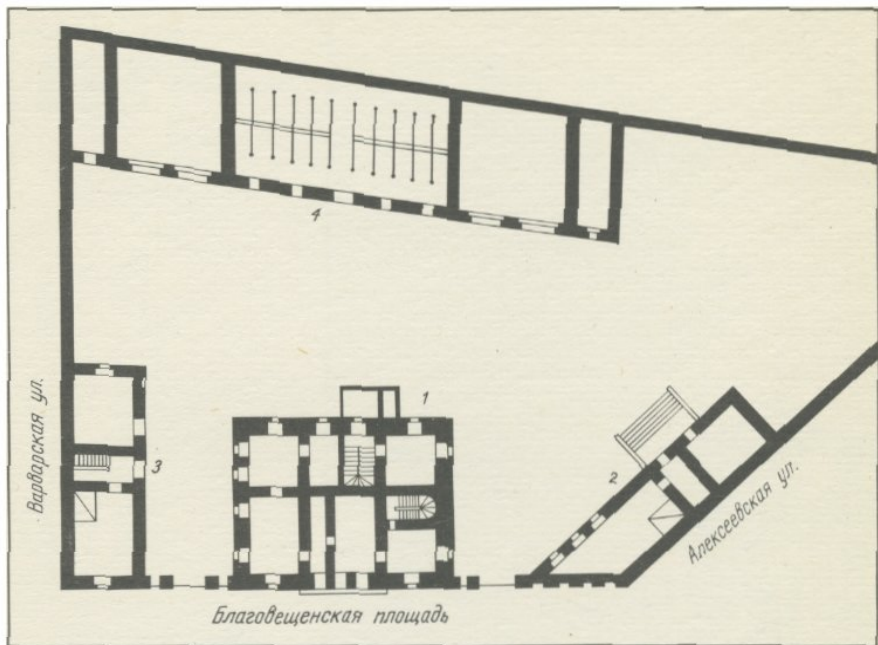
В непосредственной связи с деятельностью почты развивалась и ближайшая партикулярная застройка. Прямо напротив флигеля почтальо-

Благовещенская площадь. Гу-
бернская почтовая контора.

Ахверель В. Соколова
по эскизам и материалам
Н. Филатова

План территории нижегородской почтовой конторы: 1. Главный дом. 2. Флигель для поста ямщиков. 3. Флигель для поста почтальонов и фельдъегерей. 4. Конюшни с каретниками и сениками

нов прибывавшие в город на день-два путники из «подлых сословий» могли найти приют и пропитание в доме П. Калмыкова. В подвалах же каменных домов Кокоревых день и ночь ремонтировалась упряжь и колеса экипажей. Возле них теснились телеги, колымаги и возки, вскинув в небо парные оглобли.

Родоначальница купеческой фамилии Кокоревых Анна Ивановна стала владелицей обширного хозяйства еще в 1789 году, когда доносила в губернское правление, что «при доме своем выстроила для приезжающих и прохожих людей два деревянных и третий, по закладной доставшийся, каменной постоялые дворы»⁴¹. Со временем она стала сдавать подвалы домов под шорно-колясные мастерские. В 1833 году в доме напротив Алексеевской церкви экипажную мастерскую содержал

А. Гузеев, а под угловым корпусом каретную мастерскую открыл И. Можайский⁴².

Дома были построены еще в XVIII столетии, но с принятием в 1802—1804 и 1818—1824 годах новых генеральных планов Нижнего Новгорода они оказались стоящими «не в линиях конфирмованного последнего плана» и по этой причине, несмотря на неоднократные настойчивые просьбы Кокоревых, выходящие на площадь дома ремонтировать внутри запрещалось, чтоб со временем сломать и на их месте отстроить корпуса общественных лавок, что и было исполнено в 1834—1843 годах по проекту архитекторов И. Е. Ефимова и А. Л. Леера⁴³ (современное здание, в котором находится Выставочный зал).

Лучшими здесь, на площади, считались гостиничные номера купца Д. Деулина, в которых останавливались на постой наиболее состоятельные гости. Именно в них и провел Пушкин 2 и 3 сентября 1833 года⁴⁴.

Гостиницей Д. Деулина на главной городской Благовещенской площади пользовались не только знатные путешественники, государственные чиновники, но и этапные команды ссыльных дворян. Именно в этой гостинице летом 1826 года останавливались конвоируемые в сибирскую ссылку декабристы В. Л. Давыдов, А. И. Якубович, А. З. Муравьев и Е. П. Оболенский. В дневниковой записи последнего сохранилось краткое описание народного гуляния здесь, на площади, по случаю открытия ярмарочного торга: «Из путевых впечатлений наиболее в памяти сохранился въезд в Нижний, который совершился во время открытия ярмарки; тысячи народа толпились на площади, когда мы медленно проезжали через площадь к гостинице. Общее чувство к нам выразилось единственно безмолвным созерцанием наших колесниц с жандармами и нашего наряда с ножными украшениями...»⁴⁵.

На рубеже XVIII—XIX веков земли, где позднее были выстроены Д. Деулиным гостиницы, принадлежали местному епископскому дому и нижегородскому гарнизону, а улица, шедшая вдоль кремлевской стены, вплоть до 1820-х годов так и называлась Стрелецкой.

Старая нерегулярная застройка с небольшими в три окна, преимущественно деревянными домами здесь сохранилась до 1819 года. Только после принятия нового генерального плана Нижнего Новгорода 1818—1824 годов была окончательно определена северо-восточная граница площади, тогда же сломаны все выходявшие за пределы красных линий строения и начата ее застройка каменными домами. Те, кто был не в состоянии возвести в кратчайший срок дорогостоящие каменные дома, должны были уступить свои земельные участки городским властям, а взамен получали таких же размеров усадебные места на окраинах города. Освободившиеся земли раскупили состоятельные нижегородцы. Среди них был и купец 3-й гильдии Дмитрий Григорьевич Деулин.

А. Гузеев, а под угловым корпусом каретную мастерскую открыл И. Можайский⁴².

Дома были построены еще в XVIII столетии, но с принятием в 1802—1804 и 1818—1824 годах новых генеральных планов Нижнего Новгорода они оказались стоящими «не в линиях конфирмованного последнего плана» и по этой причине, несмотря на неоднократные настойчивые просьбы Кокоревых, выходящие на площадь дома ремонтировать внутри запрещалось, чтоб со временем сломать и на их месте отстроить корпуса общественных лавок, что и было исполнено в 1834—1843 годах по проекту архитекторов И. Е. Ефимова и А. Л. Леера⁴³ (современное здание, в котором находится Выставочный зал).

Лучшими здесь, на площади, считались гостиничные номера купца Д. Деулина, в которых останавливались на постой наиболее состоятельные гости. Именно в них и провел Пушкин 2 и 3 сентября 1833 года⁴⁴.

Гостиницей Д. Деулина на главной городской Благовещенской площади пользовались не только знатные путешественники, государственные чиновники, но и этапные команды ссыльных дворян. Именно в этой гостинице летом 1826 года останавливались конвоируемые в сибирскую ссылку декабристы В. Л. Давыдов, А. И. Якубович, А. З. Муравьев и Е. П. Оболенский. В дневниковой записи последнего сохранилось краткое описание народного гуляния здесь, на площади, по случаю открытия ярмарочного торга: «Из путевых впечатлений наиболее в памяти сохранился въезд в Нижний, который совершился во время открытия ярмарки; тысячи народа толпились на площади, когда мы медленно проезжали через площадь к гостинице. Общее чувство к нам выразилось единственно безмолвным созерцанием наших колесниц с жандармами и нашего наряда с ножными украшениями...»⁴⁵.

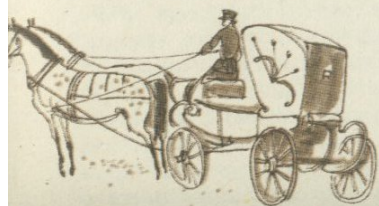
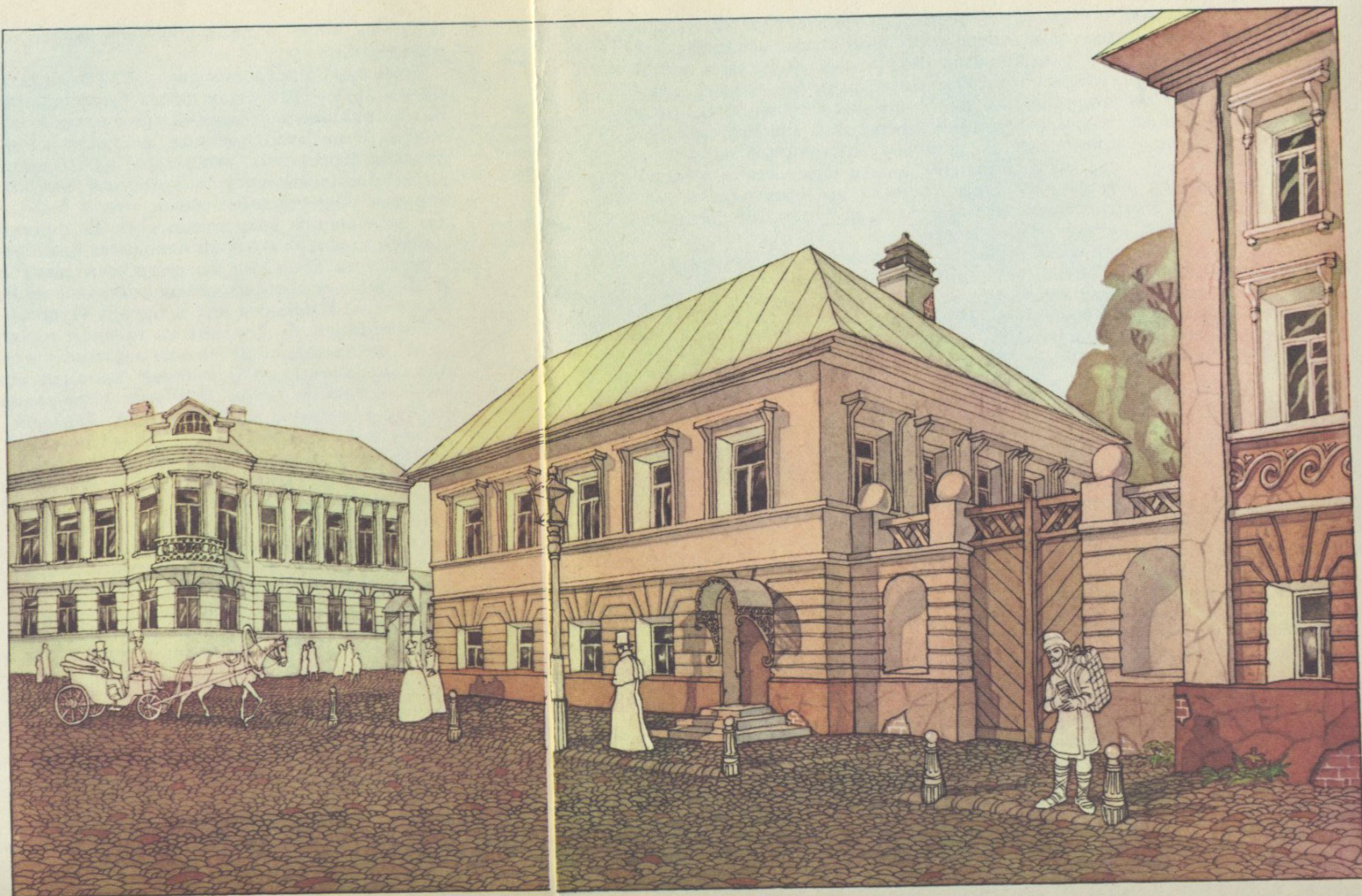
На рубеже XVIII—XIX веков земли, где позднее были выстроены Д. Деулиным гостиницы, принадлежали местному епископскому дому и нижегородскому гарнизону, а улица, шедшая вдоль кремлевской стены, вплоть до 1820-х годов так и называлась Стрелецкой.

Старая нерегулярная застройка с небольшими в три окна, преимущественно деревянными домами здесь сохранилась до 1819 года. Только после принятия нового генерального плана Нижнего Новгорода 1818—1824 годов была окончательно определена северо-восточная граница площади, тогда же сломаны все выходявшие за пределы красных линий строения и начата ее застройка каменными домами. Те, кто был не в состоянии возвести в кратчайший срок дорогостоящие каменные дома, должны были уступить свои земельные участки городским властям, а взамен получали таких же размеров усадебные места на окраинах города. Освободившиеся земли раскупили состоятельные нижегородцы. Среди них был и купец 3-й гильдии Дмитрий Григорьевич Деулин.

Благовещенская площадь. Го-
стиница Деулина и флигель гу-
бернской гимназии.

Акварель В. Соколова
по эскизам и материалам
Н. Филатова

В 1820 и 1823 годах по проекту губернского архитектора И. В. Ефимова он построил в длину всей северо-восточной стороны площади два каменных двухэтажных, с глубокими сводчатыми подвалами дома⁴⁶. В первом этаже купец открыл торговлю «виноградными винами и водками», а сверху — гостиничные номера. Проезжих в городе было немало, и расположенные рядом с почтовой конторой и присутственными местами гостиницы приносили Д. Деулину постоянный, хотя и не столь значительный, как хотелось бы ему, доход. Стремление же к быстрому обогащению через подряды на поставку крупных партий государственной соли в отдаленные районы страны не только не увеличило его доходы, но и буквально в один год разорило.

Приезд Пушкина в Нижний Новгород совпал с очень трудным периодом жизни хозяина гостиницы, когда Д. Деулин под страхом окончательного разорения был вынужден всячески экономить средства, до минимума сократив штат прислуги. По этой причине приезжавших устраивал на постой либо сам хозяин, либо его жена Анна Михайловна, с которыми Пушкин мог беседовать не только при расспросах нужных ему нижегородских адресов и отсылке писем, но и при заказе вечернего и утреннего чая.

Рядом с гостиницей, на одной с ней линии по Тихоновской улице, в 1833 году стоял (стоит и в настоящее время — ул. Ульянова, 8) мало приметный деревянный одноэтажный дом, о котором тем не менее Пушкин был наслышан от своего дяди Василия Львовича и друзей-поэтов. Современники его называли «домом литераторов». Здесь, в семье участника Нижегородского ополчения 1812 года И. А. Аверкиева, в год разорения французами Москвы нашел приют известный русский писатель и историк Н. М. Карамзин. Первоначально он предполагал принять участие в Отечественной войне в рядах Нижегородского ополчения, однако успешные действия русской армии и смерть сына в Нижнем Новгороде изменили замыслы. В условиях общего патриотического подъема Н. М. Карамзин продолжал работать над материалами для X—XII томов своей «Истории государства Российского», посвященных русской истории XVI — начала XVII века.

У Карамзиных регулярно собирались литераторы и ученые. Здесь обсуждались новости с театра военных действий, читались новые произведения.

Кроме дяди, Пушкину были прекрасно известны и другие члены литературного нижегородского кружка Н. М. Карамзина: А. Ф. Малиновский, Д. Н. Бантыш-Каменский, переписка с которым стала особенно оживленной во время работы поэта над «Историей Пугачева», а с поэтом К. Н. Батюшковым он был знаком с детских лет еще по встречам в доме родителей, испытал в юности сильное воздействие батюшковской элегической и батальной лирики.

Таким образом, одноэтажный деревянный дом, построенный в первые годы XIX века, мог вызвать у Пушкина глубокие ассоциации и воспоминания о близких ему людях, так или иначе оказавших влияние на его жизнь и творчество.

Из окон гостиницы обозревалась вся площадь. В центре возвышались Благовещенский собор и Алексеевская церковь, возле которых толпились небольшие группки богомольцев.

После бурного лета, когда количество людей в Нижнем Новгороде увеличивалось за счет приезжавших на ярмарку в несколько раз⁴⁷, город возвращался в обычное сонное состояние, вспоминая о прошлом и мечтая о будущем. Купцы и всегда многочисленные путешественники отправлялись по домам, а местное дворянство еще только съезжалось из уездных усадеб на зимние квартиры в губернский город. Более или менее оживленно было лишь возле торговых верхнепосадских рядов и у губернской гимназии, расположенной прямо напротив гостиницы.

Комплекс губернской гимназии состоял из центрального трехэтажного, с балконом по центру, здания и двухэтажных флигелей, занимавших угловые места площади и уходивших боковыми фасадами в Тихоновскую и Варварскую улицы.

Здания возвели в конце XVIII столетия для Приказа общественного призрения, а с учреждением в 1808 году губернской гимназии передали в ее ведение. С тех пор в центральном корпусе располагались учебные классы и актовый зал, а во флигелях — общежития гимназистов и квартиры учителей.

С годами число учащихся росло, и к концу 1830-х годов появилась необходимость расширить старые здания. Это было тем более важно, что уставом 1828 года⁴⁸ при Всесословной гимназии разрешалось открывать для детей дворян особые «благородные» пансионы. В 1833 году под размещение местного пансиона нижегородское дворянство купило рядом расположенное на Варварской улице усадебное место военного советника Н. Латухина вместе с двухэтажным каменным домом (часть правого крыла современного здания областной библиотеки им. В. И. Ленина), а три ранее самостоятельных корпуса гимназии было решено перестроить, объединив в одно более просторное здание.

Одним из вариантов проекта от 22 апреля 1833 года предусматривалось возвести напротив кремля величественный трехэтажный корпус с восьмиколонным портиком в центральной части и двухсветным залом, завершенным куполом⁴⁹. Но это требовало значительных средств, и губернские власти отказались от него.

Таким образом, проекты перестройки зданий губернской гимназии еще только проходили стадию разработки и утверждения. Пушкин же видел гимназию в первоизданном виде.

Центральный трехэтажный корпус выходил на площадь девятью окнами. На балкон второго этажа с фигурной решеткой вели три двери с циркульными верхами, а окна здания и флигелей имели одинаковые простого рисунка наличники. Рустовка первого этажа всех трех корпусов объединяла их, так же как и общая светло-охристая окраска стен с прорисовкой белыми профилями. Композиционная согласованность архитектуры зданий достигалась предельно скупыми средствами.

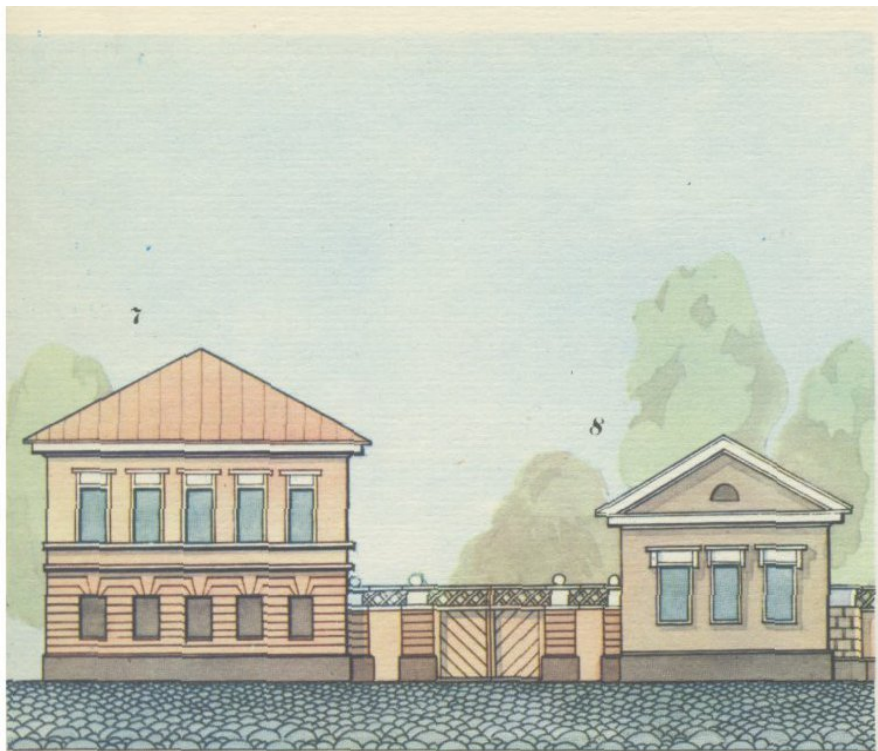
По линии Варварской улицы в XVIII веке была возведена первая в городе партикулярная аптека. Она была не только одним из ранних гражданских каменных зданий Нижнего Новгорода времени бурного преобразования города, прекрасным образцом застройки той поры, но и своим протяженным фасадом навсегда зафиксировала направление Варварской улицы, сыграв важную роль в регулярном переустройстве Нижнего Новгорода 1782—1784 годов.

Аптеку открыл в частном доме в 1780 году «гезель», то есть специалист, только что окончивший обучение, Г. Х. Эвениус. Уже через год, после успешной сдачи экзаменов в столичной Медицинской коллегии, ему присвоили звание аптекаря, и Г. Эвениус получил официальное разрешение для более обширной практики. Это позволило ему купить значительный участок земли в начале Варварской улицы. В 1789 году он обратился к практиковавшему строительными подрядами машинного дела мастеру И. И. Немейеру с просьбой о разработке проекта каменного дома. Тогда же был заключен договор и с каменщиком-подрядчиком из Макарьевской слободы (с. Пурех) Николаем Монниковым. К исходу 1792 года работы были завершены.

Вытянутый вдоль Варварской улицы главный фасад в 19 окон имел по центру шесть пилястр на слегка выступавшем в проезжую часть «ризалите» и невысокий, соответствующий ему ступенчатый аттик. Цокольный этаж с мощными стенами был разбит рустовкой. В сводчатых помещениях находились лаборатория, конторка-раздача, домашние кухни и кладовые. Жилые комнаты и два просторных зала с высокими потолками, имевшими богатое лепное убранство, занимали второй этаж. В общем здание аптеки Г. Эвениуса вполне отвечало характеру русской архитектуры конца XVIII столетия и оставалось одним из наиболее значительных гражданских каменных построек Нижнего Новгорода пушкинской поры. Услугами аптеки пользовались не только нижегородцы, но и проезжающие, тем более что располагалась аптека в непосредственной близости от почтовой конторы.

С именем Пушкина — можно полагать — на Благовещенской площади связана и Дмитриевская башня кремля, где, как предполагает исследователь Н. И. Куприянова, поэт мог работать над архивными местными материалами, связанными с крестьянской войной под предводительством Е. И. Пугачева⁵⁰.

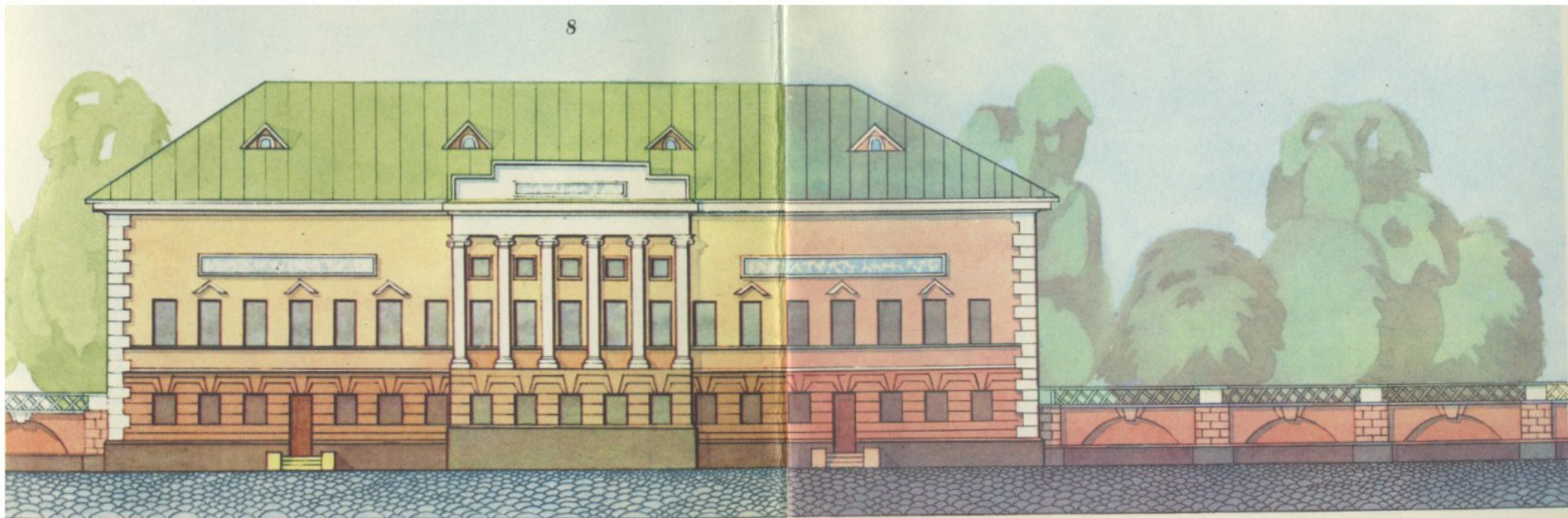

Варварская улица. Флигель губернской гимназии и дома Эвениуса.

Реконструкция Н. Филатова. Архитектурная пропись В. Соколова

Дела губернского архива были перенесены в каменную башню кремля еще во время опустошительного пожара присутственных мест в ночь с 12 на 13 декабря 1809 года⁵¹. Первоначально предполагалось хранить архив в Дмитриевской башне лишь временно, и потому приспособили ее кое-как, наспех. Но проходили годы и даже десятилетия. Другого помещения архив не получал, а башня без должного текущего ремонта приходила во все большую ветхость. Весной 1833 года стала протекать кровля, грозя большими бедами документам, сгнившие оконные рамы готовы были рассыпаться под ударами ветра, и архивариус И. А. Малиновский обратился в который уж раз в губернное правление с просьбой о срочном ремонте⁵².

Надзор за состоянием местных казенных строений входил в обязанность губернского архитектора И. Е. Ефимова, но в силу того, что он был чрезмерно загружен другими срочными делами, по решению военного губернатора М. П. Бутурлина, ремонт Дмитриевской башни возложили указом от 17 марта 1833 года на архитектора ярмарочного гостиного двора А. Леера⁵³. Но и тот получил это задание лишь в дополнение к своим непосредственным обязанностям и потому представил смету на ремонт башни только 16 октября того же 1833 года. Таким образом, помещения архива находились в довольно удручающем состоянии.

Башня, являвшаяся с древнейших времен главным опорным пунктом защиты кремля с напольной стороны, потеряла к концу XIX столетия свою высоту и доминирующее значение в окружающей застройке, стала приземистой, почти вровень с примыкающими к ней деревянными

строениями. После перевода в башню губернского архива проезд через нее закрыли, а для прохода на территорию кремля разобрали одну из сводчатых арок стены и поставили полосатую будку полицейского-алебардщика, к которой вскоре впритык пристроили кабак.

Древний крепостной ров засыпали долго. В начале XIX века под стеной кремля еще оставались отдельные «водорытвины» и болотины, тем не менее его отдавали участками под застройку. В 1790 году у Дмитриевской башни в одну линию с Б. Покровской улицей возвели деревянные ряды общественных лавок⁵⁴. Доход с них шел в городскую казну, и торговые места не только содержались в более или менее исправном состоянии, но со временем и расстраивались, охватив к 1833 году башню с обеих сторон. Так, в 1822 году по проекту И. Е. Ефимова был пристроен у «Дмитриевских ворот, на другой стороне моста, подле питейного дома»⁵⁵ еще один Г-образный корпус лавок с крытой галереей.

Нижегородская семинария и духовная консистория. Конец XIX в.

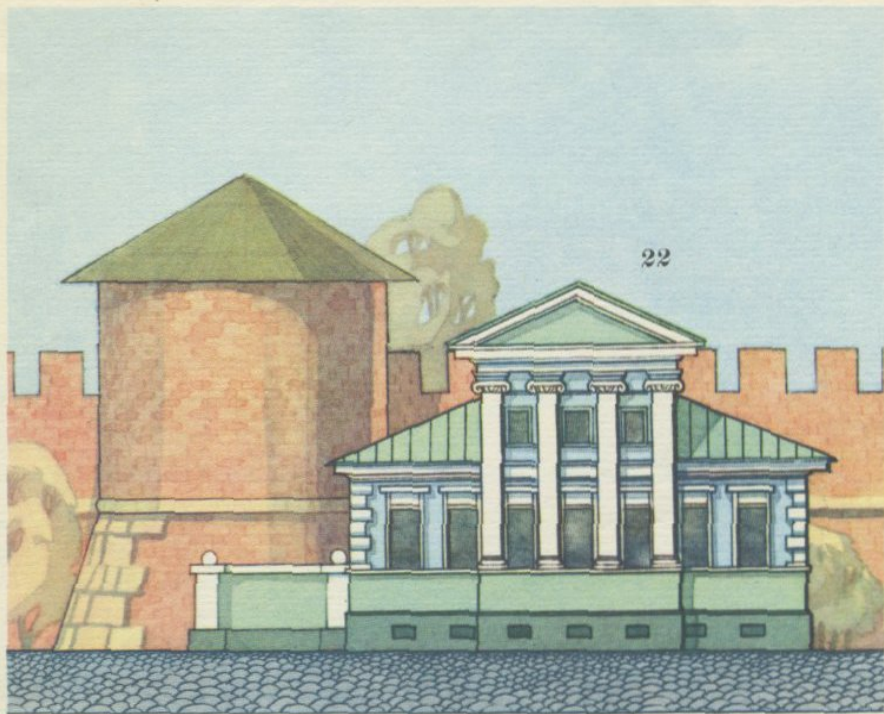
Фото М. П. Дмитриева

В среду и пятницу на площади устраивались еженедельные торги, на которые съезжались «из разных мест обыватели с хлебом, сеном, дровами и прочими припасами»⁵⁶. С тех пор к двум старым названиям площади присоединилось третье, более обиходное — Верхнебазарная, сохранившееся и после того, как в 1828 году привозную торговлю из-за постоянно остававшегося мусора и грязи перевели на окраину города, на Сенную площадь (место современного Политехнического института).

Между корпусом лавок и застройкой Б. Покровской улицы возвышался двухэтажный каменный дом мещанки Агафьи Кордюковой. Место возле крепостной стены купец Ф. Кордюков первоначально получил еще в 1806 году для устройства сарая, где его наемные работные изготовляли по подряду верстовые столбы и пирамиды с уездными знаками для почтовых трактов губернии. Со временем купец пристроил к сараю лавочку для продажи вина и съестных припасов, а в декабре 1812 года обратился с ходатайством о разрешении возвести каменный двухэтажный дом «на Верхнем базаре между питейных домов на пусто-порожном и никому не принадлежащем месте... в линию со вновь выстроенными на Верхнем базаре лавками»⁵⁷.

И хотя по подтвержденному плану «обывательскому строению быть тут не следовало», Ф. Кордюкову все же разрешили возвести каменный дом, но при условии, чтоб он придавал лучший вид «всему Верхнему рын-

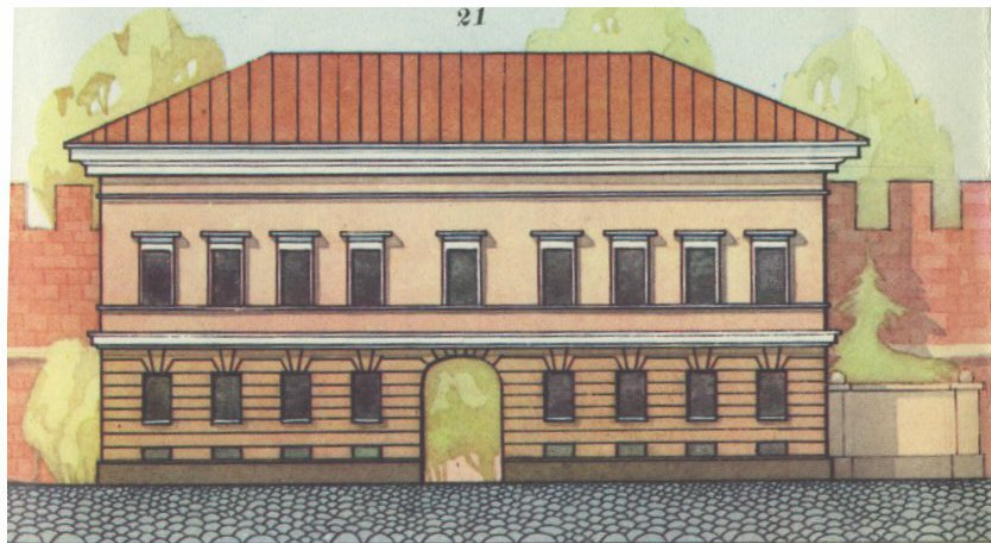
Благовещенская площадь. Застройка
вдоль кремлевской стены.

Реконструкция Н. Филатова. Архитек-
турная прорисовка В. Соколова

ку и самой Покровской улице»⁵⁸. В силу того что дом возводился в ширину всего выделенного земельного участка, был выбран «образцовый» проект 1809 года со сквозным проездом во двор по центру, отличавшийся простотой внешнего декоративно-художественного решения. Как и большинство каменных зданий города той поры, фасад первого этажа дома Кордюковых был рустован, с замковыми камнями над окнами. Отделенный от нижней части многопрофильной тягой второй этаж имел лишь простого рисунка наличники.

За домом Кордюковых, ближе к крепостной стене, в проезде на старую Никольскую улицу, виднелся одноэтажный с мезонином деревянный дом И. Фиалковского, построенный по проекту А. Леера в 1828

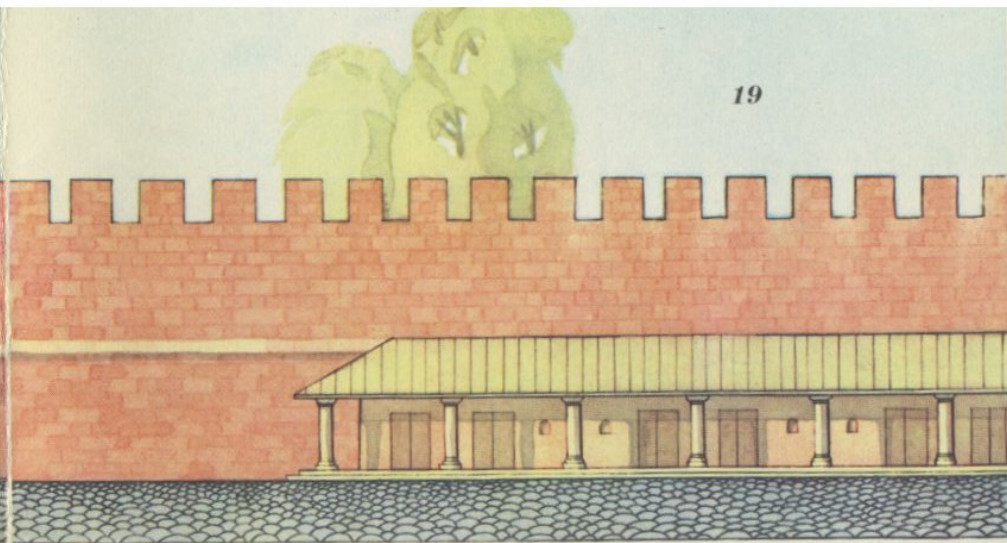

году. Подобных строений Пушкин видел немало при въезде в Нижний Новгород. Тем не менее при всей простоте архитектуры прекрасно найденные пропорции здания выгодно выделяли дом И. Фиалковского из общего ряда, свидетельствуя об одаренности его создателя.

С именем А. Леера было связано возведение и самого крупного по размерам да и по значимости в застройке Благовещенской площади здания Нижегородской семинарии, расположенного напротив Пороховой башни кремля.

Пушкин не мог не отметить сходства этого здания с прекрасно ему известным петербургским дворцом Лобановых-Ростовских на Адмиралтейском проспекте (ныне дом № 12), упоминаемым в поэме «Медный всадник». Возведенный О. Монферраном в 1817—1819 годах дом-дворец возле только еще заложенного Исаакиевского собора вызвал многочисленные толки и суждения в столице. Но здесь, в Нижнем Новго-

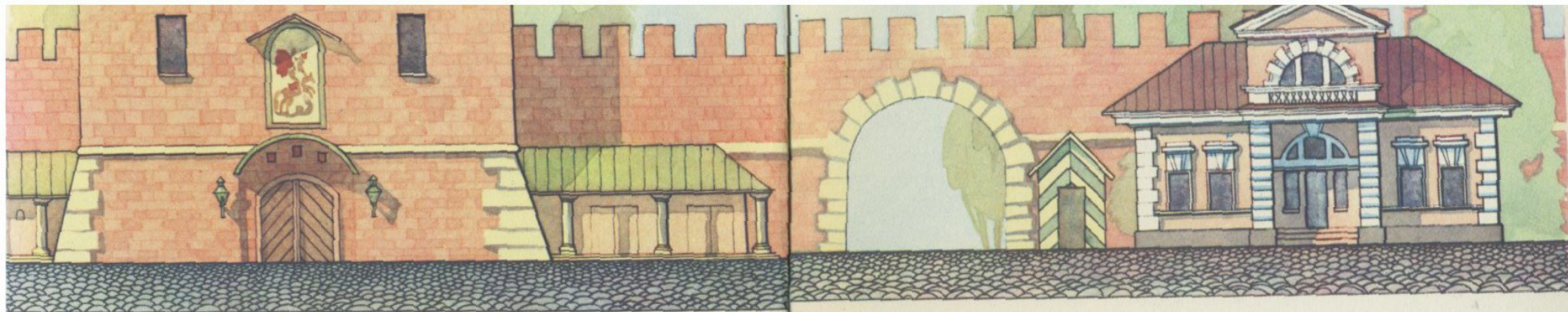

роде, поэт увидел как бы упрощенный вариант известного ему дворца... Здание семинарии строилось по проекту А. Леера, утвержденному 30 января 1827 года, почти пять лет, и только летом 1831 года состоялось его принятие авторитетной комиссией, отметившей, что «означенный корпус устроен мерою согласно плану, фасаду и разрезу в три этажа с подвалами»⁵⁹.

Образовавшуюся перед семинарией площадь тогда же начали мостить булыжником, работы закончили летом 1833 года⁶⁰. Таким образом, Пушкин видел здание новоотстроенным, свежеевыкрашенным, с вымощенной перед ним булыжной мостовой.

Новым в жизни Нижнего Новгорода в пушкинское время был и первый городской бульвар, проложенный по плану 1824 года прямо напротив семинарии вдоль кремлевской стены и выходящий к волжскому откосу. Насаженные по сторонам бульвара деревья, хотя и были низко-

рослыми, а частично и высохшими, тем не менее это было любимое место прогулок нижегородцев и гостей города. Для выхода на откос к крыльцу Георгиевской церкви требовалось лишь обогнуть строения старого женского Крестовоздвиженского монастыря (место памятника В. П. Чкалову), покинутого инокинями еще в 1812 году и отданного под казармы двух рот кантонистов нижегородского гарнизона⁶¹.

Постройки бывшего монастыря были ветхи и требовали значительных сумм на их ремонт. В год приезда Пушкина каменная ограда монастыря с небольшими башенками по углам была местами разрушена. За ней виднелись замшелые тесовые кровли. Словно для контраста с этой картиной запустения рядом высилась белокаменная Георгиевская церковь, поражавшая каждого блеском позолоты крестов и сказочным белокаменным резным убранством наличников окон и «петушиных» гребней на завершениях главного объема и колокольни.

Храм возвел в 1702 году уже известный нам нижегородский бургомистр Я. И. Пушников «близ двора своего». Георгиевская церковь оставалась выдающимся произведением не только нижегородской, но и общерусской архитектуры, и чуткий до всего истинно прекрасного Пушкин, можно полагать, отметил совершенный, словно высеченный скульптором из монолита ее художественный образ. К тому же церковь занимала чрезвычайно выгодное положение над кромкой откоса и господствовала над всем окружением.

Откос обрывался круто к Волге. Лишь на небольших его террасах кое-где гнездились рубленые избы, плетеными изгородями огородов и диким кустарником опускаясь к песчаной береговой кромке. Река перекатывала обмелевшие к осени воды, раскачивая стоящие на рейде многочисленные барки и коноводки. Со стороны Печер, выматываясь на последних верстах, бурлацкие ватаги подтягивали по отмелям к при-

чалам груженные хлебом и сибирским железом суда. Открывавшийся простор захватывал всякого, кто впервые видел отсюда неповторимую панораму великой русской реки и безбрежную синеву просторов Заволжья. С заливных лугов, заставленных стожками сена, тянуло свежестью. В даль отступили леса, занявшие всю линию горизонта. Лишь прямо напротив Нижнего Новгорода, на высокой береговой террасе тихоструйной Везломы, виднелись строения Боровской слободы с двумя каменными храмами, возведенными еще в XVIII столетии.

Центр села отмечала Никольско-Знаменская церковь со множеством глав и стройной колокольней, обнесенная высокой кирпичной оградой. С кручи нижегородского откоса церковь смотрелась не сельским храмом, а монастырем, подчеркивая богатство и достаток слободских торговых людей.

Все это видел Пушкин на главной городской Благовещенской площади в сентябре 1833 года. Но уже спустя год был разработан новый генеральный план Нижнего Новгорода, по которому площадь изменила не только контуры, но и характер своей застройки. Поэт оказался одним из последних, кто видел город до перестройки, в завершающий период времени классицизма.

Глава УУ

В НИЖЕГОРОДСКОМ КРЕМЛЕ

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как... пустыня
И как алтарь без божества.

А. С. Пушкин

В первый день пребывания в Нижнем Новгороде Пушкин много ездил по городу: посетил баню, ярмарку, был на приеме у военного губернатора М. П. Бутурлина, дважды отсылал жене письма... При этом несколько раз побывал на территории Нижегородского кремля.

Как и во всех древних русских городах, кремль в течение многовековой истории Нижнего Новгорода оставался «сердцем», административно-духовным цент-

ром обширного края. На его территории располагались главные городские соборы и административные учреждения: в седой древности — дворы великих нижегородских князей и бояр, позднее — государевых воевод и дьяков, с XVII века — дворцы митрополитов и наместников, а еще позднее — присутственные места и дома местных губернаторов.

Ко времени приезда Пушкина Нижегородский кремль давно потерял оборонное значение. Сгнили и рухнули его деревянные кровли, оставшаяся без надежной защиты от дождей и снега кирпичная кладка стен и сводов башен постоянно размокала, давала трещины, а подгорная часть кремля в районе Зачатьевской и Борисоглебской башен под напором родниковой воды сползла вниз, опрокинулась и лежала глыбами бесформенных кирпичных масс. Попытка ремонта крепостной стены здесь не дала результатов. Была выполнена лишь каменная ограда, поддерживаемая быками-контрфорсами, и узкие пролазы вместо проездов. Только многовековой практикой добытое инженерное искусство зодчих и высокое качество работ древних мастеров еще спасали другие части кремля от полного разрушения.

Но несмотря на серьезные потери, руины Нижегородского кремля продолжали производить на приезжающих в город глубокое впечатление. Живы были и многие устные предания и легенды, возможно, известные Пушкину, так же как и русские летописи, в которых поэт «старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени», плененный «простодушием, умильной кротостью» и вместе с тем мудростью древних исторических хроник. Прекрасная осведомленность Пушкина о событиях древней исто-

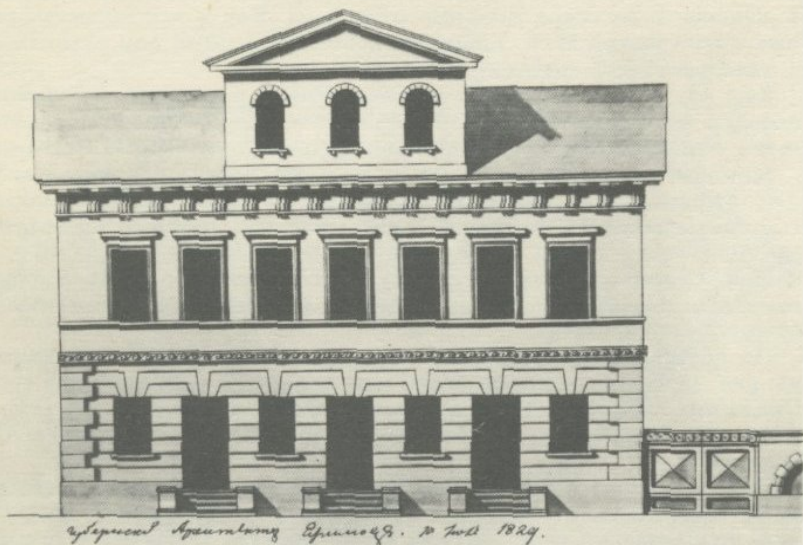

рии России, в которых Нижний Новгород нередко играл ведущую роль, особенно в начале XVII столетия, помогла ему увидеть в Нижегородском кремле свидетеля давно минувших событий в истории Отечества.

У Пушкина была возможность детально рассмотреть древности кремля буквально с первых часов пребывания в городе, ибо сразу по приезде он отправился в городские бани Нижнего посада. При этом Пушкин пересек территорию кремля в первый раз. Пять дней, проведенных в дорожной пыли и в станционных путевых домах, где о чистоте и даже простой опрятности нельзя было и мечтать, делали «банную визитацию» просто необходимой.

Доходные бани в Нижнем Новгороде располагались с давних пор на берегу Волги, под кремлем, так как питались прежде всего чистой водой родников, в изобилии бивших из-под Часовой горы. До пожара Нижнего посада 1819 года отдельные мужская и женская бани занимали рубленые просторные строения, обнесенные столбовыми оградами. Но огонь уничтожил их вместе с расположенными рядом рыбными садками архиерея, деревянными домами обывателей и каменной церковью Живоносного источника.

Тогда же на район города между кремлем и берегом Волги инженером А. А. Бетанкуром был разработан регулярный план застройки с широкими пересекающимися улицами и кварталами, где предписывалось возводить исключительно каменные дома и не менее как в два этажа. Селившаяся здесь ранее беднота была вынуждена оставлять обжитые места состоятельным купцам Брылиным, Переплетчиковым, Ветошниковым, Мичури-

Проект дома-бани купца Н. Федорова.
1829 г.

Арх. И. Е. Ефимов

ным, которые вместе с каменными домами возвели в 1821 году новую Живоносновскую церковь⁶². Почти к самой паперти церкви с запада примыкал участок земли купца Н. Федорова, содержателя городских бань, которые, можно полагать, и посетил Пушкин⁶³.

Баня стояла на выходе сильного, не пересыхающего и в жаркую пору лета, бьющего и поныне из-под кремлевской горы родника. Водосборный, обитый железными обручами огромный дубовый чан был врыт в землю на возвышенной террасе под самой крепостной стеной и благодаря значительному перепаду высот напор очищенной самой природой ключевой воды всегда был достаточным. Торговое предприятие Н. Федорова пользовалось в городе, где проблема даже питьевой воды, особенно в нагорной части, была острой, заслуженной известностью и признанием.

Здание бани было построено по проекту 1829 года архитектора И. Е. Ефимова и практически ничем не отличалось от окружающих жилых партикулярных строений. Правда, кроме хозяйского центрального вхо-

да на второй этаж с мезонином, по сторонам располагалось еще два: в женское и мужское мыльные отделения. Как и все проекты, созданные в мастерской И. Е. Ефимова, новопостроенный дом отличался добротностью своего архитектурного решения.

Еще раз Пушкин пересек кремль на пути к ярмарке. Во время этой поездки поэт осматривал достопримечательности Нижнего Новгорода и мог ознакомиться более детально с его историческими местами.

Миновав полицейскую будку и арочный проезд в кремлевской стене⁶⁴, каждый въезжающий или входящий на территорию кремля в 1833 году оказывался у деревянной гауптвахты с постоянным караулом, приставшим к стенам возле входа в помещение архива Дмитриевской башни. Старое рубленое строение гауптвахты было ветхо и едва вмещало арестованных солдат и офицеров, сидевших в отгороженных друг от друга помещениях.

По другую сторону прохода, справа, прямо у крепостной стены, стоял ряд деревянных домов церковнослужителей кремлевских соборов. Среди них ладностью своей архитектуры выделялся дом с мезонином на каменном фундаменте дьякона Спасо-Преображенского собора С. Николаева.

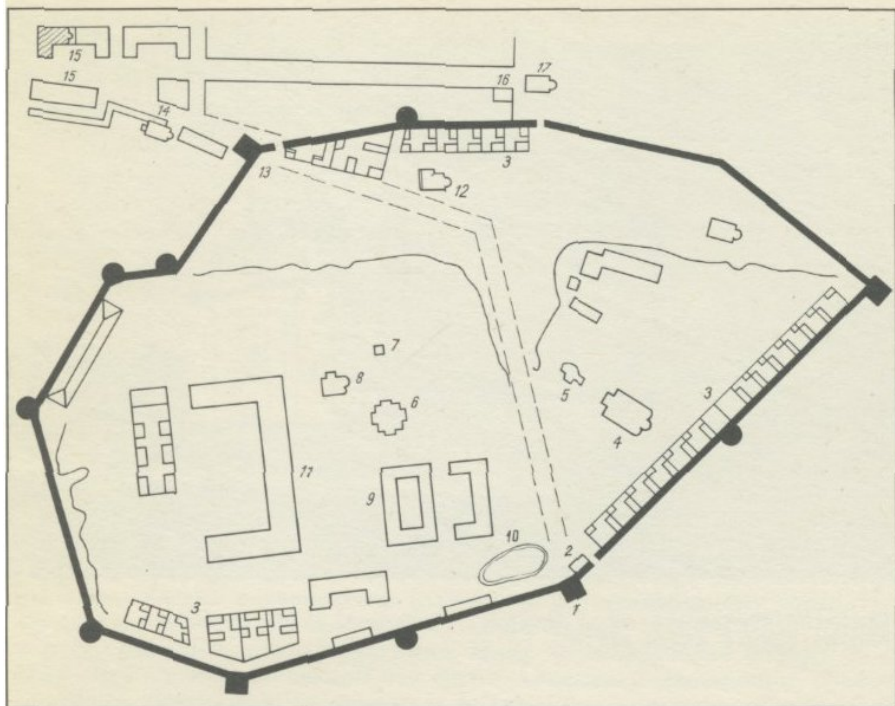
Партикулярные строения внутри крепости сохранялись еще со времени генерального межевания кремлевской территории 1782—1784 годов, но буквально через год-два после приезда Пушкина — при реализации проектов «благоустройства губернского Нижнего Новгорода» 1834—1839 годов — они были сломаны и перенесены на окраины. В кремле отныне оставались исключительно государственные учреждения, казармы, соборы и присутственные места.

Начались эти работы с возведения нового здания Спасо-Преображенского собора, занимавшего центральную часть холма северо-восточной части кремля. К 1820-м годам из-за осадки фундаментов собор обветшал настолько, что после обследования старое здание решили разобрать и возвести новое.

24 августа 1827 года среди профессоров Академии художеств был объявлен конкурс на разработку проекта нижегородского Спасского собора «на новом месте в том же виде или по новейшей архитектуре, употребив старые годные материалы»⁶⁵.

В конкурсе приняли участие видные зодчие: А. А. Михайлов, В. П. Стасов, А. И. Мельников, В. П. Беретти и другие. Победу одержал академик архитектуры А. И. Мельников, прекрасно знавший особенности рельефа и застройки Нижегородского кремля, на территории которого по его проектам возводились Успенский военный собор (1821—1823) и обелиск (1826—1828) в память Нижегородских ополчений 1612 и 1812 годов. Он многократно приезжал сюда и был хорошо известен в городе.

План застройки Нижегородского кремля:

1. Дмитриевская башня. 2. Гауптвахта.
3. Жилая застройка. 4. Спасо-Преображенский собор. 5. Колокольня. 6. Военный Успенский собор. 7. Обелиск. 8. Михайло-Архангельский собор. 9. Вице-губернаторский дом. 10. Оз. Сарка. 11. Присутственные места. 12. Церковь Симеона Столпника. 13. Ивановская башня. 14. Лавки церкви Иоанна Предтечи на Торгу. 15. Корпуса гостиничного двора. 16. Баня Н. Федорова. 17. Церковь Живоносного источника

Проект собора был рассмотрен в столичном Строительном комитете 12 мая 1828 года, а спустя несколько месяцев и высочайше утвержден⁶⁶. Собственно, на этом участие А. И. Мельникова в работах по возведению собора закончилось. Непосредственное осуществление проекта

Спасо-Преображенский собор Нижегородского кремля. Конец XIX в.

Фото М. П. Дмитриева

было поручено специально созданному комитету, который был возглавлен И. Е. Ефимовым.

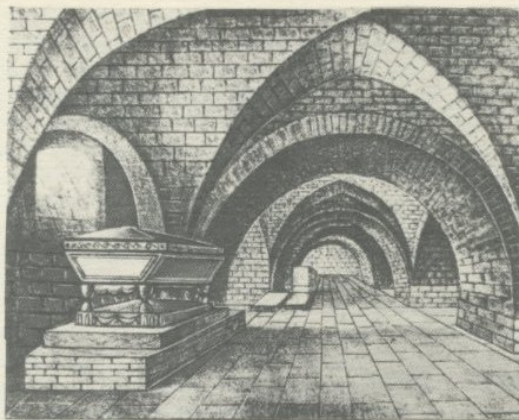
Старое здание разобрали осенью 1829 года, зарисовав перед этим его древний иконостас и сохранив для нового собора чугунные плиты пола XVIII столетия. Тогда же заложили фундаменты, а на следующий строительный сезон кладка стен и сводов вчерне была завершена. Правда, отделка здания продолжалась еще несколько лет, но осенью 1833 года Пушкин видел его уже освобожденным от строительных лесов и незадолго перед тем окрашенным.

Руководивший строительными работами И. Е. Ефимов внес существенные поправки в первоначальный замысел: усилил конструкции и, наоборот, облегчил своды, так что осматривавшая здание правительственная комиссия отметила, что оно «исполнено с редким совершенством, чистотою и тщательностью... отдавая сим полную справедливость таланту и усердию господина архитектора Ефимова»⁶⁷.

В это же время в подцерковье алтарной части продолжалось устройство крипты с гробницей великого нижегородца К. Минина. Еще в ок-

Гробница К. Минина в подцерковье Спасо-Преображенского собора.

Рис. Г. и Н. Чернецовых. 1838 г.

тябре 1826 года крестьянин села Катунук Яков Самарин, считавший себя происходящим из одного с Мининым рода, обещал на свои средства и по своему рисунку отметить это «устроением мраморной гробницы с бронзовыми украшениями знаменитому и незабвенному избавителю Отечества»⁶⁸. Пока возводилось новое здание собора, была готова и рака, доступ к которой открыли вслед за освящением собора, и в 1838 году путешествовавшие по Волге академики-живописцы, братья Григорий и Никанор Чернецовы выполнили впервые его рисунок.

Архитектурно-художественная оценка новопостроенного собора не однозначна. Современников восхищали простор и богатство убранства его интерьеров, тщательность отделки, но попытка новые функциональные и эстетические запросы вместить в старые формы, точнее — подделать их под старину, свидетельствовала о наступлении времени эклектики, распада, казалась, незыблемых канонов классицизма.

Перед Пушкиным поднимал ввысь мощные формы собор, который, исходя из затрат огромных средств и людского таланта, мог бы стать заметным образцом русского зодчества, поскольку к его созданию оказались причастны признанные архитекторы-академики А. И. Мельников и И. Е. Ефимов. Но, повторяя формально образец древнерусского соборного храма, он оказался несоразмерным человеку и подавлял его. Собор был лишен и обычного в древнерусском зодчестве убранства — узорочья, плавности линий и «скульптурности» форм, бездушно господствуя над окружением строго выверенными по линейке и циркулю огромными плоскостями стен. Наступившая пора николаевской реакции с неизменными требованиями казарменной упрощенности архитек-

туры наложила на образ здания отпечаток неизлечимой болезни разложения, тяжело переживаемого тогда всей прогрессивной Россией.

Здесь же, возле собора, по кромке горы, спускавшейся террасами, к пролазам в каменной кремлевской стене, осенью 1833 года еще сохранилась часть зданий бывшего митрополичьего дворцового комплекса, а на небольшой площадке в полугоре — некогда монастырская каменная церковь Сошествия Святого Духа с восьмигранным световым барабаном и стройной шатровой колокольней над трапезной⁶⁹.

Дворец митрополита возле кафедрального собора, с каменными жилыми покоями, крестовой палатой, каменными службами, погребями, оградой и двумя храмами, был построен в 1670-х годах первым нижегородским митрополитом Филаретом, но в середине XVIII столетия высшее местное духовенство выехало из кремля на более просторную территорию ликвидированного тогда Ивановского монастыря (ныне сад им. Я. М. Свердлова), отдав старые строения в государственное ведомство под размещение в них гарнизонного лазарета, классов певческой школы и денежной кладовой.

Без должного постоянного надзора здания приходили в ветхость, а после нередких тогда пожаров частично разбирались на нужный для ремонта кирпич. Во время же строительства кремлевского военно-губернаторского дворца указом от 1 ноября 1834 года остатки дворца разобрали полностью под присмотром И. Е. Ефимова⁷⁰.

Так, спустя год после приезда в Нижний Новгород Пушкина, кардинально изменит облик и характер застройки еще один район города — северо-восточная часть кремля.

По другую сторону от собора, через полотно Ивановского кремлевского съезда, вблизи Дмитриевской башни отблескивал гладью поверхности пруд Сарка. Некогда его питали подземные ключи, но в связи со значительными земляными работами на территории кремля в конце XVIII — начале XIX века ток родниковой воды резко сократился, постепенно превращая озеро в заболоченный пруд. Летом 1830 года пруд вычистили⁷¹, подровняли его берега, а по кромке проложили огражденную баллюстрадой прогулочную тропу, срубили нарядную беседку.

Нижний Новгород для Пушкина всегда оставался прежде всего «отчизной Минина», а потому, будучи неоднократно на территории кремля, поэт мог видеть памятник в честь великих граждан России К. Минина и Д. Пожарского, тем более что слухи о нем в столицах продолжались уже много лет.

Перед поэтом развернулся плац-парад с административными корпусами, соборами и обелиском — именно так, как это изобразил в свое время А. И. Мельников.

Слава гражданского подвига Кузьмы Минина, обратившегося ко всем людям России в трагический 1611 год с призывом сплотиться для борь-

бы с польско-литовскими захватчиками и «не пожалети животов своих, да не токмо животов своих, ино не пожалеть и дворы свои продавать и жены и дети закладывать», в людской памяти не умирала никогда. Но особенно часто и в высоких патриотических тонах о нем заговорили в 1812 году, когда, по словам Пушкина, «все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную войну...».

Именно тогда лицеисты зачитывались книгой Николая Ильинского «Описание жизни и безсмертнаго подвига славнаго мужа, нижегородскаго купца Козьмы Минина», изданной в год рождения Пушкина. Книга создавалась на основе не только скудных исторических упоминаний русских хронографов и летописцев, но и преданий. Для сбора их и обозрения нижегородских древностей Н. Ильинский в 1794 году приехал на родину великого гражданина России и здесь познакомился с многими местными рассказами о событиях начала XVII столетия.

Вдохновленный изысканиями, Н. Ильинский в подражание поэме М. М. Хераскова «Россияда» написал громкозвучные стихи:

Но сей безсмертный муж отечеством прославлен,
И памятник ему в сердцах уже поставлен;
Великих Россских дел пресладостный пёвец
Неподражаемый сопел ему венец...⁷²

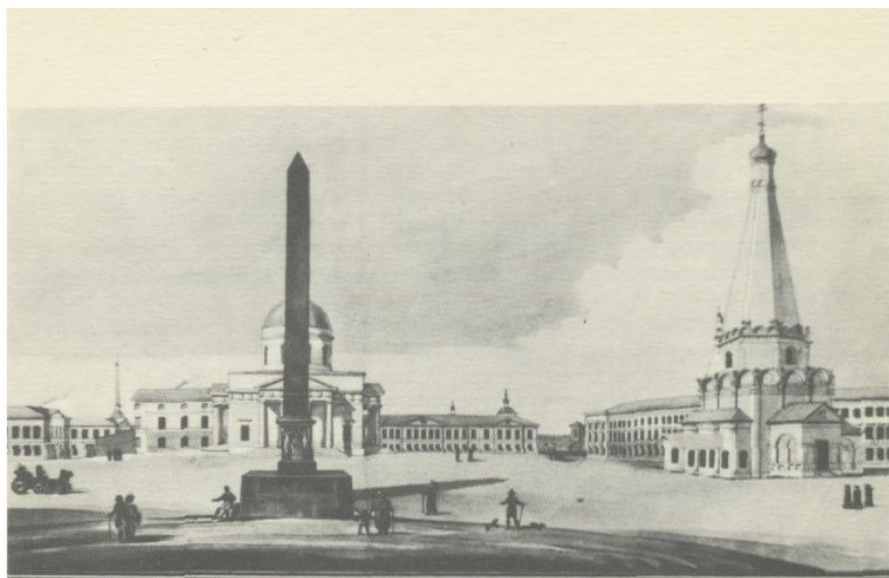
и предложил увековечить память К. Минина в Нижнем Новгороде монументом.

С тех пор над скульптурной композицией начал работать прославленный ваятель И. П. Мартос. Когда же Академия художеств в 1808 году объявила конкурс на создание монумента, выяснилось, что «Мартос давно уже сочинил оному проект и сделал самую модель». После чего в Нижегородской губернии объявили подписку на сбор средств для сооружения памятника, а чтобы «желающим участвовать в сем сооружении дать более полное и подробное понятие о всем том, что до сего памятника относиться может», скульптор награвировал его рисунок и выслал 11 оттисков в Нижний Новгород для рассылки по уездам⁷³.

К 1811 году нижегородцы собрали 18 000 руб., но Комитет министров на заседании 15 февраля того же года решил установить монумент в Москве, «а в Нижнем Нове городе соорудить обелиск с описанием на медных досках пиедестала дел сих знаменитых мужей». Но бедствия Отечественной войны 1812 года отодвинули на несколько лет реализацию проектов. Памятник К. Минину и Д. Пожарскому на Красной площади Москвы установили только в 1818 году, а обелиск на территории Нижегородского кремля — десятилетием позже.

Гранитный столб вырубался в карельских карьерах, обрабатывался и шлифовался во дворе петербургской Академии художеств, а затем летом 1827 года купцом Лисиным 15 каменных деталей, два бронзовых

Вид на Обелиск и Михайло-Архангельский собор Нижегородского кремля. Акварель А. И. Мельникова.

Вид на обелиск и Михайло-Архангельский собор Нижегородского кремля.

Акварель А. И. Мельникова.

барельефа и две доски с надписями будущего обелиска были доставлены в Нижний Новгород.

Необычный груз везли целое лето. Но при перевалке из сибирской лодки на более глубоководную волжскую барку под Череповцом гранитные детали получили серьезные повреждения. Откололась и верхняя часть самого обелиска. Об этом тотчас сообщили в Академию художеств, и на следующий год, с весны, И. П. Мартос и А. И. Мельников с мастерами-гранильщиками выехали в Нижний Новгород для уменьшения высоты обелиска на сажень и установки его на выбранном месте.

24 июля 1828 года монумент был отделан и установлен, а 15 августа того же года, в день официального закрытия Макарьевского торга, в 11 часов дня при многочисленном стечении «людей всякого звания» возле него церемониальным маршем прошли войска внутреннего гарнизона и полк оренбургских казаков, охранявших ярмарочный торг. Так была увековечена в Нижнем Новгороде память о великих гражданах России. Но уже современники называли обелиск «грошевым», и к приезду Пушкина еще продолжались разговоры о незаслуженно от-

нятом у города знаменитом скульптурном двухфигурном монументе и предпринимались попытки сбора средств на более значительный, подобающий значению подвига К. Минина памятник.

Все это, можно полагать, волновало и Пушкина. Здесь, в Нижнем Новгороде, поэт имел возможность узнать новое о Нижегородском ополчении 1612 года, и его осведомленность о событиях начала XVII столетия оказалась более полной и точной, чем в официальных исторических трудах того времени. Доказательством того может служить примечание Пушкина к статье М. Погодина «Прогулка по Москве», написанное после поездки в Нижний Новгород и касающееся памятника И. П. Мартоса: «Надпись Гражданину Минину, конечно, не удовлетворительна: он для нас или мешанин Косма Минин по прозвищу Сухорукий, или думный дворянин Косма Минич Сухорукий, или, наконец, Кузьма Минин, выбранный человек от всего Московского государства, как назван он в грамоте о избрании Михаила Федоровича Романова. Все это не худо было бы знать, так же как имя и отчество князя Пожарского. Кстати: недавно в одной исторической статье сказано было, что Минину дали дворянство и боярство, но что спесивые вельможи не допустили его в думу и принудили в 1617 году удалиться в Нижний Новгород — сколько несообразностей! Минин никогда не бывал боярином; он в думе заседал, как думный дворянин; в 1616 году их было всего два: он и Гаврило Пушкин. Они получали по 300 р. окладу. О годе его смерти нет нигде никакого известия; полагают, что Минин умер в Нижнем Новгороде, потому что он там похоронен, и что в последний раз упомянуто о нем в списке дворцовым чинам в 1616»⁷⁴.

Вообще Пушкин приравнивал роль К. Минина в русской истории значению М. В. Ломоносова для отечественной науки, говорил: имена «Минина и Ломоносова вдвоем перевесят, может быть, все наши старинные родословные».

Неотделим от обелиска и возвышавшийся за ним Успенский военный собор, принадлежавший местному гарнизону. Это был храм-памятник Нижегородскому ополчению 1812 года, возведенный по проекту уже известного нам архитектора А. И. Мельникова в 1821—1823 годах. При незначительных размерах собор тем не менее отличался законченностью архитектурного замысла, монументальностью и выверенными по классическим канонам пропорциями, хорошо прорисованными элементами строгого дорического ордера. Однако он выглядел здесь «младшим братом» более высокого шатрового Михайло-Архангельского собора.

Возведение Успенского собора на одной оси с обелиском, ближе к Кремлю Часовой горы, преследовало и важную градообразующую цель. Если ранее плац-парад был замкнутым каре, то теперь новая площадь с тремя мемориальными сооружениями раскрылась в сторону Волги, подчеркивая доступный, всенародный ее характер.

Под наигрыш флейт и дробь барабана на плац-параде маршировали солдаты 4-го Карabinерного полка Нижегородского гарнизона. Только грубые окрики «ундеров» и удары палок по солдатским спинам нарушали единообразие на годы заведенной машины муштры. В общем все было так же, как и на плац-парадах столиц во время нескончаемых механических перестроек солдатских рот, где поэт неоднократно присутствовал прежде. Только в Нижнем Новгороде все было проще, да и в обличье офицеров не было столичного лоска.

Главная площадь Нижегородского кремля была создана еще в конце XVIII века и тогда же обстроена зданиями, сохранившимися и в 1833 году. А до этого кремль был заселен предельно плотно. Жилые и хозяйственные постройки, монастырские подворья, усадьбы бояр примыкали друг к другу. Проулки и тупички меж огородов и тыновых оград создавали сложную запутанную сеть проходов, и потому первым регулярным планом Нижнего Новгорода 1770 года предполагалось организовать кремлевскую застройку в четыре сложных по конфигурации квартала. Но из-за отсутствия в городе опытного зодчего-градостроителя проект остался неосуществленным.

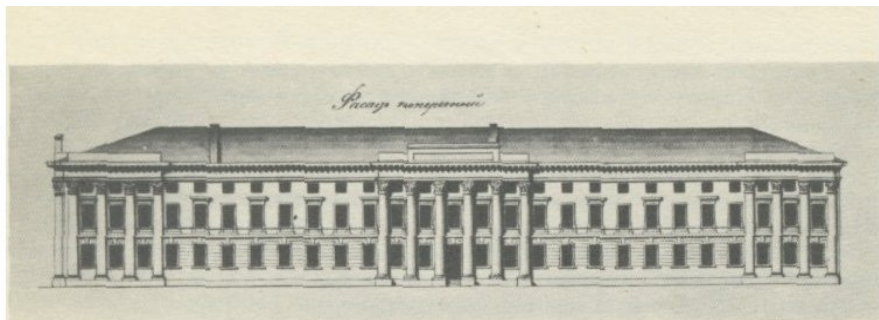
Только после издания в 1775 году «Городового уложения», учреждения в 1779 году Нижегородского наместничества и приезда в Нижний Новгород опытного зодчего Я. А. Ананьина первоначальный проект был доработан и реализован.

По новому генеральному плану кремля 1782—1784 годов, основная жилая застройка выносилась за пределы крепостных стен и сохранялась в незначительном количестве (дворы церковного причта и чиновников наместнического правления) лишь кое-где по периметру. Правда, во время строительства каменных зданий административного комплекса сохранялся в XVIII веке и деревянный дом генерал-губернатора на кромке Часовой горы (место обелиска и Вечного огня), пока не сгорел в пожар 22 октября 1808 года.

На очищенном в центре кремля пространстве разбили площадь «торжественаний», где функцию ее главной оси, а заодно и композиционной доминанты выполнял древний Михайло-Архангельский собор. Я. А. Ананьин понял его важное градообразующее значение для всей кремлевской застройки, подчеркнув это в новой планировке.

Прямоугольная площадь должна была быть застроена по длинным сторонам двухэтажными каменными зданиями присутственных мест, вице-губернаторского и генерал-губернаторского дворцов, а противолежащая собору сторона — корпусом гарнизонных казарм. Не всем творческим замыслам Я. А. Ананьина здесь суждено было сбыться, тем не менее и в пушкинское время, и в наши дни плац-парад Нижегородского кремля остается единственным в городе местом, сохранившим многие первоначальные элементы архитектурного ансамбля XVIII века.

Присутственные места в кремле.

Фиксационный чертеж 1831 г.
Арх. И. Е. Ефимов

Западную сторону плац-парада занимало Г-образное с поворотом в сторону Часовой башни здание присутственных мест (1782—1785). Центральную часть корпуса отмечал высокий ступенчатый аттик и два шестиколонных портика сложного ордера по сторонам арочного проезда во двор. В аттиковой части были помещены часы с боем, обрамленные резными белокаменными гирляндами. Крылья протяженного фасада (160 м) на концах его «закрепляли» по четыре пилястры.

После пожара 1809 года присутственные места простояли пустующими, без кровли, окон и дверей более десяти лет. Лишь в 1820-х годах левое крыло заняли под казармы гарнизона, и с тех пор началось медленное восстановление здания. 6 февраля 1826 года архитектором И. Е. Ефимовым был разработан проект полного его ремонта вместе с пристройкой южного крыла, после чего корпус приобрел П-образный план.

Претерпел изменения и главный фасад: в верхней части пробили небольшие «лежачие» окна третьего этажа, заложили центральный проезд, разобрали со стороны двора остатки галерей, некогда соединявших все канцелярии присутствий, но при этом сохранили капители колонн и пилястр. К началу 1830 года все работы по восстановлению здания были закончены.

Значительно лучше сохранил первоначальное архитектурное решение ко времени приезда Пушкина на плац-параде вице-губернаторский дворец, строительство которого велось под надзором автора проекта Я. А. Ананьина в 1786—1788 годах. По первоначальному замыслу ему в пару по линии площади должен был быть возведен генерал-губернаторский дворец. Их единый фасад, объединенный в центральной части декоративным аттиком над арочным проездом к Спасо-Преображенскому собору, должен был почти зеркально отражать фасад присутственных мест, создавая архитектурно-художественное единство окружаю-

щей площадь застройки. Но в связи с ликвидацией в 1796 году Нижегородского наместничества и сокращением штата местного чиновничества необходимость в генерал-губернаторском дворце отпала. Проект остался на бумаге.

Как и прочие в городе старые здания, вице-губернаторский дворец неоднократно горел, в том числе и в 1830 году. Ремонт его осуществлял И. Е. Ефимов. Относясь бережно к наследию своих предшественников, архитектор сохранил изначальное решение фасадов здания, которое в конце XVIII века выглядело точно так же, как и в год приезда в Нижний Новгород Пушкина, как сохраняется и в наши дни.

Ивановский съезд, игравший в жизни Нижнего Новгорода столь долго важную роль, был в то же время бедствием для жителей и приезжих людей, особенно во время весенне-осенней распутицы. Лишь местами мощный булыжником, съезд тогда становился непроезжим: груженные телеги могли подниматься в гору только при найме дополнительных пристяжных лошадей, а спускающиеся вниз возки скользили, нередко заваливались под гору, ломая упряжь и шеи лошадей.

Как мы говорили ранее, Пушкин по крайней мере дважды пересек туда и обратно территорию кремля, спускался на Нижний посад по Ивановскому съезду. Это был тогда единственный путь сообщения Верхнего и Нижнего посада. Так сложилось еще в древние времена, так было и в 1833 году.

Правда, в пушкинское время Ивановский съезд был исправлен: починена булыжная мостовая, вдоль полотна прокопана канава для грунтовых вод и поставлены ограждающие перила, для отдыха пешеходов в полугоре срубили беседку⁷⁵. Была благоустроена и территория возле примостившейся под горой у Ивановских кремлевских ворот Симеоновской церкви. Некогда на ее месте размещался один из древних нижегородских кремлевских монастырей. В 1751 году вместо деревянного возвели каменный ярусный храм с просторной трапезной и двумя приделами, но в 1765 году монастырь ликвидировали, а церковь приписали к местному гарнизону. Даже зажатая между горой и крепостной стеной она смотрелась изящно стройной, а силуэт барочных форм с маленькой главкой живописно рисовался на фоне волжско-окских далей.

В 1833 году у Ивановской башни еще оставались жилые дома, между которыми полотно съезда подходило к постоянно открытому арочному проезду в кремлевской стене. Сама Ивановская башня была в довольно хорошем состоянии, хотя только чудом, точнее старанием губернского архитектора И. Е. Ефимова, сохранена для потомков... Пожар 1819 года не только уничтожил городскую застройку по берегу Волги, но и повредил Ивановскую башню. При ее осмотре И. Е. Ефимов нашел, что «в нижнем этаже имеется проход, в котором свод совершенно прочен, над оным же проездом имеющиеся все отверстия, как-то: окна, двери,

требуют непременно поправки, также и стены в некоторых местах», и настаивал на срочном ремонте башни на общую сумму 7279 руб⁷⁶.

Губернские власти посчитали эту сумму излишне великой и в марте 1827 года предложили «Ивановские ворота с имеющеюся над ними пуштою башнею сломать и сделать широкий проезд»⁷⁷.

Можно полагать, что И. Е. Ефимов послал в Петербург свое особое мнение с предложением сохранить исторический памятник, основываясь на правительственном указе от 31 декабря 1826 года об изучении и сборе сведений «об остатках древних замков, крепостей и других древних зданий древности с строжайшим запрещением разрушать таковыя здания»⁷⁸. По крайней мере, при рассмотрении ходатайства нижегородского губернского правления в Сенате оказались фасады и поэтажные планы башен Нижегородского кремля, составленные И. Е. Ефимовым, и его замечание, что поскольку «в 1828 году цены на материалы сделались дешевле, то он полагает возможным исправить и часть стены наиболее ветхой...».

Правительство не решилось отменить свой недавний указ и предложило нижегородскому губернскому правлению, отремонтировав башню, разместить в ней какое-либо учреждение.

Так была сохранена одна из самых исторически важных башен Нижегородского кремля, а в 1832 году и отремонтирована тем же И. Е. Ефимовым⁷⁹. При этом проход через башню заложили навсегда, расширив пробитый еще в 1814 году боковой проезд в стене.

Спускаясь на Нижний посад по Ивановскому съезду, уже от Дмитриевской башни поэт мог охватить взором неповторимую панораму стрелицы с всегда многочисленными судами и уходящую в синеву далее Волгу, сливающуюся в единую линию горизонта с раздольными лугами и лесами Заволжья, и отчетливо читающиеся причудливым силуэтом строения еще далекой ярмарки.

Глава V

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ УЛИЦА

Еду на ярманку, которая свои последние штуки показывает, а завтра отправляюсь в Казань.

*Из письма А. С. Пушкина жене
2 сентября 1833 года*

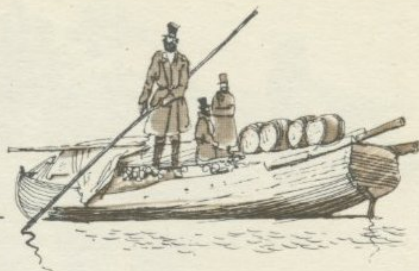

Вряд ли можно было встретить в России XIX века человека, не знавшего о существовании знаменитой Макарьевской (Нижегородской) ярмарки. Каждым летом в Нижний Новгород из столиц отправлялись толпы любопытствующих путешественников, и разговоры как при сборах, так и по возвращении с ярмарки было предостаточно. Не случайно герой Пушкина Евгений Онегин увидел ярмарку такой, какой видели ее тогда многие:

...пред ним

Макарьев суетно хлопочет,
Кипит обилием своим,
Сюда жемчуг привез индеец,
Поддельны вина европеец,
Табун бракованных коней
Пригнал заводчик из степей,
Игрок привез свои колоды
И горсть услужливых костей,
Помещик — спелых дочерей,
А дочки — прошлогодни моды.
Всяк суетится, лжет за двух
И всюду меркантильный дух.

О ярмарке Пушкин был слышан еще задолго до приезда в Нижний Новгород. В 1830 году, во время поездки в Б. Болдино, в дневнике поэта появилась полная иронии запись: «На дороге встретил я Макарьевскую ярманку, прогнанную холерой. Бедная ярманка! она бежала как пойманная воровка, разбросав половину своих товаров, не успев пересчитать свои барыши!»⁸⁰.

И оказавшись в Нижнем Новгороде, Пушкин не мог не посетить знаменитый торг, хотя ярмарка к его приезду закончилась.

Особый интерес поэта к самому образу ярмарочного торга доказывает то, что, несмотря на усталость от долгого пути, сразу по приезде в Нижний Новгород он отправился на стрелицу Оки и Волги. При этом он мог проделать единственно возможный путь: через кремль и весь Нижний посад по Рождественской улице к плашкоутному мосту под Благовещенским монастырем...

Оставив за собой древний кремль, нанятые Пушкиным дрожки внутреннего разезда⁸¹ осторожно скатились по спуску на Нижний базар. За Ивановской башней полотно съезда шло по кромке

крутого обрыва. Во избежание оползней здесь были забиты обрубы с дощатыми перилами ограждений. Слева за башней, под самой Часовой горой, вниз сбежали уступами три каменных дома прямо к лавкам Предтечинской церкви. Были они двухэтажными и отличались даже некоторой импозантностью, особенно дом И. Вишенского, занимавший центральное положение. Он был построен в 1820-х годах по проекту И. Е. Ефимова. По центру главного фасада во двор вел арочный проезд с нишами-экседрами по сторонам для декоративных скульптур. Правда, скульптур в нишах не было, и они зияли пустотой.

Ниже по спуску стояла древняя церковь Иоанна Предтечи на Торгу. Ее возвел на свои средства еще в 1683 году нижегородский посадский человек Гаврила Дранижников, бывший тогда таможенным головой. Церковь служила украшением торгового двора: покрытые зеленой поливной черепицей главы с коваными золочеными крестами, многоцветная раскраска стен и фресковая роспись в закомарах смотрелись яркими мажорными цветовыми пятнами. Но великолепие древнего храма нарушали пристроенные прямо к паперти на обрубах деревянные лавки. Строили их первоначально еще в 1825 году как временные, но проходили годы, а церковный причт, получавший с лавок значительный доход, был не прочь оставить их за собой навсегда.

Небольшой проезд отделял церковь от комплекса каменных корпусов нижнепосадского гостиного двора, возведенного по проекту Я. А. Ананьина еще в 1780–1784 годах. Вытянутые вдоль Рождественской улицы корпуса с колоннадой верхних галерей в свое время были символом нового этапа развития города, времени преобразований, перемен и возрождения былой славы крупного торгового центра Поволжья.

Берег вдоль Волги и Оки под высокими Дятловыми горами с древнейших времен был средоточием нижегородского торгового ряда с его рядами, зимовыми дворами, амбарами, шалашами, таможенной избой и важней. Число торговых мест в течение XVII–XVIII веков здесь оставалось значительным (около 500). Тем страшнее и разорительнее для сотен нижегородцев были опустошительные пожары, в которых выгорали лавки и амбары со всеми товарами. В течение только нескольких часов 10 сентября 1778 года, например, нижегородские купцы потерпели убыток в 82 000 рублей, многие из них оказались разоренными, а главное — негоспособными.

Это затрагивало интересы государственной казны, потому и был издан правительственный указ о строительстве в Нижнем Новгороде каменных торговых рядов.

Два главных корпуса гостиного двора тянулись на сотни метров вдоль волжского берега на довольно высокой террасе, перпендикулярно речке Почайне. На их фасадах отчетливо угадывалось назначение каждого этажа. Цокольный, рустованный полуэтаж с арочными спусками в сводчатые подвалы служил местом хранения товаров. Для лавок предназначались второй и третий этажи с открытыми галереями-гульбищами. Третий этаж представлял собой легкую ионическую колоннаду, чем-то напоминавшую близкую сердцу Пушкина Камеронову галерею Царского Села.

С нагорной стороны к гостиным рядам примыкали одноэтажные складские помещения с въездами со стороны Почайны.

Фасад корпусов был сплошь завешан рядами пестрых вывесок. Аляповатые и выполненные профессионалами-художниками, они рекламировали не только меха, сапоги, французское платье и иконы, но и купеческие торговые дома: Кожелевых, Пачкуновых, Колиных, Дегтяревых и прочих «отцов города и почетных граждан».

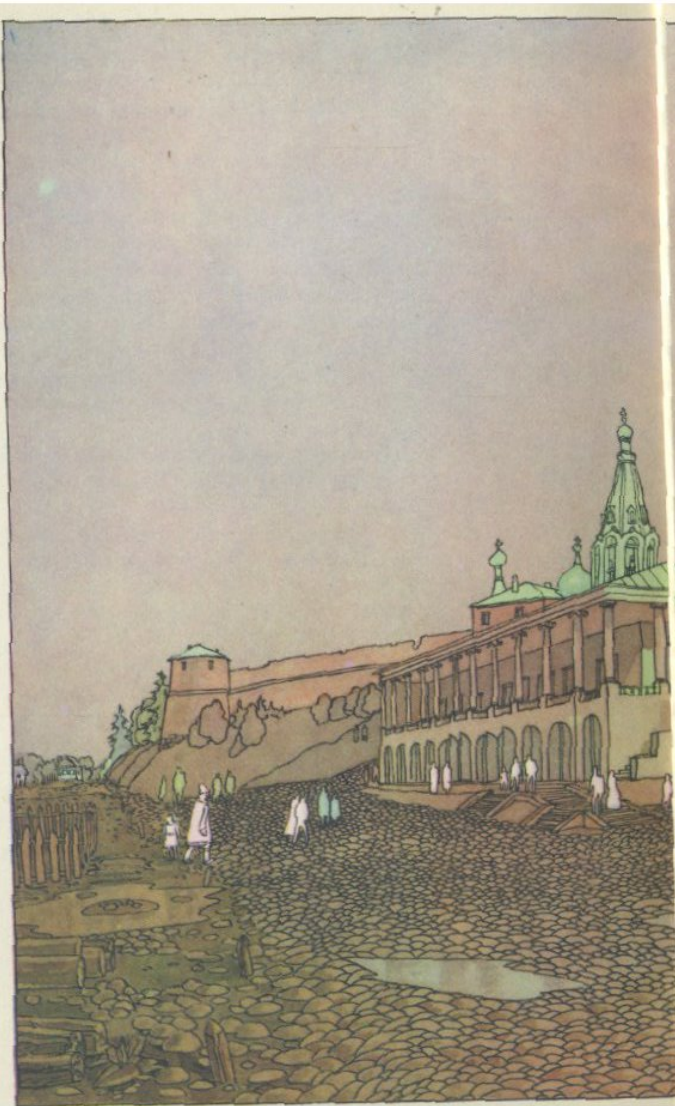
Перед глазами Пушкина оказалась как бы развернутой гигантская «визитная карточка» нижегородского купечества, кричавшая о богатстве и известности не только в России, но и Париже, призывавшая купить все нужное только здесь и нигде в другом месте.

Напротив через Рождественскую улицу, ближе к берегу Волги, тянулся корпус мучного ряда, где велась оптовая распродажа хлеба. По пандусам-въездам в него постоянно вкатывались и выезжали груженные телеги с выбеленными мучной пылью извозчиками.

Рождественская улица. Го-
стинный двор.

Акварель В. Соколова
по эскизам и материалам
Н. Филатова

Здесь же, на берегу Почайны, возвышалась Никольская церковь, возведенная в 1656 году купцом-зодчим С. Ф. Задориним на месте одного из древнейших посадских каменных храмов Нижнего Новгорода (1371). В свое время она гордо поднимала над рублеными корпусами лавок большую главу и мощный шатер колокольни, служила композиционной доминантой в сложной застройке местного торгового центра. Но проходили годы, века, и после многочисленных пожаров она лишилась первоначальных элементов декоративного убранства, фресковой росписи стен, была обстроена временными амбаришками и полками, потеряв окончательно свою привлекательность.

В городе уже поговаривали о том, чтобы вместо ремонта разобрать ее до основания и на этом месте возвести новый одноименный храм. Но после ознакомления с исторической справкой правительство предписало губернским властям, что церковь «как драгоценный остаток древности не должна быть перестраиваема, но сохранена в существующем виде, а если оказавшиеся в ней повреждения требуют исправлений, то должно составить для сего особый проект, не изменяя ни внутреннего, ни наружного ее вида»⁸². Так что при Пушкине были еще первоначальные формы древнего храма.

За корпусами гостиного двора, по обеим сторонам Рождественской улицы, тянулись рядами купеческие доходные дома с неизменными лавками в первых этажах и зазывалами-приказчиками у раскрытых дверей. Торговля на ярмарке закончилась, и пестрая, пока еще многолюдная толпа заезжих покупателей теперь заполняла субботний торг Нижнего посада, так что дрожки должны были ехать в толпе медленно, и поэт имел возможность всмотреться в жизнь Нижнего посада.

Набережной вдоль волжского берега или даже простого пешеходного тротуара в пушкинское время еще не существовало, и только бурлацкая тропка-бечева тянулась по пескам отмелей. От купеческих усадеб, выходивших главными фасадами домов на Рождественскую улицу, к Волге тянулись глухие, разделенные узкими проездами к воде заборы, за которыми почти до самого берега громоздились остовы разбитых барок и коноводок, крытые рогожами грузы и всевозможные складские строения.

Застройка самой Рождественской улицы в 1833 году отличалась большим разнообразием: были здесь дома XVII, XVIII и первых лет XIX века, каменные и деревянные. Кое-где виднелись прикрытые заборами давно сторевшие, пустующие строения, а местами зеленели небольшие островки садов.

Перевод в Нижний Новгород Макарьевской ярмарки послужил важным толчком к преобразованию прежде всего районов, примыкающих к торговле. Это было отмечено еще в 1826 году во время тайной инспекции Нижнего Новгорода флигель-адъютантом Мансуровым: «С того

времени как ярмарка, самая значительная в России, переведена из Макарьева в Н. Новгород, казалось, что город, коего доходы умножились, должен бы был в течение около 10-ти лет принять приятнейший вид, а жители оживиться в деятельном движении торговли. Ничего подобного неприметно... одна нижняя часть города в близости нового гостиного двора украсилась строением; многие частные заводчики и вообще купцы имеют тут каменные дома. Сия часть города несравненно благовиднее верхней»⁸³.

В один ряд с главными корпусами гостиного двора в 1833 году стояли дома купцов Вагина, Переплетчикова, бывшая соляная контора, старые палаты купчихи Марии Бедаревой и церковь Троицы.

Еще в начале XVIII столетия, в связи с введением в 1705 году государственной монополии на продажу соли, в Нижнем Новгороде была размещена Главная соляная контора Берг-коллегии, поставлявшая столь важный продукт во многие районы России. Оптовая поставка крупных партий соли была долгие годы главной статьей дохода местного купечества. Поэтому содержание в исправности здания соляного правления с лавками, амбарами и кладовыми стало первоочередной задачей как местных властей, так и правительства.

Уже в начале XVIII века часть соляных амбаров отстроили из камня, но постоянная в них сырость и частые пожары Нижнего посада быстро привели здания в негодность. В 1750 году для возведения нового каменного здания соляной конторы был прислан из Москвы ученик выдающегося русского зодчего Д. В. Ухтомского Владимир Исаков.

Здание было двухэтажным, с характерными для русского барокко середины XVIII века рельефными обрамлениями окон второго этажа, где располагались жилые покои государственных чиновников. По центру фасада внутрь двора к складам вел арочный проезд. В общем, несмотря на общую простоту художественного образа, здание соляной конторы было наиболее значительным гражданским сооружением Нижнего Новгорода середины XVIII столетия.

Но в связи с реорганизацией в России управления соляной торговли в 1818—1825 годах старое здание было передано городским властям под размещение полицейского управления Рождественской части. И в пушкинское время оно еще сохраняло первоначальный облик, хотя часть элементов декоративного убранства фасада, как не соответствующих официальному характеру размещенного в нем учреждения, была сбита.

Угол Рождественской улицы и поднимающегося вверх в гору тупичка занимала одноглавая каменная церковь Троицы 1663 года. К началу XIX века она пришла в ветхость, но в течение 1830—1832 годов под руководством И. Е. Ефимова произвели ремонт церкви: вместо каменной главы возвели деревянный каркасный купол, главный вход на паперть оформили модным тогда дорическим портиком.

Писана на постройку от Ф. Киржана из Новгорода Минувшия
Мисского Пятовой
всему во последний этаж каменный да на
Рождественской улице на Рождественской улице

Рисован на Рождественской улице

Восстановлено
8. Сентября 1837
Александр Киржанин
Александр Киржанин

Дом И. Пятова.

Фиксационный чертеж 1837 г.
Арх. Г. И. Кизеветтер

Прямо за церковной трапезной, на небольшой террасе, по красной линии тупичка, стоял трехколонный дом троицкого дьячка и постоялый каменный двор мешчанки Е. Серебренниковой, построенный еще в середине XVIII столетия, а с 1787 года принадлежавший известному русскому полководцу, фельдмаршалу П. А. Румянцеву-Задунайскому⁸⁴. Архитектура дома, как и всех партикулярных строений Нижнего Новгорода XVIII века, отличалась простотой: окна обрамляя наличники простого рисунка, на втором этаже по центру слегка выступала эркереом парадная горница с треугольным фронтоном кровли. Проезд во двор располагался несколько сбоку, ближе к церкви⁸⁵.

Напротив Троицкой церкви через Рождественскую улицу, по стороне проезда к Волге, возвышались каменные дома братьев Ивана и Семена Пятовых, относившихся к наиболее состоятельным людям города. Среди многочисленных строений Пятовых выделялся двухэтажный каменный дом с приставной колоннадой ионического ордера вдоль всего главного фасада (ул. Маяковского, 25).

Впервые участок земли Иван Пятов приобрел здесь в 1806 году⁸⁶, а после пожара Нижнего посада 1819 года А. А. Бетанкур разработал проект восстановления дома, который в пушкинское время был приблизительно таким же, как и в наши дни, за исключением усложненного аттика, появившегося в 1896 году.

Рядом с усадьбой И. Пятова по линии Рождественской улицы стоял и дом крупного домовладельца того времени — нежинского грека, купца И. И. Киризева, построенный в 1820-х годах по проекту И. Е. Ефимова (ул. Маяковского, 31). Как и у большинства домов главной улицы Нижнего посада, первый этаж занимали лавки, куда с проезжей части вели отдельные двери, а во втором — размещались номера, сдаваемые под постой приезжающим.

Дом сохранил до наших дней все основные элементы архитектурно-решения, за исключением ленточного межэтажного меандрового пояса и фриза под карнизом кровли, так что вместе с другими сохранившимися зданиями той поры мог бы считаться историко-архитектурным памятником Нижнего Новгорода начала XIX века, тем более, что позднее в нем жил племянник лицейского друга Пушкина А. И. Дельвиг, прекрасно известный поэту инженер-гидротехник.

Только проулок — проезд к берегу Волги — отделял дом И. Киризева от каменной церкви Козьмы и Дамиана. Церковь строилась в 1630—1640 годах как памятник Нижегородскому ополчению 1612 года на средства всего Нижнего посада. Инициатором же строительства выступал протопоп Спасо-Преображенского собора Савва Евфимиев, один из организаторов ополчения и участник Земского собора 1613 года. Некогда церковь была одноглавой, с просторной бесстолпной сводчатой трапезной для мирских сходов и высокой шатровой колокольной с западной стороны над папертью, украшенной позднее многоцветными изразцовыми вставками. Но к пушкинскому времени главу, покрытую поливной городчатой черепицей, сняли, а над моленным залом возвели высокий световой барабан⁸⁷. Отремонтировали и трапезную, и паперть, и колокольную, но их древние формы после этого стали чем-то инородным, ветхозаветным рядом с колоннадой входов и взлетом главы.

Возле церкви в 1833 году еще сохранялся погост с древними крестами⁸⁸, под которыми покоились останки участников Нижегородского ополчения 1612 года, особо чтимые и сохраняемые на этом месте, несмотря на строжайшее запрещение, с конца XVIII века, оставлять кладбища в черте города.

Как бы следуя старой традиции возводить жилые строения возле храмов, новые дома и целые усадебные комплексы появились к 1833 году у самой красивой в городе Строгановской церкви. С конца XVII столетия здесь возвышались не один, а два отдельно стоявших на террасах храма и придел, посвященный патрональному святому ктитора — именитого человека Г. Д. Строганова — Григорию Богослову.

Но ко времени приезда Пушкина верхнюю церковь вместе с Григорьевским приделом из-за полного обветшания разобрали, а кирпич употребили на возведение подпорной стенки-крепиды под Рождественской церковью, чтоб сберечь от разрушения это прекрасное сооружение.

Рождественская (Строгановская) церковь.
Конец XVII — начало XVIII в.

Рис. И. С. Пакова. 1870 г.

Своей сохранностью Рождественская церковь обязана прежде всего инженеру А. А. Бетанкуру, высоко оценившему ее художественные достоинства и особую доминирующую роль в застройке Нижнего посада, а также губернскому архитектору И. Е. Ефимову, разработавшему проект и руководившему строительством подпорной стенки⁸⁹.

Возведение ее совпало по времени с кардинальной перепланировкой Нижнего посада по новому генеральному плану 1824 года, необходимость которого была вызвана открывшимся ярмарочным торгом.

По этому плану главная нижнепосадская Рождественская улица получила окончательные границы. Оказавшиеся вне красных линий строения было приказано сломать, а на их месте возводить каменные, не менее как двухэтажные дома «по лучшим фасадам». Первыми на это откликнулись Строгановы.

Еще с XVII века на Нижнем посаде у Строгановых стояли многочисленные каменные зимовые дворы, амбары, лавки для мелочной торговли и господский дом. Но летом 1824 года их решили сломать и возвести главным фасадом на Рождественскую улицу усадебный комплекс с жилым домом и двумя флигелями.

Закладка трехэтажного господского дома состоялась в мае 1825 года по проекту и под надзором специально прибывшего для этого в Нижний Новгород петербургского архитектора Павла Иванова⁹⁰. Работы велись три строительных сезона, и в сентябре 1827 года управляющий нижегородским имением Строгановых въехал в освященный по всем правилам дом (ул. Маяковского, 45), хотя роспись интерьеров специально нанятым для этого крепостным живописцем графов Шереметевых Кузьмой Ивановым производилась вплоть до конца 1829 года⁹¹.

Городская усадьба Строгановых состояла из трехэтажного дома и двух флигелей, поставленных на одну линию вдоль Рождественской улицы. Здания соединялись высокой каменной оградой с арочными въездами во двор. В сторону же Волги, ближе к берегу и пристаням, возвышались склады для хранения соли и железа.

Доминирующая роль главного жилого дома в ансамбле подчеркнута не только большими размерами, но и усложненными элементами декоративного убранства. Кирпичная кладка «под руст» первого этажа отделена от второго многопрофильной тягой. Второй и третий этажи разделяет меандровый пояс. Вверху стены завершены строгим дорическим фризом. В общем, несмотря на сдержанность общего декоративного убранства фасадов, усадьба Строгановых была заметным явлением в архитектурном облике Рождественской улицы пушкинской поры.

Закончив усадебный комплекс, те же, видимо, строители приступили в 1828 году к возведению у церкви, в полугоре, у начала Суетинского спуска, каменного дома графа Г. А. Строганова, двоюродного дяди Натальи Николаевны Гончаровой⁹².

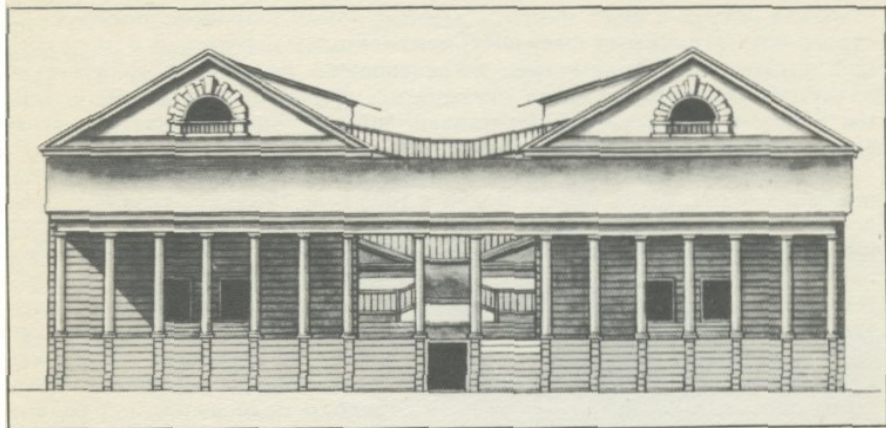
Доставшийся ему по наследству от «именитого» предка старый дом пришел к этому времени не только в ветхость, но и оказался стоящим вне линий генерального плана 1824 года, поэтому его было признано за лучшее сломать. Автором проекта нового здания был И. Е. Ефимов⁹³, хотя руководство работами по строительству как дома, так и флигеля при нем осуществлял архитектор А. Л. Леер. Общий же хозяйственный надзор при возведении дома оставался за Иваном Ворониным, возможно, родственником известного русского зодчего рубежа XVIII и XIX веков, бывшего ранее крепостным рода Строгановых. Строительство и отделка дома продолжались вплоть до исхода 1831 года.

Двухэтажный с мезонином дом (ул. Суетинская, 23) отмечен четырехпилястровым ордером с треугольным фронтоном и стоит на террасе в полугоре. Из его окон и с балкона открывается величественная панорама стрелы Оки и Волги. Хорошо найденные пропорции частей здания, сдержанное, но добротное выполненное декоративное убранство фасадов, удачно выбранная в градостроительном отношении площадка — все свидетельствует о высоких достоинствах архитектуры строгановского дома.

Но это здание было не единственным, появившимся возле Рождественской церкви незадолго до приезда Пушкина. Два из отстроенных тогда же, кроме выше названных, гостиница купца А. Б. Смирнова (ул. Маяковского, 28) и дом С. М. Ясырева (ул. Маяковского, 37), стоящие напротив друг друга, сохранились до наших дней.

Наиболее ранним из них был доходный дом А. Б. Смирнова, построенный по проекту И. Е. Ефимова в 1823 году. Надо отметить, что в связи с переводом в Нижний Новгород ярмарки и началом массового строительства в городе постоянных дворов и гостиниц земля на Рождественской улице резко вздорожала. Стремясь максимально использовать площадь своих «крепостных мест», купцы часто отстраивали дома во всю линию улицы, «в ряд, единою фасадою». Новый социальный заказ потребовал от губернского архитектора И. Е. Ефимова создания дома особого типа — с арочным проездом во двор сквозь здание и пилястрами, охватывающими второй этаж и мезонин. Так выделялись строения одного владельца из общего ряда с другими. В зависимости от размеров здания ордер мог быть четырех- или шестипилястровым. Дом купца А. Б. Смирнова имел по центру шесть пилястр ионического ордера. Кроме того, над проездом И. Е. Ефимов спроектировал в сторону Волги балкон, огражденный чугунной решеткой. Литье таких решеток по архитектурским рисункам в массовом количестве было налажено тогда на Выксунских и Велетьминских заводах Баташевых-Шепелевых.

Противостоящий же дом купца С. М. Ясырева имел иное художественное решение. Он был построен по проекту А. Л. Леера незадолго перед приездом в Нижний Новгород Пушкина.

Нижегородские соляные склады Строгановых.

Фиксационный чертеж 1830-х гг.

Купец 2-й гильдии Степан Михайлович Ясырев, торговавший хлебом и солью, получил усадебное место вместе с каменным домом XVIII века по наследству от родителей.

Но дом пострадал от пожара, и в 1832 году купец решил перестроить его заново.

Дом Ясырева вместе со строениями Турчаниновых, Костроминых и подворьем Фролищевой пустыни составлял «единую фасаду» 4-го квартала Рождественской части города. Из общего ряда его выделял лишь низкий ступенчатый аттик и ионические пилястры между окнами второго этажа, разбивавшие фасад как бы на отдельные ячейки. Филенки под окнами заполнены балясинами.

Тем самым создавалась дополнительная светотеневая игра декоративного убранства.

Несмотря на многочисленные ремонты и приспособления в течение 150-летнего существования, это здание прекрасно сохранило все основные первоначальные элементы архитектуры, и его можно отнести к архитектурным памятникам пушкинской поры.

Сразу бросающиеся в глаза причудливые формы Строгановской церкви, контрастное сочетание белокаменной резьбы и кирпично-красного общего фона, яркий блеск позолоты ажурных просечных крестов и корон центральной главы создавали у каждого видевшего ее представление о сказочных образах прошлого. Настоящее же зримо и весомо присут-

ствовало вокруг в виде многочисленных новых каменных построек со строго симметричными фасадами, неизменными портиками и двухцветной раскраской. Привычные, встречавшиеся повсюду в архитектуре элементы классицизма сразу оказывались скучными и излишне скупыми рядом с безудержной фантазией древних зодчих-мастеров, столь высоко ценивших узорочье и многоцветие.

За усадебным комплексом Строгановых, вплоть до плашкоутного наплавного моста, вдоль берега Волги в 1833 году тянулись соляные и железные склады Голицыных и Строгановых⁹⁴. Они представляли собой многоэтажные строения, соединенные галереями и переходами, на многовенцовом основании (на случай высокой паводковой воды), с широкими въездами по центру. Каждый корпус имел самостоятельную кровлю, под которой располагались конторы с большими циркульными окнами и балкончиком для наблюдения сверху за работами. Отголоски строгих требований классицизма мы находим и здесь: обрамления окон были выполнены «под руст», галереи-переходы поддерживались рядами колонн.

Миновав ограду складского комплекса, улица упиралась в крутые склоны горы, с примостившейся под ней шатровой часовней, и раздваивалась: одна дорога поднималась вверх по крутому Монастырскому оврагу к древнему Благовещенскому монастырю, а накатанный спуск вел к берегу Оки на плашкоутный мост.

Древнейший в Нижнем Новгороде Благовещенский монастырь занимал одну из возвышенных террас Дятловых гор. В центре возвышался пятиглавый собор (1649) с примостившейся возле него Сергиевской восьмигранной церковью (1690), трапезная палата с двухшатровой Успенской церковью и колокольной (1652), архимандричьи палаты, больничный и келейные корпуса XVII века.

В связи с переводом в Нижний Новгород ярмарки и возросшими вкладами «доброхотов» монастырь развернул новое каменное строительство. Ранее Благовещенский монастырь имел двое «святых», то есть осененных храмами ворот. К одним из них дорога поднималась от Нижней Благовещенской слободы, к другим шла со стороны города. Сильно пострадавшие как от времени, так и от неоднократных пожаров древние надвратные храмы в начале XIX века были разобраны, и вокруг монастырской территории, по проекту архитектора В. Н. Воронова, возвели каменную ограду с двумя угловыми башенками и проездами в виде четырехколонных портиков тосканского ордера.

Одновременно в восточной части монастыря началось строительство, по проекту ярмарочного архитектора А. Л. Леера, значительной по размерам пятиглавой церкви Алексея Митрополита (1821—1834).

Новое здание строилось по наиболее распространенному тогда типу: четырехстолпное, крещатое в плане, с портиками по странам света. По-

Благовещенский монастырь. Ко-
нец XIX в.

Фото М. П. Дмитриева

ставленная напротив Спасского ярмарочного собора, она архитектурно связывала оба берега Оки и служила важной градостроительной доминантой, господствуя над площадью перед плашкоутным мостом.

Церковь возводилась в честь известного в России политического деятеля XIV века, духовного отца и наставника Дмитрия Донского, своей судьбой связанного с Нижним Новгородом той поры. Задавшись целью подчинить великих нижегородско-суздальских князей воле Москвы, с мощью которой уже тогда русский народ связывал мечту и надежду на освобождение от ордынского ига, митрополит Алексей в 1370 году возобновил разоренный неоднократно нашествиями монголо-татар монастырь. Тем самым Москва приобрела сильного сторонника, способного отстаивать общерусские интересы в борьбе с сепаратистскими настроениями местных князей в далеком, не всегда послушном Нижнем Новгороде.

С тех пор Благовещенская «обитель» стала домовым монастырем сначала московских митрополитов, а с учреждением в 1589 году патриаршества на Руси — патриархов, где имя Алексея называлось с особым почтением.

В его честь под монастырем, над бьющим из-под горы родником, была поставлена и часовня.

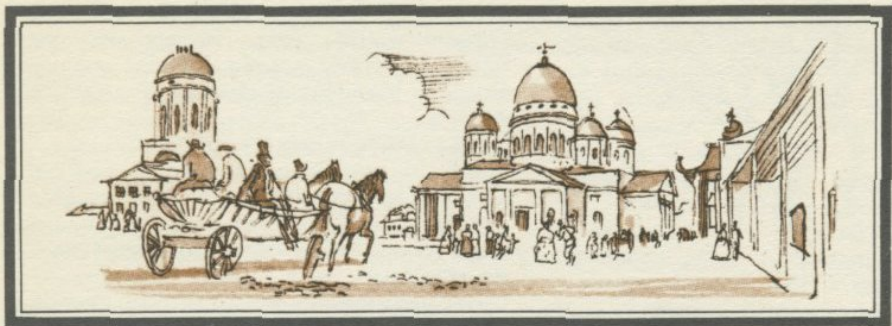
Часовню срубили еще в XIV веке, а в 1725 году, после сильного пожара этой части города, отстроили в камне⁹⁵. Известно, что шатровые

храмы, как не соответствующие церковной символике и догматике, отражающие лишь светские художественные представления русского народа, неразрывно связывающего красоту здания с его высотой, были запрещены патриархом Никоном в 1652 году. Но изменить вкусы эпохи уставным порядком было нелегко. И после запрета устремленные ввысь шатры возводились над колокольнями, крепостными башнями и часовнями. И то, что спустя три четверти века в Нижнем Новгороде отстроили Алексеевскую часовню шатровой, свидетельствовало о бережном отношении зодчих к древним формам и архитектурным образцам. Не случайно и то, что при возобновлении ее в 1840-х годах архитектору Г. И. Кизеветтеру было указано повторить старые формы шатра, что и было им выполнено.

Таким предстал перед Пушкиным на площади перед плашкоутным мостом через Оку еще один уголок древнего Нижнего Новгорода. Как и повсюду, здесь старое соседствовало с новым, и появление Алексеевской церкви Благовещенского монастыря, поднятой на высокую террасу, утверждало наступление в жизни Нижнего Новгорода эпохи перемен.

Глава VJ

НИЖЕГОРОДСКАЯ ЯРМАРКА

Ярманка кончилась. Я ходил по опустевшим лавкам. Они сделали на меня впечатление бального разезда, когда карета Гончаровых уж уехала...

*Из письма А. С. Пушкина жене
2 сентября 1833 года*

Панорама ярмарки открылась перед Пушкиным уже при въезде на площадь перед плашкоутным мостом. Собственно, мост был не один — их было два: главный, наплавной соединял город с островом, а другой — однопролетный, на столбах-опорах — был переброшен с песков на укрепленный фашинами ярмарочный берег несколько выше.

Ока и ее рукав были сплошь заставлены разнообразными судами, соединенными

ми между собой и берегом сходными. Официальный торг закончился день назад, и склады освобождались от закупленного и нераспроданного в этом году товара.

Над ярмарочным берегом тянулись за Окой протяженные двухэтажные, разделенные на секции колоннами, корпуса лавок, окружавшие со всех сторон площадь перед главными административными зданиями.

По наплавному мосту в обе стороны двигались легкие возки и целые груженные обозы, под которыми тесовые настилы прогибались и, поскрипывая на сечах, казалось, были готовы погрузиться в воду. Мост был 8 сажень ширины и 250 сажень длины. Он состоял из нескольких составленных в ряд плашкоутов, тесовые настилы которых и служили полотном моста.

Каждая барка недвижно стояла на якорях. Только на стремнине одна из них по временам отводилась в сторону, и особыми тросами поднималось полотно моста, давая свободный проход караванам судов. Для этого на мосту постоянно содержался штат рабочих из 34 человек.

Ярмарочный мост наводился только летом, а после закрытия торга, глубокой осенью, к ледоставу, разбирался и обычно продавался на дрова. А весной следующего года подрядчик рубил совершенно новый мост по чертежам и под надзором специально приставленного для этого губернским правлением инженера.

Песчаный остров посреди Оки служил не только своеобразной мостовой опорой, но и торговым местом. Здесь располагались во множестве харчевни, а на бревенчатых настилах с навесами продавались самые тяжелые и габаритные то-

вары: сибирский черный металл, литье и кровельное железо. Вдоль берега лежали штабеля тесниц, сложенные «кострами» дрова, дрань и всевозможный строевой лес. Лесными товарами торговали в течение всего лета, так как развернувшееся по всему городу строительство требовало год от года все большее количество бревен, потолочных балок-матиц, пиленых различной длины и толщины досок, поставляемых во множестве древоделами из заволжских лесов под город на плотках и в специальных высокобортовых барках. Городской берег был целиком занят купеческими складами и пристанями, поэтому лесоторговцам выделили низкий песчаный остров реки Оки, в равной степени близкий к ярмарке, к Канавинской слободе и к городу.

На острове дорога пролегла между харчевнями, хлебными и штабелями леса по тесовому настилу, местами выбитому колесами и уже не поправляемому, так как и он служил только летом и, если не разбирался жителями близлежащей Канавинской слободы на дрова, то весной уносился паводком.

Переехав старицу Оки по горбату мосту, Пушкин наконец-то оказался на территории ярмарки перед Главным торговым домом. Стоявшие по контуру площади высокие мачты-флагштоки были уже пусты, так как разноцветные вымпелы, поднимаемые под ружейно-пушечный салют в полночь на 15 июля при открытии ярмарки, через 30—50 дней спускались, оповещая об официальном закрытии торгового сезона. С наступлением глубокой осени и зимой запустевшая ярмарка погружалась в долгий сон и казалась вымершим городом, способным навевать самые фантастические сказки о злых

Вид на ярмарку от западных ворот Благовещенского монастыря.

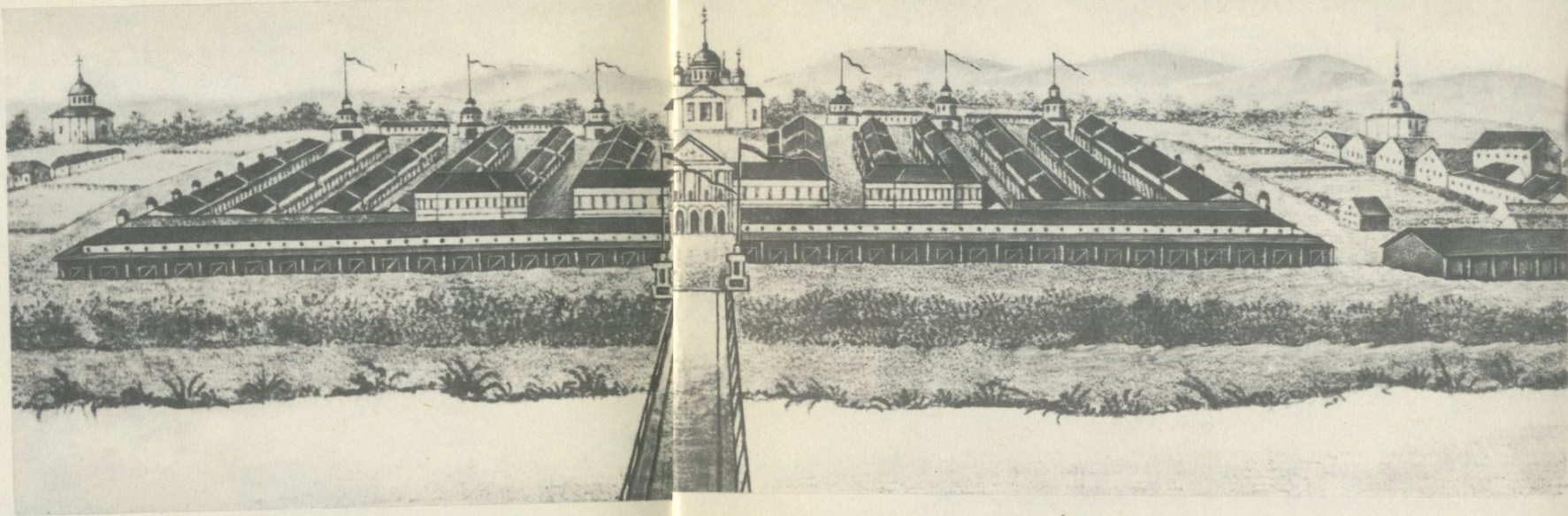
Литография
А. Дюрана. 1839 г.

Панорама Нижегородской ярмарки со стороны Оки.

Литография
В. Логинова. 1832 г.

волшебниках, заколдовавших шумный праздник, чудесных превращениях и добрых героях.

Мы не знаем, сопровождал ли поэта в этой поездке на ярмарку кто-либо из нижегородцев, но можем предположить, что Пушкин знал историю знаменитого Нижегородского, нередко еще называвшегося по старинке Макарьевского торгового и по устным рассказам очевидцев, и по широко распространенной тогда книге «Описание Нижнего-Новгорода и ежегодно бывающей в нем ярмарки», изданной в Москве к торгу 1829 года, или путеводителю по Нижегородской ярмарке 1833 года, продаваемому в местных гостиницах⁹⁶.

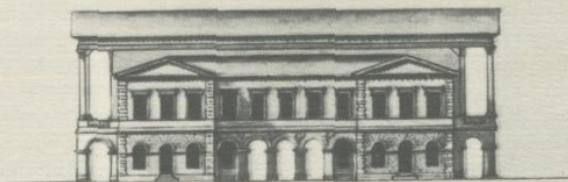
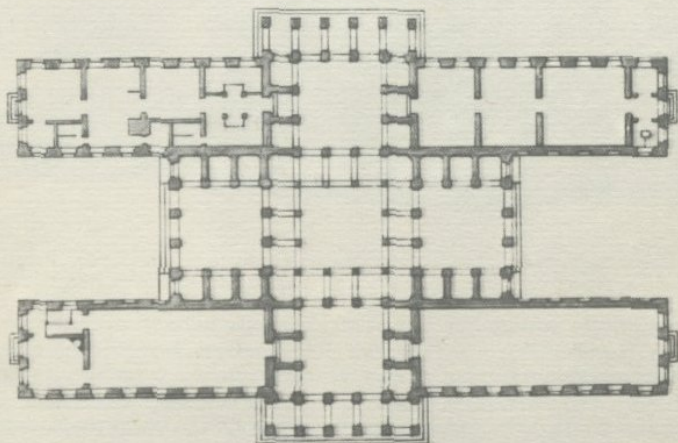
Уже на первых страницах путеводителей обычно сообщалось об начальной истории торгового комплекса под стенами Макарьев-Желтоводского монастыря, о переводе его в Нижний Новгород после опустошительного пожара 18 августа 1816 года. Далее давалась хроника ярмарочного строительства на стрелице Оки и Волги: «1817 года июня 15 приступлено было к построению на сем месте временных балаганов. Того же 1817 года июля 10 открыт с торжественным церемониалом прекрасный мост через Оку... Первая на сем месте ярмарка открыта 1817 года июля 20... Приложенный при сем план ярмарки представит ясно читателям моим расположение всякого рода балаганов, расположенных по плану гене-

рала Бетанкура, знаменитого строителя того моста через реку Оку... Читатель может видеть, что здесь при соблюдении во всех отношениях порядка взор его встретит повсюду приятное разнообразие и величайшую деятельность промышленности, встретит чистоту, опрятность и все, что только может быть привлекательного...»

Еще только развертывалось строительство нового торгового комплекса, а ярмарка, хотя и менее многолюдная, уже работала во временных деревянных рядах, расположенных на песчаных отмелях стрелицы. 3000 лавок, деревянная православная церковь и здание театра были возведены в течение лета 1817 года под руководством нижегородского архитектора И. И. Межецкого. Но так называемые «временные» деревянные торговые ряды неоднократно поновлялись и в силу того, что ярмарке было явно тесно в ограничивавшем ее территорию подковообразном Бетанкуровском канале, сохранялись долгие годы в неприглядном виде. Именно сюда выносились кабаки, харчевни, кофейни, возле которых постоянно толкались тысячные толпы ярмарочных гостей.

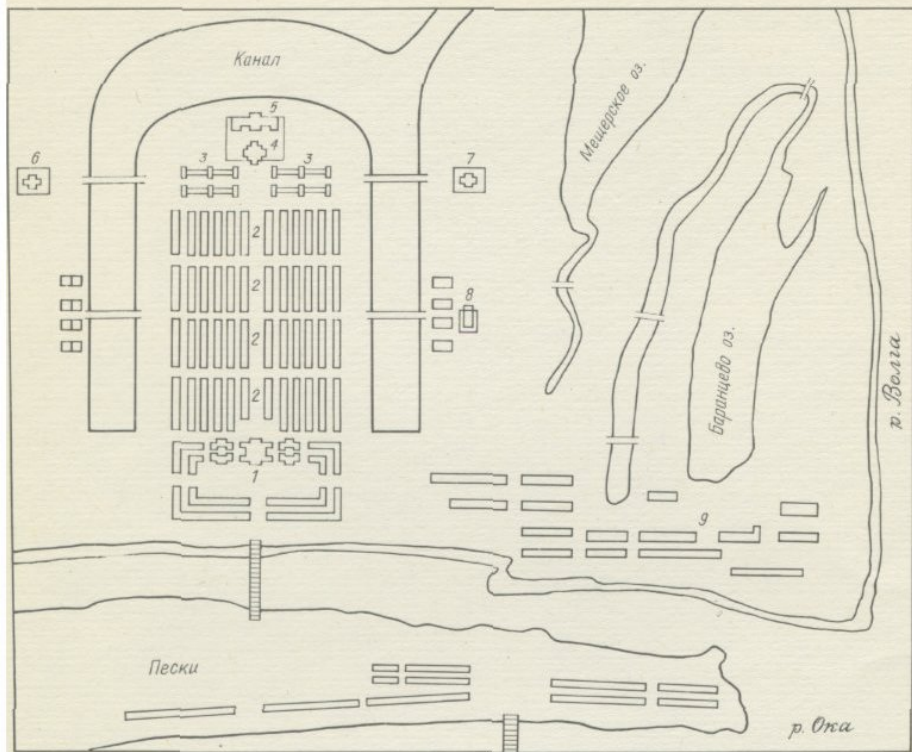
Особенно многолюдно во время торгового праздника было на площади торжественных церемоний, где господствовало здание главного административного корпуса с шестиколонным портиком сложного ордера, поставленным на пилоны парадного входа. Почти весь второй этаж занимал просторный двух-

Проект Главного административного дома ярмарки с перпендикулярно пересекающимися сквозными проходами в первом этаже. 1817—1822 г.

Инж. А. А. Бетанкур, О. Монферран

План застройки Нижегородской ярмарки:

1. Пляц-парад перед главными административными корпусами.
2. Центральный проход-бульвар ярмарочного ансамбля.
3. Китайские ряды.
4. Ярмарочный собор.
5. Дом соборного причта.
6. Армянская церковь.
7. Мечеть.
8. Ярмарочный театр.
9. Временные деревянные торговые ряды

светный колонный зал, где во время ярмарки проходили официальные церемонии и балы. По обеим главным перпендикулярно пересекающимся осям в первом этаже были остроумно устроены сквозные трехарочные проходы, чтобы широко раскинувшиеся крылья здания не препятствовали перемещению под ними покупателей.

Вид на ярмарку
с собора.
Акварель 1830-х гг.

Гармония пропорций, скульптурное убранство фасадов, удобство пользования помещениями и прилегающей территорией ставили Главный дом в ряд лучших построек города периода позднего классицизма.

Справа и слева от Главного дома возвышались двухэтажные административные корпуса, имевшие как общие (для ансамблевой согласованности), так и отличные (чтобы избежать единообразия) элементы архитектурного решения. Но и то, и другое имело схожесть с фасадами столичных казарм Конногвардейского полка, построенных в начале XIX века.

Стоявшие за административными корпусами лавочные двухэтажные здания были окружены крытыми галереями-навесами, опиравшимися на столбы-колонны с капителями сложного ордера. Каждый корпус был разделен кирпичными стенами на отдельные секции, сдаваемые купцам в аренду на месяц за довольно значительную плату. В зависимости от размеров и места расположения лавка стоила от 200 до 700, а в Китайских рядах и до 1000 рублей, так что общий доход только от сдачи в наем помещений на ярмарке в 1833 году составил 429 528 рублей⁹⁷.

Центральную ось ансамбля создавал широкий бульвар, протянувшийся от арок-проходов главного административного корпуса до собора. Для содержания территории ярмарки в чистоте и постоянного смыва естественных — при столь многочисленном скоплении людей — нечистот вдоль канала были проложены две подземные кирпичные галереи с отхожими местами. Это было новым элементом общественных комплексов и ставилось впоследствии в особую заслугу автору проектов А. А. Бетанкуру.

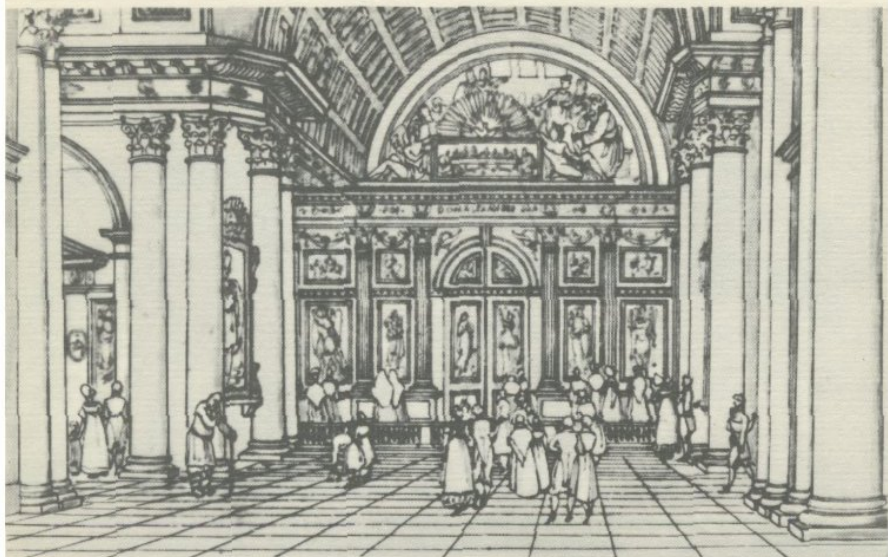
С бульвара открывался вид на самое значительное и по размерам, и по композиционному значению здание — собор, обращенный к зрителю портиком с двумя рядами колонн (в отличие от других фасадов), чем подчеркивалось главенствующее значение центральной оси ансамбля, хотя фасад этот был боковым, южным.

По своей архитектуре собор представлял вариант «крещатого» в плане храма с четырьмя портиками по странам света. Правда, отдельно стоящие колонны имели только южный и северный портики, а по оси восток-запад «крещатые» части собора служили соответственно алтарем и притвором.

Мощный центральный и четыре боковых световых барабана основывались на четырех пилонах. Цилиндрический свод главного нефа и карниз, поддерживаемый спаренными колоннами сложного ордера, подчеркивали значительные размеры интерьера, пышность его скульптурного убранства.

Новым по формам, непривычно светским по живописи был и иконостас собора, созданный по рисунку О. Монферрана и расписанный живописцем Торичелли. Многие купцы отказывались подходить к алтарю

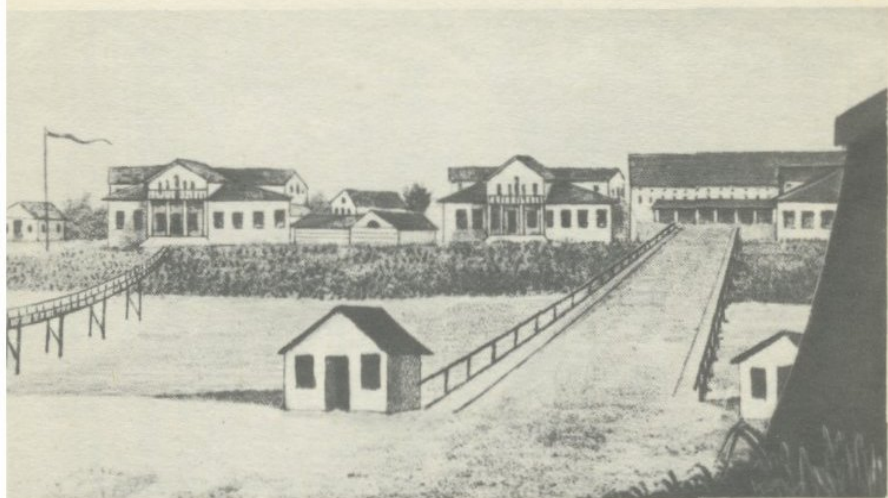
Интерьер ярмарочного собора.

Рис. О. Монферрана. 1822 г.

и толпились в притворе, где по стенам были развешаны перенесенные из древнего кремлевского Спасо-Преображенского собора иконы старого письма, открыто возмущались засилием «неметчины». По этой причине в середине 1830-х годов первоначальный иконостас был разобран, и вместо него на средства нижегородского купечества выполнили новый по эскизам известного русского зодчего В. Стасова⁶⁸.

Прямо перед собором, во всю ширину ярмарочной территории, тянулись четыре Китайских ряда, прозванные так за «восточный» характер архитектуры. Каждый корпус представлял собой как бы три пагоды, соединенные между собой двухэтажными лавками с навесами-гульбищами. Каждый павильон-пагода завершался беседкой с высоким шпилем флагштока и длинной, постоянно реющей на ветру многоцветной узкой лентой выпела.

Павильоны имели загнутые вверх концы кровель, а на углах — по четыре точеных из дерева болвана в виде раскуривающего трубку китайца и китайки под зонтом. Болваны были выполнены по эскизам О. Монферрана известным русским мастером декоративной скульптуры П. П. Соколовым. Можно полагать, что к работам на ярмарке его

Ярмарочный театр Н. Г. Шаховского.

Литография В. Логинова. 1832 г.

привлек А. А. Бетанкур, они были знакомы с первых лет жизни инженера в России.

Еще в 1810 году при проектировании в парке Царского Села своей известной скульптуры «Девушка с разбитым кувшином» П. Соколов пригласил А. Бетанкура для решения инженерно-архитектурных задач. В Нижнем Новгороде они как бы поменялись ролями.

Пушкин не только любил царскосельскую скульптуру, но и глубоко чувствовал и интимно-лирический, и философско-проникновенный ее дух, возвращаясь к воспоминаниям о ней в пору особой поэтической сосредоточенности. На Нижегородской земле, в период знаменитой Болдинской осени, родились пушкинские строки:

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.

Дева печально сидит, праздный держа черепок.

Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;

Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

Воспоминания о Царском Селе могли навеять не только скульптуры Соколова — Монферрана, но и ярко раскрашенные пагоды Китайских рядов, имевших много общего с царскосельской Скрипучей беседкой, бывшей местом постоянных игр и забав лицеистов.

За собором, почти над обрывом Бетанкуровского канала, в 1833 году возвышался соборный дом с мощным цилиндрическим объемом храма-колокольни над его центральной частью, завершенной стройным шпилем. Здание возводилось уже во второй период развития ярмарочного ансамбля, когда первоначально спроектированные его элементы были выполнены, а самого автора проектов, А. А. Бетанкура, уже не было в живых.

Ожесточившаяся после декабрьских событий 1825 года реакция коснулась и архитектуры. Глава Строительного ярмарочного комитета герцог А. Вюртембергский требовал при работах строжайшей экономии средств и «большой простоты» в архитектурном решении запроектированных в 1824 году новых зданий: армянской церкви, мечети и дома церковного причта.

Наибольший интерес из них, несомненно, представляла армянская церковь, выполненная в виде однокупольной ротонды, с портиком дорического ордера и открытой лоджией с восточной стороны, на которую можно было попасть по белокаменным ступеням.

В силу того что вся ярмарочная территория была уже застроена, армянскую церковь и мечеть возвели за Бетанкуровским каналом на насыпных холмах, в непосредственной близости от собора и на одной с ним оси.

За мостом канала, в сторону стрелицы, виднелась другая «достопримечательность» ярмарки — театр, где во время торга по вечерам давала платные представления труппа крепостных актеров нижегородского помещика князя Н. Г. Шаховского. Сценическое мастерство труппы высоко ценилось и в пушкинское время.

Здание ярмарочного театра с крытыми по сторонам галереями было деревянным, огромным. Каркасную его основу составляли только столбы, обшитые снаружи тесом. Партер с привозными на время ярмарочных представлений креслами для «именитой» публики был украшен золоченой лепниной и имел расписной потолок, скамьи же райка уходили в темноту, под самые стропила кровли. К театру было пристроено несколько жилых помещений, а на дворе — каретники и хоромы для актеров.

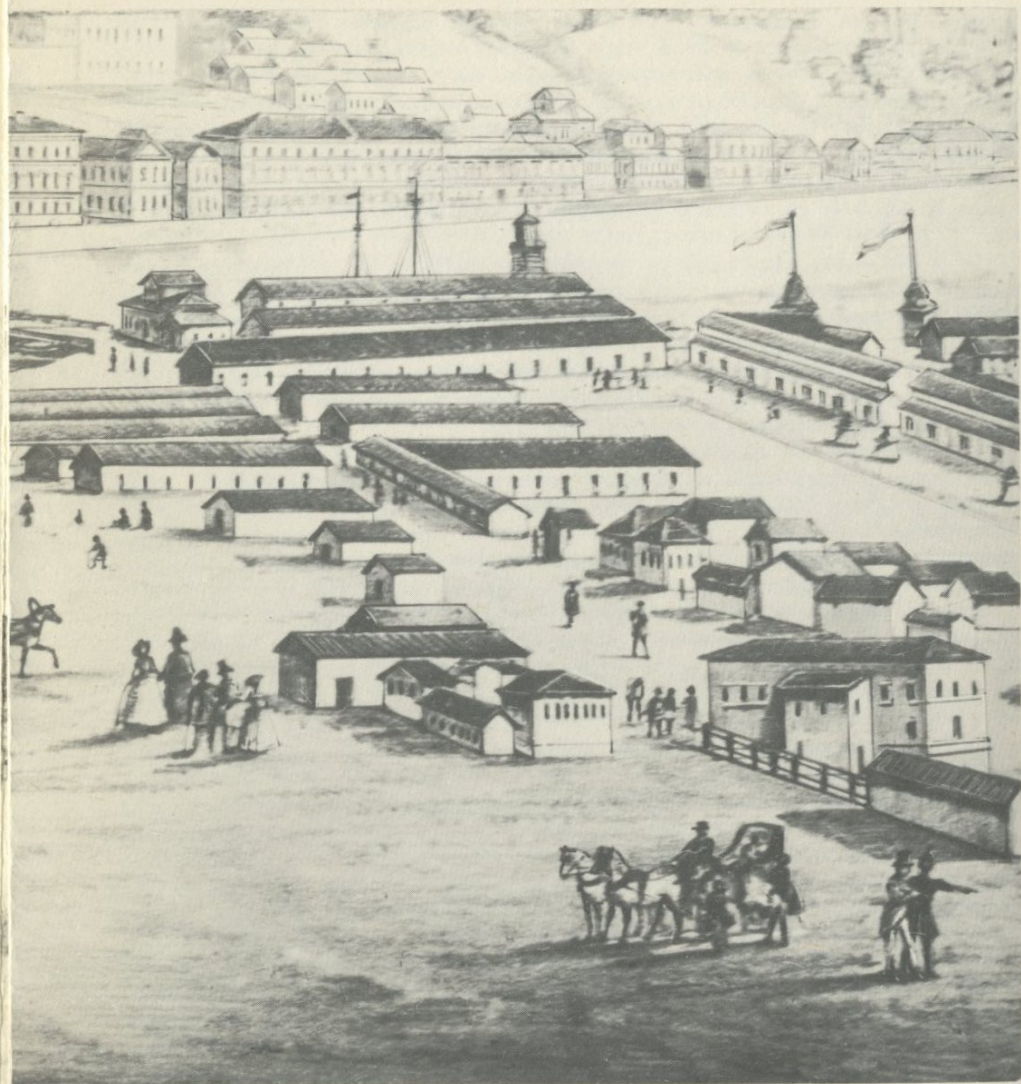
Современники отмечали, что хотя застройка ярмарки возле театра была деревянной и носила временный характер, но приведенная к началу торга в порядок и заново окрашенная создавала впечатление опрятности и даже «стилевого» единства в архитектуре.

В общем во всем своем комплексе Нижегородская ярмарка представляла собой, действительно, общероссийскую достопримечательность и потому собирала ежегодно сотни тысяч не только торгующих, но и путешествующих по России, которых привлекал колорит многоязычного торга, где, как говорили современники, Европа сталкивалась с Азией.

Вид на временные деревянные лавки ярмарки.

Литография
А. Голикова.
Нач. XIX в.

Впечатление от ярмарки той поры образно передал безымянный составитель путеводителя 1833 года: «Толпы народа любуются в лавках на многообразность и прелестное положение товаров. Звон колоколов, крики фигляров, барабаны комедиантов, пение слепых нищих, звонкий зов сидельцов, приговорки квасников, сбитенщиков и разных разнощиков, производя все то в одном месте и смешиваясь с гулом 200 000 человек, наводят какое-то изумление... Грек обнимается с Армянином, Татарин с Калмыком, Казак с Бухарцем, Еврей с Христианином... 50 племен на разных языках славославят» торг⁹⁹.

Но в бытность Пушкина на ярмарке ее жизнь уже постепенно затихала. В 1833 году торг закончился 1 сентября «из-за поздняя съезда на оную торговцев». Прошел всего день, и уже не было многоязычной красочной толпы покупателей и приказчиков-зазывал. Между рядами мелькали лишь редкие запоздалые путешественники, так же, как и Пушкин, оказавшиеся волею судеб в это время в Нижнем Новгороде, да работные, убиравшие территорию ярмарки.

Под присмотром архитектора А. Л. Леера и его помощника А. И. Шеффера закрывались ставнями окна, накрепко крест-накрест забивались досками двери лавок. Это сразу меняло облик ярмарки. Столь непривычная для торга тишина завоевывала пространство. Вид многочисленных пустых зданий и повсюду переметаемого ветром мусора оставляли чувство разочарования и ощущение запустения.

Совсем иные чувства вызывали с ярмарочного берега могучая ширь слившихся Оки и Волги и неповторимая панорама Нижнего Новгорода, разбросавшего свои улицы по откосам высокого правого берега. Отсюда прекрасно просматривались и каменный кремль, опоясавший Часовую гору, и Нижний посад с его каменной новой застройкой.

Свои восторженные описания города оставили многие современники Пушкина, при этом они неизменно отмечали особое значение торга в жизни страны: «Нижний Новгород представляет взору путешественника прелестнейшую картину, а особливо от реки Оки: неровная отлогость высокой горы, по коей расположены красивые дома, осеняемые деревьями, кои обыкновенно прежде сажали перед окнами домов, возвышающиеся верхи храмов, видные частию через зубчатую стену крепости и частию по отлогости горы и самый песчаный берег Оки, где видима всегда неутомимая деятельность промышленности: все сие точно есть единственная картина, могущая удивить и самага хладнокровного зрителя, а присоединив к сему то, что сей город есть почти средоточие всей России и расположен при таких двух судоходных реках, которые проходят по самым изобильнейшим Губерниям и служат судоходным сообщением с обеими Столицами, — точно — можно сказать, что здесь есть истинное место Столицы и центра внутренней торговли России»¹⁰⁰.

На городском берегу Оки, под Благовещенским монастырем, прямо напротив торгового двора, для приезжающих на ярмарку гостей и стали строиться в первую очередь дома с гостиничными номерами.

Каменные дома стали строиться здесь особенно интенсивно после пожара слободы в 1826 году, когда вдоль окского берега была проложена набережная, застраивать которую разрешалось исключительно каменными домами и не менее как в два этажа высотой.

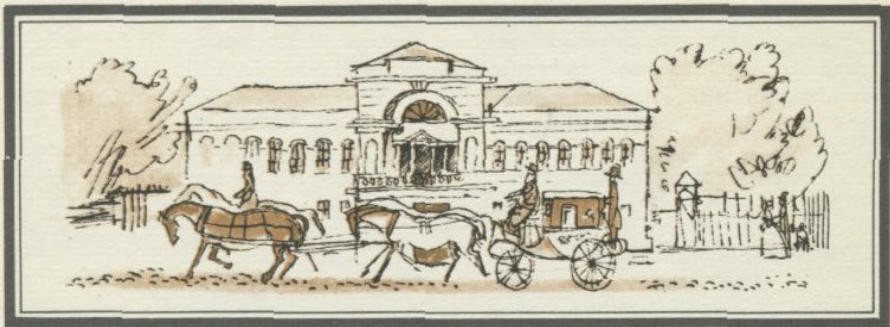
Но и среди новой застройки Благовещенской слободы в пушкинскую пору выделялся доходный дом купца П. Горячева. Купец 3-й гильдии Прохор Ерастович Горячев торговал всевозможным строительным лесом, неоднократно поставлял его и для работ на ярмарку, поэтому был прекрасно известен А. Л. Лееру, к которому и обратился с просьбой о разработке проекта своего домового строения на Нижне-Окской набережной. В основу проекта дома П. Горячева, утвержденного 5 мая 1832 года, архитектор взял фасады гостиниц, стоявших на набережной Васильевского острова, слева от здания Академии художеств. Вытянутый вдоль Оки дом П. Горячева был поставлен на высокий, выложенный из тесанного белого камня цоколь, имевший на боковых выступах по четыре пилястры. Первый этаж был рустован, а на гладкой поверхности второго этажа окна выделены профилированными рамками наличников, причем три из них имели на уровне капителей пилястр полочки, чем подчеркивалось единое горизонтальное членение фасада. По центру второго этажа первоначально располагался поддерживаемый фигурными литыми консолями балкон, с которого открывалась живописная панорама ярмарки и фарватера Оки. В общем дом П. Горячева был в пушкинскую пору и остается до сих пор (ул. Черниговская, 15) одним из лучших памятников архитектуры Нижнего Новгорода начала XIX века.

Возвращаясь в гостиницу, Пушкин вновь пересек весь Нижний посад, поднялся по Ивановскому съезду в гору и оказался на Благовещенской площади.

День 2 сентября 1833 года оказался столь насыщен впечатлениями, что Пушкин поспешил поделиться ими с Натальей Николаевной, написав ей второе в этот день письмо, заверщенное словами о только что увиденной ярмарке и раздумьями о разлуке с нею.

Глава V У У

НИЖЕГОРОДСКИЕ ВСТРЕЧИ ПУШКИНА

Сегодня был я у губернатора, генерала Бутурлина. Он и жена его приняли меня очень мило и ласково; он уговорил меня обедать завтра у него...

*Из письма А. С. Пушкина жене
2 сентября 1833 года*

Пушкин приехал в Нижний Новгород в субботу. Присутствий в губернском правлении, по установленным правилам, в тот день не было. Приема не было и на следующий день, поэтому встреча поэта с нижегородским военным губернатором М. П. Бутурлиным произошла в его доме на В. Покровской улице.

При первом разговоре поэта с М. П. Бутурлиным присутствовала губернаторша Анна Петровна (урожденная княжна

Шаховская), которая, можно полагать, настояла на приглашении в их дом известного в России литератора на следующий день к званому обеду, хотя «уготоваривал» Пушкина нанести повторный визит, как это следует из записи поэта, сам губернатор.

Чета Бутурлиных приняла Пушкина радушно по ряду причин. Во-первых, он был широко известным в столицах поэтом, которому, по доносившимся до Нижнего Новгорода слухам, покровительствовал сам Николай I, вызвавшийся быть его личным «цензором». Такой «честь» достаивались немногие! Характера же более сложных, чем это казалось внешне, отношений Пушкина и царя М. П. Бутурлин мог и не знать.

Кроме того, они считались происходящими от одного предка, вышедшего, как это значилось в родословной М. П. Бутурлина, в княжение «Александра Невского из Семиградской земли, государева мужа честного, именем Радша»¹⁰¹. Это же почти дословно повторил о своем древнем предке Пушкин в автобиографии, с этого же начал стихотворение «Моя родословная»:

Мой предок Рача мышцей бранной

Святому Невскому служил...

Деды и отцы А. С. Пушкина и М. П. Бутурлина могли быть знакомы еще с XVIII столетия.

А главное, по предположению М. П. Бутурлина, Пушкин ехал в Оренбург с тайной инспекционной миссией, что затрагивало, как увидим далее, личные интересы нижегородского военного губернатора.

Таким образом, у М. П. Бутурлина было достаточно оснований «очень мило

и ласково» не только встретить поэта, но и сколь возможно задержать его в Нижнем Новгороде, стараясь скрасить досуг нежданного гостя.

Опасения о тайной цели путешествия Пушкина в далекий Оренбург были для М. П. Бутурлина столь серьезными, что он сразу же известил об этом специальной скорой эстафетой тамошнего губернатора В. А. Перовского. Писатель В. А. Соллогуб, многократно встречавшийся в эту пору с Пушкиным, в своих «Воспоминаниях» сообщал, что, приехав в Оренбург, поэт сразу же узнал о послании Бутурлина. Позднее он рассказал Н. В. Гоголю, что о нем была «получена гр. В. Перовским секретная бумага, в которой последний предостерегался, чтоб был осторожен, так как история Пугачевского бунта была только предлогом, а поездка Пушкина имела целью обрешивать секретно действия оренбургских чиновников. На этих двух данных задуман был «Ревизор», коего Пушкин называл себя всегда крестным отцом»¹⁰².

Но что же так насторожило нижегородского военного губернатора в Пушкине и, главное, в его интересе к Оренбургу? Ответ на этот вопрос мы находим в фактах жизни самого М. П. Бутурлина. Михаил Петрович Бутурлин родился 13 мая 1786 года, а в 1807 году вступил юнкером в Кавалергардский полк. Незадолго до начала военных действий французов в 1812 году он получил назначение старшим адъютантом командира 1-й Кирасирской дивизии, с которой участвовал в сражении под Витебском, а затем и в арьергардных боях на подступах к Смоленску, «где много раз употреблен был в охотниках для разставления егерских цепей и исполнил оное с удивительным рвением и храбростью»¹⁰³.

За участие в Бородинской битве, где расторопной распорядительностью способствовал «спасению наших батарей и пехоты, причем ранен в плечо картечью», его наградили первым боевым орденом св. Владимира 4-й степени с бантом. Затем М. П. Бутурлин участвовал в сражениях под Тарутином, Малым Ярославцем, под Вязмой и далее под Дрезденом, Лейпцигом. С русскими войсками вошел в Париж.

Почти каждое значительное сражение приносило ему вместе со славой храброго офицера ордена и медали, так что позднее, в Нижнем Новгороде, он любил появляться перед гостями в мундире и при нагарах, закрывавших всю грудь.

После победоносного завершения французской кампании Михаил Петрович получил место адъютанта С. Г. Волконского, будущего декабриста, а позднее — в чине генерал-майора — 23 октября 1829 года был уволен «за болезнь по прошению от службы с мундиром и пенсioном»¹⁰⁴ и поселился в Москве.

Осенью 1830 года, во время эпидемии холеры, охватившей ужасом смерти всю центральную часть России, его назначили управляющим одной из частей столицы. С неожиданным поручением М. П. Бутурлин справился успешно, за что уже на следующий год получил не только очередной орден, но и должность нижегородского гражданского губернатора.

Приложив «железную» руку военного к взысканию недоимок, М. П. Бутурлин получил правительственную благодарность и указом от 1 июля 1832 года поднялся на следующую ступеньку иерархической лестницы чиновничьего аппарата николаевской России, заняв должность «военного губернатора с правом управления и гражданской частью», став практически единовластным правителем всего Нижегородского края.

Таким образом, Пушкин был в гостях у М. П. Бутурлина в период, когда тот переживал апофеоз власти и вряд ли мог ждать от езжего поэта крупных неприятностей по делам новой службы, но известие о поездке Пушкина в Оренбург встревожило его. Дело заключалось в том, что еще с конца 1827 года М. П. Бутурлину приходилось неоднократно выезжать по именному царскому указу с секретными предписаниями, но под самыми невинными предлогами в различные губернии России. В 1829 году он побывал и в Оренбурге¹⁰⁵. Отчитывался о результатах тайных инспекций М. П. Бутурлин непосредственно перед Николаем I, за что «удостоился высочайшаго благоволения».

Таким образом, поездка Пушкина в Оренбург вполне могла восприниматься М. П. Бутурлиным вторичной перепроверкой данных его недавнего отчета. А это, даже при минимальном несовпадении мнений, действительно, грозило нижегородскому военному губернатору большими неприятностями, о чем как никто глубоко отлично он знал.

М. П. Бутурлин.

*Портрет нижегородского
периода жизни*

Возможно, позднее, после долгой застольной беседы у себя в доме 3 сентября Михаил Петрович и поколебался в своем предубеждении против Пушкина, но курьер с эстафетой был уже далеко. Да и откуда было знать губернатору, что этот курьез станет известен поэту?

Чем была занята у Пушкина первая половина 3 сентября 1833 года, мы не знаем. Но к обеду он оказался в доме военного губернатора.

Кроме Пушкина и четы Бутуриных, во время обеда присутствовало немалое число гостей. Об этом говорит такой, например, факт, что за Лидией Петровной Никольской специально посылали коляску, и, проведя в одной с Пушкиным компании не менее двух-трех часов, она даже не узнала имен всех присутствующих.

Жена статского советника, исправлявшего тогда должность директора народных училищ Нижегородской губернии А. М. Никольского, была известна в городе как художественно одаренный человек, строгий ценитель и тонкий знаток театрального искусства и поэзии. В доме Никольских имелась редкая для провинции библиотека. Сама же

Лидия Петровна, несмотря на годы, слыла красавицей и «душой» нижегородского светского общества, поэтому ее с радостью принимали в доме губернатора, а Анна Петровна Бутурлина считала ее подругой и не мыслила без нее домашних полуофициальных встреч, тем более, что в данном случае готовила ей сюрприз.

На званом обеде у Бутурлиных 3 сентября Л. П. Никольская имела возможность прекрасно рассмотреть незнакомого гостя и подметить у Пушкина многие черты, столь привлекавшие его друзей. Ее дневниковая запись об этой встрече остается наиболее полным свидетельством очевидца о пребывании Пушкина в Нижнем Новгороде: «В этот день у Бутурлиных обедал молодой человек: нас не познакомили, и я не знала кто он. Я запомнила наружность этого гостя: по виду ему было более тридцати лет. Он носил баки. Немного смуглое лицо его было оригинально, но не красиво: большой открытый лоб, длинный нос, полные губы, — вообще неправильные черты; но что было у него великолепно — это темно-серые с синеватым отливом глаза, большие, ясные! нельзя передать выражения этих глаз: какое-то жгучее, а при том ласкающее, приятное. Я никогда не видела лица более выразительного: умное, доброе, энергичное.

Когда он смеялся — блестили его белые зубы. Манеры у него были светские, но слишком подвижные. Он хорошо говорил: ах, сколько было ума и жизни в его неискusstvenной речи! А какой он веселый, любезный — прелесть! Этот дурняшка мог нравиться»¹⁰⁶.

Уже после отъезда гостя между Лидией Петровной и хозяйкой дома произошёл такой разговор:

«— Насмотрелась на своего любимца? — спросила меня Анна Петровна.

— На какого любимца? — сказала я.

— На твоего Онегина, — пояснила она.

— Разве это был Пуш... — я не договорила. Бутурлина разсмеелась».

Кто же еще, кроме перечисленных, мог быть на обеде у Бутурлиных?

Прежде всего надо назвать соседа Бутурлиных генерала Петра Богдановича Григорьева, оказавшегося свидетелем полушуточного разговора Пушкина с хозяйкой дома о жизни поэта в Б. Болдине осенью 1830 года. Этот разговор в семье Григорьевых передавался из поколения в поколение и был записан позднее внуком генерала, известным в XIX столетии писателем П. Д. Боборькиным:

«— Что же вы делали в деревне, Александр Сергеевич? — спросила Бутурлина. — Скучали?

— Некогда было, Анна Петровна. Я даже говорил проповеди.

— Проповеди?

— Да, в церкви, с амвона. По случаю холеры. Увещевал их (крестьян. — Н. Ф.): «И холера послана вам, братцы, оттого, что вы оброка не

А. С. Пушкин.
С картины
«Парад на Царицыном лугу»
Г. Г. Чернецова.

платите, пьянствуете. А если вы будете продолжать так же, то вас будут сечь. Аминь!»¹⁰⁷.

Достоверность разговора подтверждается письмом Пушкина П. А. Плетневу от 29 октября 1930 года: «...я бы хотел переслать тебе проповедь мою здешнюю мужикам о холере; ты бы со смеху умер, да не стоишь ты этого подарка...»¹⁰⁸.

Из тех, кто составлял тогда окружение военного губернатора, мы назовем также А. Д. Улыбышева и И. Е. Ефимова.

У Ефимова и Пушкина были многочисленные общие столичные знакомые. Иван Ефимович Ефимов посещал дом М. П. Бутурлина в это время буквально каждый день, а иногда и по нескольку раз, так как под его надзором продолжался ремонт губернаторского дома, и архитектору приходилось не только поторапливать подрядчиков, но и контролировать качество работ, чтоб закончить их к быстро надвигающимся холодам.

Кроме того, 30 июня 1833 года специальным указом Сената была открыта строительная комиссия для «устройства губернского города Нижегородского» под председательством военного губернатора и губернского архитектора¹⁰⁹. Все практические вопросы по организации работ комиссии легли на плечи И. Е. Ефимова, но каждый неизменно приходилось согласовывать с губернатором.

Нельзя забывать и того, что Императорская Академия художеств еще в 1825 году избрала Ивана Ефимовича Ефимова своим членом, а президент А. Н. Оленин, в семье которого Пушкин часто бывал и поддерживал дружеские связи с его сыновьями Алексеем и Петром, дочерьми Варварой и Анной, считал И. Е. Ефимова одним из самых одаренных архитекторов России¹¹⁰. Это, несомненно, было известно М. П. Бутурлину и делало различия в служебных рангах губернатора и академика архитектуры не столь существенными, и последний мог быть желанным повседневным гостем бутурлинского дома.

Ефимов и Пушкин были почти одного возраста, оба окончили привилегированные столичные учебные заведения и имели много общих знакомых. Пушкину были прекрасно известны сотоварищи И. Е. Ефимова по Академии художеств Карл и Александр Брюлловы, его младший брат, столичный зодчий той поры Николай Ефимович Ефимов и другие.

Приглашение И. Е. Ефимова на званый обед могло иметь для М. П. Бутурлина и практический интерес: показать мнимому «ревизору» сколь возможно в более выгодном свете свое нижегородское окружение.

С действительным же статским советником в отставке А. Д. Улыбышевым нижегородского губернатора связывало не только равенство социального ранга, но и своеобразно сложившиеся с 1831 года дружеские отношения. Правда, А. Д. Улыбышев нелестно оценивал деятельность М. П. Бутурлина как губернатора, называя его «идеалом дурного правителя», однако в светском отношении человеком «сносным и даже весьма приятным»¹¹¹, при этом отмечал его поистине русское хлебосоольство.

С Пушкиным же А. Д. Улыбышев познакомился еще в С.-Петербурге, где служил в Министерстве иностранных дел и вместе с поэтом входил в литературное общество декабристов «Зеленая лампа» (1819—1820). Несмотря на успешное продвижение по службе и регулярное получение наград, А. Д. Улыбышева тяготила казенная служба, и в 1830 году он подал в отставку, женился на дочери прапорщика А. М. Олсуфьева Варваре Александровне и поселился в своем нижегородском родовом имении в селе Лукине¹¹². Весной и в начале лета А. Д. Улыбышев обычно жил в деревне, а с открытием ярмарки переезжал в Нижний Новгород, где в 1830-х годах квартировал на Б. Покровской улице в доме капитанши Е. М. Щепановой, в соседях с архитектором А. Л. Ле-

ером, лишь временами выезжая в село Лукино по делам управления имением. В Нижнем Новгороде А. Д. Улыбышев полностью отдался музыке, ставшей его отрадой и смыслом бытия. Здесь он закончил исследование о творчестве Моцарта. Здесь устраивал свои знаменитые музыкальные вечера, оказавшие большое влияние на всю культурную жизнь города и на судьбу их постоянного участника, будущего композитора М. Балакирева.

Можно полагать, что М. П. Бутурлин был заинтересован во встрече в своем доме двух давних знакомых, создававшей особо доверительную обстановку, что — судя по непринужденной оживленности поэта во время застолья — и было достигнуто.

После обеда все перешли в гостиную. Это была просторная зала левого крыла второго этажа с лепным орнаментальным фризом, выполненными «под мрамор» настенными пилястрами ионического ордера и хорами для домашних музыкантов¹¹³. В гостиной Пушкин пробыл около часа и откланявшись отправился в далекий путь через Казань к Оренбургу.

Глава V I I I

НА ПУТИ В КАЗАНЬ

Пой, ямщик! Я молча, жадно
Буду слушать голос твой.
Месяц ясный светит хладно,
Грустен ветра дальний вой.
Пой: «Лучинушка, лучина,
Что же не светло горнишь?»

А. С. Пушкин

П окинув дом Бутурлиных, Пушкин отправился на Благовещенскую площадь, отметил в почтовой конторе подорожную для продолжения беспрепятственного проезда по трактам России и поспешил выехать из оказавшегося столь гостеприимным Нижнего Новгорода, чтоб в остаток дня миновать несколько прогонов долгого до Казани пути.

С Благовещенской площади коляска поэта повернула на Тихоновскую улицу.

получившую свое название от церкви, возвышавшейся тогда на одной линии с флигелем губернской гимназии.

Церковь была построена еще в 1742 году как приходская — с просторной трапезной и высокой колокольной над западным входом. Бесстолпный молельный зал перекрывал купол, завершенный двумя уменьшавшимися в высоте световыми восьмериками и маленькой главкой. На паперти кучками сидели нищие и тянули руки в сторону редких прохожих. Их грязные рваные одежды и посившие лица грубо контрастировали с ослепительной белизной стен, позолотой крестов и яркоцветной фресковой росписью обращенного в Тихоновскую улицу фасада.

Обогнув кованую ограду городской усадьбы купца И. И. Киризеева, коляска въехала в проулок, соединявший в 1833 году Тихоновскую улицу с Большой Печерской¹⁴. Проулок оставался еще от застройки города XVIII столетия и проходил между жилыми строениями к архиерейскому саду, а далее сливался с площадью перед деревянным зданием нижегородского театра. Хотя проулок был узок, но по-прежнему служил наикратчайшим путем к Казанскому столбовому тракту.

По мере движения перед Пушкиным развertyвалась одна из интереснейших городских усадеб Нижнего Новгорода. За оградой виднелись службы и одноэтажный с мезонином оштукатуренный дом с тремя колонными портиками, из которых ныне сохранился один (ул. Ульянова, 10а).

В пушкинскую пору усадьба принадлежала нежинскому греку И. И. Киризееву, переехавшему в 1820-х годах на постоянное жительство в Нижний Новго-

род и вскоре ставшему одним из крупнейших домовладельцев города. Но в XVIII веке в этом доме жил известный в России ученый Д. Руднев (Дамаскин), память о котором долгие годы сохраняла Нижегородская земля.

Прямо за домом Киризеева тянулся тенистый сад епископской резиденции, мелькавшей вдали между стволами яблонь (ныне здание государственной консерватории).

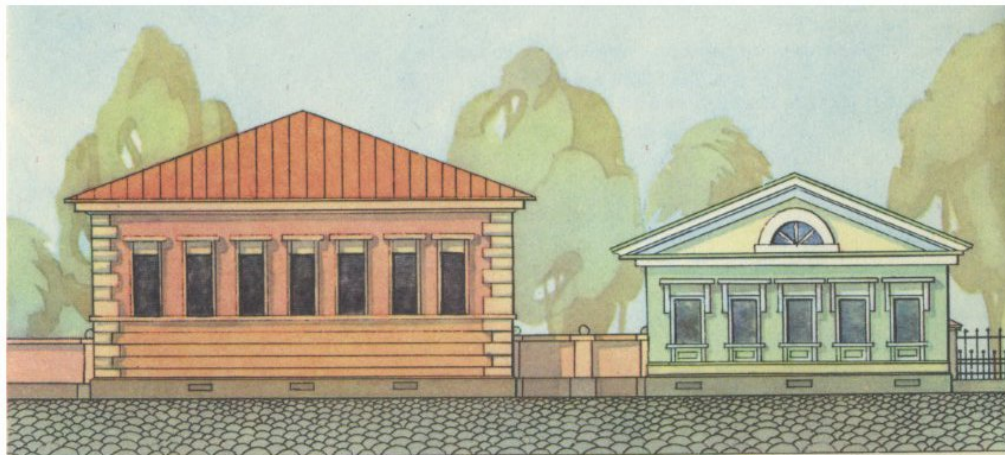
Миновав проулок, коляска проехала мимо деревянного здания бывшего крепостного театра князя Н. Г. Шаховского. К 1833 году здание пришло в ветхость. Тесовая обшивка стен кое-где отстала, двухмаршевое крыльцо со стороны Б. Печерской улицы покосилось, начала обваливаться штукатурка и в интерьере. Обветшал и двухэтажный флигель, где жили актеры, почернели от времени баня, конюшня и каретники. Спектакли еще продолжали ставиться в старом городском театре, но зрители сюда приходили с опаской.

Миновав театр, коляска Пушкина выкатила, раскачиваясь на рессорах по ухабам Б. Печерской улицы, к казанской заставе. Как и при въезде в город со стороны Московского тракта, здесь стояла серая рубленая караульня будочника с навесом, поддерживаемым столбами-колоннами, и полосатый шлагбаум¹¹⁵, за которым вдоль дороги тянулись лишь несколько деревянных в два-три окна из вновь застраиваемой солдатской слободы.

Приблизительно в версте от заставы дорога раздваивалась: одна резко отклонялась в сторону Волги, к Печерскому монастырю, а другая уходила вдаль по высокому правому берегу. По обочине медленно брели небольшие группы оде-

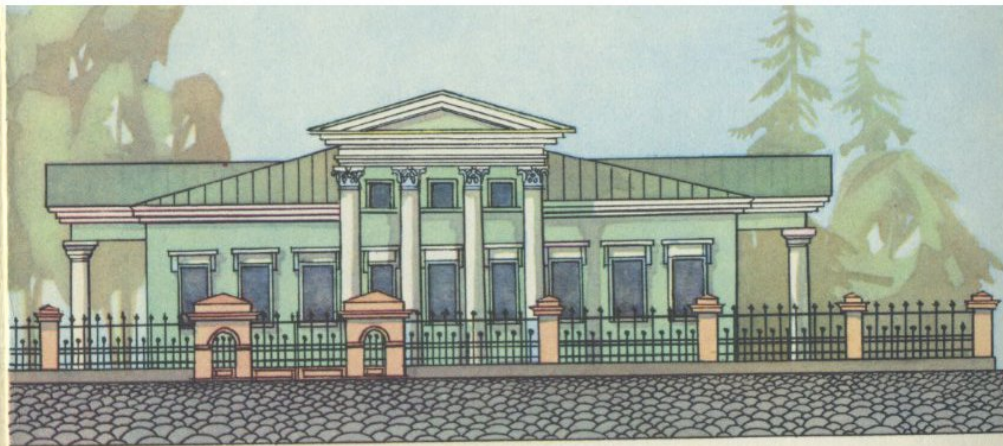
Тихоновская улица. Усадьбы Аверкиевых и Дамаскина (Киризеева)

Реконструкция Н. Филатова. Архитектурная прорисовка В. Соколова

тых в черное богомолки и крестьян, шедших издалека на поклон особо почитаемой в народе местной иконы Печерской божьей матери.

Монастырь был одной из главных достопримечательностей Нижнего Новгорода, и Пушкин мог знать о нем всевозможные исторические подробности не только из многочисленных, бытовавших среди нижегородцев преданий, но и из вышедшей в Москве незадолго до его приезда в путешествие книги «Полная история Нижегородской ярмарки, прежде бывшей Макарьевской», где описанию монастыря и его святынь посвящалась большая ее часть.

Строения Печерского монастыря живописно раскинулись на просторной террасе в полугоре. Чтоб увидеть их, нужно было только остановиться у шатровой каменной часовни, у начала спуска с горы.

Дверь часовни была постоянно открытой, и в свете мерцающих свечей и лампад взгляд сразу выхватывал из сумрака стоящий по центру огромный, выше человеческого роста, украшенный на концах резьбой деревянный крест, срубленный, по преданию, самим патриархом Никоном и обладавший, как считали в Нижнем, чудодейственной силой.

Открывавшаяся с горы живописная панорама монастыря с мощным пятиглавым собором и колокольной по центру, шатровыми храмами и многочисленными келейными строениями, заключенными в кирпичную ограду с башенками на углах, производила действительно неизгладимое впечатление. На фоне Волги, синеющих вдали лесов Заволжья и буйной уже подернутой кое-где желтизной зелени косогора, он казался нереально сказочным, фантастическим городом, способным породить эпические образы Древней Руси, которые так восхищают нас в пушкинской поэзии.

Вид на Тихоновскую улицу. Конец XIX в.

Фото М. П. Дмитриева

Впечатления от Печерского монастыря были последними и от Нижнего Новгорода. Впереди Пушкина ждал долгий однообразный путь...

По Нижегородской земле поэту предстояло проехать более 200 верст в течение двух дней, меняя через каждые 25—30 верст лошадей. Из Нижнего Новгорода он выехал во второй половине дня и, хотя первые сентябрьские дни были еще долгими, мог проехать не более как два дня, проделав при этом путь в 61 версту, и, следовательно, только к ночи, после не менее как шестичасового пути (не считая времени ожидания смены лошадей в Ликееве) поэт мог остановиться на ночлег в Кадницах.

Возведение почтовых станций на местных столбовых трактах по присланному в 1820 и 1823 годах «образцовым» проектам¹¹⁶ было одной из основных обязанностей губернского архитектора И. Е. Ефимова. Еще в 1820 году он разработал смету и построил почтовые станции в Алешкове и Емангашах, в 1824 году — в Осташихе, затем — в Ликееве, Летневе... Каждый год И. Е. Ефимов объезжал их и в случае необходимости производил местными силами ремонт. Так что содержались почтовые станции на Казанском тракте вполне пристойно.

Фасад на постройку во С Нижнем Новгороде наследника Нежинского Бреста,
 князя Хитризова
 при доме каменного одноэтажного флигеля
 Крестовской части на Мухомовской улице.

Восточный фасад
 Петербург 21 июля 1842
 Генерал-Архитектор

Г. И. Кузнецов

Фасад существующего дома

Усадьба Д. Руднева (Дамаскина).

Фиксационный чертеж 1842 г.
 Арх. Г. И. Кузнецов

Каждая станция представляла собой целый комплекс. По центру возвышался дом станционного смотрителя с комнатой для отдыха проезжающих гостей, а по сторонам стояли трехконная изба для ямщиков и кладовая с погребом. Все строения заключала ограда, за которой в просторной конюшне ставились на отдых ямские лошади.

По тем же дорогам, вместе с почтовыми тройками, двигались унылые процессии этапных команд с осужденными на ссылку в Сибирь. Поэтому возле почтовых станций рубились и особые арестантские казармы, облик которых сохранили до нас проектные и фиксационные чертежи.

Начиная от окраин Нижнего Новгорода по дороге Пушкину постоянно встречались партии рекрутов, провожаемых до губернского города крестьянскими телегами с подвыпившими родственниками и закутанными в шали женами и детьми. Солдатчина отнимала у них кормильца, любимого и отца, и, бог весть, суждено ли было им когда-либо свидеться. Поэтому провожали рекрутов как в последний путь — со слезами, заламыванием рук и безысходным чувством утраты.

Указ о наборе с каждой тысячи крестьянских душ по четыре рекрута был объявлен по уездам губернии 1 августа 1833 года, а по истече-

«Образцовый» фасад почтового станционного дома для трактов Нижегородской губернии. 1830—1832 гг.

Арх. А. А. Леер

нии месяца сельские общины провожали в 25-летнюю солдатчину своих сыновей. Сцены прощания были очень впечатляющи и по всей стране воспринимались как выражение общего народного горя. Пушкин не мог не отметить трагизм положения будущего солдата: «Самая необходимая и тяжчайшая из повинностей народных есть рекрутский набор... Русский солдат, на 24 года отторженный от среды своих сограждан, делается чужд всему, кроме своему долгу. Он возвращается на родину уже в старости... находит он только несколько знакомых стариков. Новое поколение его не знает и с ним не братается»¹¹⁷.

На следующий день Пушкину предстояло многократно менять лошадей на станциях в Полянах, Кисловке, Летневе, Осташихе, Чугунах, Василе на Суре (так тогда назывался Васильсурск). И всюду он живо

«Образцовый» фасад этапных казарм для трактов Нижегородской губернии. 1832 г.

Арх. И. Е. Ефимов

интересовался местными преданиями о Пугачеве, беседуя во время остановок с самыми разными людьми. Рассказ нищенки в Василе на Суру о судьбе ее родственников во время вступления Пугачева в Курмыш поэт записал для памяти в путевую записную книжку. В «Истории Пугачева» о вступлении повстанцев в Нижегородскую губернию Пушкин позднее запишет: «20 июля Пугачев под Курмышом переправился вплавь через Суру. Дворяне и чиновники бежали. Чернь встретила его на берегу с образами и хлебом. Ей прочтен возмутительный манифест. Инвалидная команда приведена была к Пугачеву... Пугачев велел раздать чувашам казенное вино; повесил несколько дворян, приведенных к нему крестьянами их, и пошел к Ядринску». Но главные встречи с очевидцами событий, людьми, которые помнили Пугачева, ждали Пушкина впереди¹¹⁸.

Факты, предания, народные суждения и оценки событий, связанных с последней крестьянской войной, собранные Пушкиным во время поездки в Поволжье и Приуралье, привели его к твердому убеждению, что весь «черный народ был за Пугачева... Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Так, 2 и 3 сентября 1833 года Пушкин впервые увидел древний, живописно разбросанный по обрывистым холмам правого высокого берега Волги город, где старина и новь, слившись воедино, создавали неповторимый облик торговой столицы Поволжья.

Вряд ли могли оставить равнодушным Пушкина, считавшего «неуважение» к славе предков признаком «дикости» и «безнравственности», седые камни Нижегородского кремля с Михайло-Архангельским собором и скромным памятником-obeliskом в честь К. Минина и Д. Пожарского, узорочье посадских храмов, картинность ансамблей Благовещенского и Печерского монастырей. Древняя Русь в Нижнем Новгороде перед поэтом-историком предстала в зримых образах, и каждый памятник — живым свидетелем трудов и творчества художников и зодчих из народа.

Новые же дома и общественные здания, которые, как и повсюду, возводились в господствующем тогда стиле классицизма, придавали застройке города стилевое единство и добротность. Так что лестный отзыв Пушкина о городе — улицы «широкие и хорошо мощеные, дома построены основательно» — был вполне заслуженным.

Начавшиеся в 1834—1839 годах градостроительные преобразования решительным образом изменили образ Нижнего Новгорода, подготовили основу для проникновения в его архитектуру элементов эклектики.

Но памятники пушкинской поры, важного заключительного этапа исторического развития города начала XIX столетия, не исчезли бесследно. Многие из них: одни почти в первоизданном виде, другие — несколько искаженные перестройками и поновлениями, сохраняются до сих пор на улицах и площадях исторического центра города и ждут признания.

Неотделима от Нижнего Новгорода пушкинской поры и известная на весь мир Макарьевская ярмарка, давшая мощный толчок развитию всего края. Пушкин увидел ее в период расцвета, когда крупнейший в России архитектурный ярмарочный торговый ансамбль был завершен,

являя собой прекрасный образец для других подобных сооружений страны.

Выявление образа Нижнего Новгорода пушкинской поры не только дает нам некоторые новые факты жизни и творчества великого поэта, но и помогает оценить прошлое во имя настоящего. Книга обращается и к грядущим поколениям, для которых имя Пушкина, несомненно, станет столь же свято, как и для нас, с призывом хранить общенациональное достояние. В ряду пушкинских мест Отечества достойное место должен занять и наш древний Нижний Новгород — город Горький.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1978, т. 8, с. 334.
- ² Там же, 1979, т. 10, с. 339—340.
- ³ Там же, с. 346.
- ⁴ ГАГО, ф. 639, оп. 126, д. 9996, л. 4.
- ⁵ Карта-схема маршрута путешествия А. С. Пушкина в 1833 г. приложена в виде вклейки между 154 и 155 страницами в кн. «Записки краеведов» (Горький, 1973).
- ⁶ ЦГВИА, ф. 422, коллекция ВУА, д. 455 — Карта почтовых дорог России 1824 года; там же, д. 1675 — Карта этапных путей Российской империи 1830 года.
- ⁷ ГАГО, ф. 5, оп. 45, д. 405, 1827 г., л. 8—8об.
- ⁸ Там же, л. 8об.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ ГАГО, ф. 5, оп. 46, д. 381, 1833 г., л. 11.
- ¹¹ Там же, л. 7—7об.
- ¹² Кондиции содержания почтовых станций на трактах Нижегородской губернии в 1833 г.: «Лошадей иметь здоровых, крепких, не изуренных, не старых, к почтовой гоньбе годных и возить на них почты и эстафеты во всякое время года по 12 верст в час, проезжающих же по подорожным в летнее время не менее 10, а в зимнее — 12, а в осеннее — 8 верст в час, а курьеров и фельдъегерей — столь поспешно, сколь сие возможно будет; со смежных станций возвращаться согласно указу Правительствующаго Сената 30 декабря 1769 г., пункта 5, без всякаго промедления, пробыв там для корма лошадей не более 3 часов и не заезжая никуда...
При каждой паре лошадей содержать по две хорошие повозки: одну летнюю, а другую — зимнюю, удобныя к укладке не менее трех почтовых чемоданов и к помещению с оными препровождающаго почту почтальона... на летних и зимних повозках иметь кибитки, покрытыя кожею или крепкими циновками и с запоном; при том были бы у летней повозки колеса, окованныя шинами, оси с приводными железными поддосками с тормозами и с сердечниками железными; а зимняя — с подрезами, отводами и дуга с обыкновенным колокольчиком.
При каждой паре лошадей для управления ими иметь по одному ямщику, которые по указу 1769 года декабря 30 должны быть не старше 40 и не моложе 18 лет, здоровые, проворные и благонадежные в поведении, с теплою в зимнее время одеждою, при том имели бы указные пашпорты или мирския одобрения» (ГАГО, ф. 5, оп. 46, д. 381, 1833 г., л. 41—42.).

¹³ ГАГО, ф. 5, оп. 45, д. 15, 1833 г., л. 323–323об.

¹⁴ Там же, оп. 46, д. 381, 1833 г., л. 17.

¹⁵ На почтовых станциях России в 1830-х гг. представлялось «Протоиереям в Епархиях 2-го и 3-го классов, Капитанам, Титулярным Советникам и всем чинам, состоящим в 9, 10, 11, 12, 13 и 14 классах – 3 лошади... Купцам и нижняго звания людям не более как на 3 лошади». – Почтовый дорожник или описание всех почтовых дорог Российской империи. СПб., 1824, с. 426.

¹⁶ Почтовый дорожник..., СПб., 1824, с. 425–431.

¹⁷ ГАГО, ф. 669, оп. 318, д. 245, л. 7–7 об.

¹⁸ ГАГО, ф. 5, оп. 40, д. 149, 1798 г., л. 1.

¹⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1977, т. 4, с. 400.

²⁰ Сведения о Белавиных крайне скудны. Тем большую ценность представляют вновь выявленные данные, проливающие свет на их жизнь в Нижнем Новгороде, где еще в 1818 г. Василий Иванович Белавин создал местную управу декабристского общества «Союза благоденствия», в состав которой, по упоминанию С. П. Трубецкого, тогда же было принято «5 или 6 человек».

Белавины поселились в Нижнем Новгороде в 1780 г., когда отца декабриста Ивана Савиновича, 30-летнего генерал-майора, назначили правителем вновь созданного Нижегородского наместничества (1779–1796). Несмотря на молодость, И. С. Белавин ко времени приезда в Нижний Новгород прошел многотрудную школу жизни: участвовал в боях с Османской Портой, был ранен, а за проявленную личную храбрость и отвагу получил чины и ордена.

Уже здесь, в Нижнем Новгороде, наместник женился на дочери действительного статского советника Запольского Елизавете Васильевне, и в их семье появилось пять сыновей – Николай, Владимир, Василий, Алексей, Борис и две дочери – Анна и Елена. Род Белавиных пользовался почетом и считался одним из самых знатных в Нижегородском крае, а их дом всегда был полон гостей. Но к 1833 г., после смерти главы семьи, расследования по делу участия в тайном обществе Василия Ивановича и гибели младшего брата Бориса (1830 г.), Белавиных стали сторониться, и их жизнь потекла замкнуто, в узком кругу семьи. Василий Иванович, получив отставку, поселился в сельце Дубенщине Макарьевского уезда, где и жил в сентябре 1833 г.

²¹ Очерк жизни и творчества А. Л. Леера опубликован в кн.: Филатов Н. Ф. Нижегородское зодчество XVII – начала XX века. Горький, 1980, с. 115–126.

²² Дом принадлежал Рубинским вплоть до конца 1850-х годов и примечателен тем, что в нем неоднократно бывал П. И. Мельников-Печерский, женатый вторым браком на Елене Андреевне Рубинской, писатели В. А. Соколов, К. С. Аксаков и многие другие нижегородцы и гости города той поры.

²³ ГАГО, ф. 639, оп. 125, д. 6676, л. 11об.

²⁴ ГАГО, ф. 5, оп. 46, д. 18, 1833 г., л. 1063.

²⁵ Там же, д. 17, 1833 г., л. 465.

²⁶ ГАГО, ф. 639, оп. 124, д. 2881, л. 8.

²⁷ Ремонт здания дворянского собрания был закончен 28 августа 1833 г. (ГАГО, ф. 639, оп. 124, д. 3277, л. 1 об.).

²⁸ Зеленцов В. Д. О доме, где жил Трубецкой.— За учительские кадры, 1977, 29 ноября.

²⁹ ГАГО, ф. 27, оп. 638а, д. 10, л. 173об., 272об.

³⁰ ГАГО, ф. 639, оп. 124, д. 3117, л. 40об.

³¹ От генеральши Н. Ляпуновой дом перешел в 1836 г. к нижегородскому купцу А. Барбатенкову, а от его наследников по купчей 28 мая 1881 г. «обгоревший дом с прочими строениями» за 31 200 руб. приобрел В. К. Марков, передавший в 1886 г. названное место в дар городской думе под устройство на нем площади с фонтаном.

³² ГАГО, ф. 666, оп. 217, д. 256, л. 2.

³³ ГАГО, ф. 5, оп. 45, д. 666, 1832 г., л. 20, 32об.

³⁴ ГАГО, ф. 27, оп. 638, д. 974, л. 367.

³⁵ ГАГО, ф. 5, оп. 43, д. 241, 1815 г., л. 2—2об.

³⁶ Волконская М. Н. Записки жены декабриста.— В кн.: «Своей судьбой гордимся мы». Иркутск, 1977, с. 319.

³⁷ В год приезда в Нижний Новгород Пушкина усадьбой владел последний из рода Костроминых поручик Федор Александрович, зачисленный после увольнения от военной службы с семьей в разряд служилого дворянства и начавший распродажу родительского наследства. Дело, начатое в середине XVIII столетия, подходило к завершающему этапу — купеческий род Костроминых выбился-таки в «благородное» дворянское сословие.

³⁸ ГАГО, ф. 4, оп. 1, д. 16, 1782 г., л. 104об.

³⁹ Там же, д. 20, 1782 г., л. 237.

⁴⁰ ГАГО, ф. 669, оп. 318, д. 239, л. 3об.

⁴¹ ГАГО, ф. 4, оп. 1, д. 92, 1789 г., л. 96.

⁴² ГАГО, ф. 669, оп. 318, д. 196, л. 32.

⁴³ ЦГИА СССР, ф. 1488, оп. 2, д. 1007.

⁴⁴ Граве Н. Памяти А. С. Пушкина (1799—1837).— Нижегородский биржевой листок, 1887, 30 января.

⁴⁵ Оболенский Е. П. Мое изгнание в Сибирь.— В кн.: «И дум высокое стремление». М., 1980, с. 194.

⁴⁶ В описи гостиницы Д. Деулина 5 сентября 1833 г. значится: «1-й угловой каменный дом состоит на площади Верхнего базара в Благовещенском приходе, крыт черным листовым железом, двухэтажный, с подвалами под всем домом, кои все со сводами, кроме одного, что под проездом, а на дворе с антресолями. Длина дому сему на площади считается до вершины угла 14 саж. 12 верш., ход и поворот к крепостной стене 5 саж. 2 арш. 7,5 верш., длиннику со стороны смежества купца Соколова 8,5 саж. да отступ влево $4\frac{1}{3}$ и еще 14,5 саж., а с другой стороны к смежеству с его же, Деулина, домом 18,5 саж. и в перелом под тупым углом 6 саж., а под всем сим местом заключается 240 кв. сажен, а всего оный дом с сгораемыми и несгораемыми материалами стоит 10 000 руб., доходу получается по контрактам 2500 руб. да постоянной двор отдаваем по 600 руб.— ныне три месяца по неимению желающих стоит впусте.

2-й дом, смежной с угловым домом, каменной, крытой железом, длина онаго дома на площадь 11 саж., параллельная сторона онаго дому во дворе 8 саж. 1 аршин, а ши-

рина онаго 6 саж. В глубину двора по концам имеются два каменные выступа, из коих первой по правую сторону квадратной на 1,5 саж. под одну высоту с домом, а второй по левую сторону длиною 4 саж., шириною 2 саж. 1 аршин, высотой по два этажа сего дома.

Сверх сего со двора под домом во всю длину и шириною на два аршина устроена деревянная на столбах галерея в два этажа. Дом сей устроен в два же этажа с подвалами, под всем сим домом заключается земли 456 кв. сажен, которой с принадлежащим к нему строением и землею оценен в 7846 руб., доходу ныне получается 2461 руб. 50 коп.» (ГАГО, ф. 5, оп. 46, д. 17, 1833 г., л. 262об.— 264.).

⁴⁷ По сообщениям современников Пушкина, на ярмарку в Нижний Новгород ежегодно съезжалось более 200 000 человек (Полная история Нижегородской ярмарки, прежде бывшей Макарьевской. М., 1833, с. 28).

⁴⁸ История Нижегородского Дворянского института. Н. Новгород, 1904, с. 4.

⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 1488, оп. 2, д. 987.

⁵⁰ Куприянова Н. И. Пушкинские места в Н. Новгороде.— В кн.: Записки краеведов. Горький, 1977, с. 138—142.

⁵¹ ГАГО, ф. 5, оп. 42, д. 457, 1810 г., л. 1.

⁵² ГАГО, ф. 669, оп. 318, д. 65, л. 3.

⁵³ Там же, д. 43, л. 36об.

⁵⁴ ГАГО, ф. 4, оп. 1, д. 114, 1790 г., л. 39.

⁵⁵ ГАГО, ф. 671, оп. 1, д. 274, л. 9об.

⁵⁶ ГАГО, ф. 2, оп. 4, д. 477, 1828 г., л. 1.

⁵⁷ ГАГО, ф. 5, оп. 42, д. 368, 1812 г., л. 1.

⁵⁸ Там же, л. 5об.

⁵⁹ ГАГО, ф. 671, оп. 1, д. 210, л. 2.

⁶⁰ ГАГО, ф. 669, оп. 318, д. 43, л. 21.

⁶¹ Там же, д. 3, л. 14об—15.

⁶² В 1830 г. купец К. Мичурин своим коштом пристроил к Живоносновской церкви трапезную, а спустя несколько лет и четырехъярусную колокольню, после чего она стала «по своей наружности едва ли не красивее всех находящихся в Нижнем Новгороде» (ГАГО, ф. 2013, оп. 602, д. 1974, л. 2—2об.).

⁶³ В 1833 г. других, ближайших к гостинице Д. Деулина, общественных бань мы не знаем. Только в 1834 г. купец К. Мичурин также построил каменные торговые бани на Нижне-Живоносновской улице.

⁶⁴ Проход на территорию кремля в стене возле Дмитриевских ворот был пробит архитектором И. И. Межецким в 1814 г. одновременно с окончательным приспособлением башни под архив (ГАГО, ф. 671, оп. 1, д. 10).

⁶⁵ ЦГИА СССР, ф. 789, оп. 20, д. 30, л. 1.

⁶⁶ ЦГИА СССР, ф. 1488, оп. 2, д. 993.

⁶⁷ ГАГО, ф. 2, оп. 6, д. 171, л. 14об.—15.

⁶⁸ Там же, д. 99, л. 1.

⁶⁹ Каменная Духовская церковь была построена в 1710 г. После упразднения монастыря в 1764 г. стала гарнизонной, но к началу XIX в. обветшала, и в 1839 г. для

ее перестройки К. Тон выполнил проект, который в связи с перепланировкой юго-восточной части кремлевской территории так и не был реализован. В 1840-х гг. старую церковь разобрали, а на ее месте разбили сад.

⁷⁰ ГАГО, ф. 669, оп. 318, д. 44, л. 12об.

⁷¹ Там же, д. 5, л. 74–74об.

⁷² Описание жизни и безсмертного подвига славного мужа, нижегородского купца Козьмы Минина, выбранное из исторических преданий Николаем Ильинским. СПб., 1799, с. 69.

⁷³ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 91, 1816 г., л. 196–196об.

⁷⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1978, т. 7, с. 296.

⁷⁵ ГАГО, ф. 5, оп. 45, д. 666, 1832 г., л. 16, 32–32об.

⁷⁶ ГАГО, ф. 671, п. 1, д. 12, л. 6–6 об.

⁷⁷ Там же, д. 153, л. 9об.

⁷⁸ ЦГИА СССР, ф. 1341, оп. 30, д. 1373, л. 1.

⁷⁹ ГАГО, ф. 669, оп. 318, д. 27, л. 3–6.

⁸⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1978, т. 8, с. 53.

⁸¹ При открытии ярмарочного торгового пункта в Нижнем Новгороде учреждался особый внутригородской развоз «легких извозчиков» с остановками на ярмарке, у кремля, на Ошарской площади, у Казанской заставы и т. д. При этом была разработана твердая такса плат. Проезд от кремля до ярмарки во второй четверти XIX в. стоил 15 коп., за найм извозчика на час платили 25 коп., а дрожки с парой лошадей на целый день стоили 3 руб. (ГАГО, ф. 669, оп. 318, д. 2034, л. 30).

⁸² ГАГО, ф. 669, оп. 318, д. 2069, л. 198.

⁸³ Действия НГУАК. Н. Новгород, 1909, т. 7, с. 654.

⁸⁴ ГАГО, ф. 4, оп. 1, д. 798, 1793 г., л. 121.

⁸⁵ В своей основе здание сохранилось (пер. Вахитова, 8), хотя и перестроено по проекту Г. И. Кизеветтера в 1839–1840 гг.

⁸⁶ ГАГО, ф. 666, оп. 217, д. 114, л. 4.

⁸⁷ ГАГО, ф. 594, оп. 1347, д. 2, л. 83.

⁸⁸ Погост возле церкви Козьмы и Дамиана сохранялся вплоть до 1849 г. (ГАГО, ф. 594, оп. 1347, д. 2, л. 83).

⁸⁹ ГАГО, ф. 671, оп. 1, д. 20, л. 6.

⁹⁰ ГАГО, ф. 762, оп. 1, д. 1013, л. 42–42об.

⁹¹ Там же, л. 59об.

⁹² Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1976, с. 398–399.

⁹³ ГАГО, ф. 762, оп. 1, д. 1165, л. 199.

⁹⁴ В связи с градостроительными преобразованиями 1834–1839 гг. соляные амбары были перенесены вверх по Оке за Благовещенский монастырь.

⁹⁵ Макарий, архим. Памятники церковных древностей. СПб., 1857, с. 175.

⁹⁶ Полная история Нижегородской ярмарки, прежде бывшей Макарьевской, М., 1833.

⁹⁷ Краткое описание Нижегородской ярмарки. СПб., 1838, с. 20.

⁹⁸ ГАГО, ф. 669, оп. 318, д. 371, л. 33об.

⁹⁹ Полная история Нижегородской ярмарки, прежде бывшей Макарьевской. М., 1833, с. 28—29.

¹⁰⁰ Гурьянов И. Историческое обозрение Нижнего Новгорода и переведенной туда Макарьевской ярмарки. М., 1824, с. 17—18.

¹⁰¹ ГАГО, ф. 639, оп. 125, д. 7180, л. 2.

¹⁰² Живые страницы. М., 1970, с. 231—232.

¹⁰³ ГАГО, ф. 2, оп. 6, д. 273, 1838 г., л. 3—4.

¹⁰⁴ Там же, л. 3об.

¹⁰⁵ Там же, л. 3об.

¹⁰⁶ Граве Н. Памяти А. С. Пушкина (1799—1837).— Нижегородский биржевой листок, 1887, 30 января.

¹⁰⁷ Боборыкин П. Д. Воспоминания. М., 1965, т. 1, с. 65—66.

¹⁰⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1979, т. 10, с. 241.

¹⁰⁹ ГАГО, ф. 5, оп. 46, д. 278, 1833 г., л. 5.

¹¹⁰ ГПБ РО, ф. 542 Оленина А. Н., д. 591.

¹¹¹ Улыбышев А. Д. Записки.— Звезда, 1935, № 3, с. 192.

¹¹² ГАГО, ф. 639, оп. 124, д. 3305, л. 25.

¹¹³ ГАГО, ф. 669, оп. 318, д. 32, л. 10.

¹¹⁴ Проулок между домами И. Киризеева и Е. Рудневой был ликвидирован во время перепланировки города в 1834—1839 гг.

¹¹⁵ ГАГО, ф. 671, оп. 1, д. 263, л., 5—5об.

¹¹⁶ Там же, д. 24, л. 71об—72.

¹¹⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1978, т. 7, с. 202—203.

¹¹⁸ Овчинников Р. В. Над «пугачевскими» страницами Пушкина. М., 1981.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Два письма А. С. Пушкина,
посланные из Нижнего Новгорода 2 сентября 1833 года
жене, Наталье Николаевне, в С.-Петербург.

Письмо первое. «Перед отъездом из Москвы я не успел тебе писать. Нашокин провожал меня шампанским, жженкой и молитвами. Каретник насилу выдал мне коляску; нет мне счастья с каретниками. Дорога хороша, но под Москвою нет лошадей, я повсюду ждал несколько часов и насилу дотащился до Нижнего сегодня, т. е. в пятые сутки. Успел только съездить в баню, а об городе скажу только тебе (франц. — улицы, широкие и хорошо мощеные, дома построены основательно). Еду на ярманку, которая свои последние штуки показывает, а завтра отправляюсь в Казань.

Мой ангел, кажется, я глупо сделал, что оставил тебя и начал опять кочевую жизнь. Живо воображаю первое число. Тебя теребят за долги, Параша, повар, извозчик, аптекарь (франц. — мадам Зихлер и т. д.), у тебя не хватит денег, Смирдин перед тобой извиняется, ты беспокоишься — сердиться на меня — и поделом. А это еще хорошая сторона картины — что, если у тебя опять нарывы, что, если Машка больна? А другие, непредвиденные случаи... Пугачев не стоит этого. Того и гляди, я на него плюну — и явлюсь к тебе. Однако буду в Симбирске и там ожидаю найти писем от тебя. Ангел мой, если ты будешь умна, т. е. здорова и спокойна, то я тебе из деревни привезу товару на сто рублей, как говорится.

Что у нас за погода! дни жаркие, с утра маленькие морозы — роскошь! так ли у вас? Гуляешь ли ты по Черной речке или еще взаперти? Во всяком случае береги себя. Скажи тетке, что хоть я и ревную ее к тебе, но прошу Христом и богом тебя не покидать и глядеть за тобою. Прощайте, дети, до Казани. Целую всех вас равно крепко — тебя в особенности».

Письмо второе. «Мой ангел, я писал тебе сегодня, выпрыгнув из коляски и одурев с дороги. Ничего тебе не сказал и ни о чем всеподданнейше не донес. Вот тебе отчет с самого Натальина дня. Утром поехал я к Булгакову извиниться и благодарить, а между тем и выпросить лист для зрителей, которые очень мало меня уважают, несмотря на то, что я пишу прекрасные стишки. У него застал я его дочерей и Всеволожского (франц. — рогносца), который скачет из Казани к вам в Петербург. Они звали меня на вечер к Пашковым на дачу, я не поехал, жалея своих усов, кото-

рые только лишь оцетинились. Обедал у Суденки, моего приятеля, товарища холостой жизни моей. Теперь и он женат, и он сделал двух ребят, и он перестал играть — но у него 125 000 дохода, а у нас, мой ангел, это впереди. Жена его тихая, скромная, не красавица. Мы отобедали втроем, и я, без церемонии, предложил здоровье моей именинницы, и выпили мы все не морщась по бокалу шампанского. Вечер у *Нащокина, да какой вечер! шампанское, лафит, зажженный пуш с ананасами* — и все за твоё здоровье, красота моя.

На другой день в книжной лавке встретил я Николая Раевского. (Собачий сын — франц.), — сказал он мне с нежностью, — (почему ты не зашел ко мне? — Скотина — франц.), — отвечал я ему с чувством, — (что ты сделал с моей малороссийской рукописью? — франц.). После сего поехали мы вместе как ни в чем не бывало, он держит меня за ворот всенародно, чтоб я не выскочил из коляски. Отобедали вместе глаз на глаз (виноват: втроем с бутылкой мадеры).

Потом, для разнообразия жизни, провел опять вечер у *Нащокина*; на другой день он задал мне прощальный обед со стерлядями и с женкой, усадили меня в коляску, и я выехал на большую дорогу.

Ух, женка, страшно! теперь следует важное признание. Сказать ли тебе словечко, утерпит ли твоё сердечко? Я нарочно тянул письмо рассказами о московских моих обедах, чтоб как можно позже дойти до сего рокового места; ну, так уж и быть, узнай, что на второй станции, где не давали мне лошадей, встретил я некоторую городничиху, едущую с теткой из Москвы к мужу и обижаемую на всех станциях. Она приняла меня весьма дурно и нараспев начала меня усовещевать и уговаривать: как вам не стыдно? на что это похоже? две тройки стоят на конюшне, а вы мне ни одной со вчерашнего дня не даете. — Право? — сказал я и пошел взять эти тройки для себя. Городничиха, видя, что я не смотритель, очень смутилась, начала извиняться и так меня тронула, что я уступил ей одну тройку, на которую имела она всевозможные права, а сам нанял себе другую, т. е. третью, и уехал.

Ты подумаешь: ну, это еще не беда. Постой, женка, еще не все. Городничиха и тетка так были восхищены моим рыцарским поступком, что решились от меня не отставать и путешествовать под моим покровительством, на что я великодушно и согласился. Таким образом и доехали мы почти до самого Нижнего — они отстали за три или четыре станции — и я теперь свободен и одинок. Ты спросишь: хороша ли городничиха? Вот то-то, что не хороша, ангел мой Таша, о том-то я и горюю. — Уф! кончил. Отпусти и помилуй.

Сегодня был я у губернатора, генерала Бутурлина. Он и жена его приняли меня очень мило и ласково; он уговорил меня обедать завтра у него. Ярманка кончилась. Я ходил по опустелым лавкам. Они сделали на меня впечатление бального разезда, когда карета Гончаровых уж уехала. Ты видишь, что несмотря на городничиху и ее тетку, — я все еще люблю Гончарову Наташу, которую заочно целую куда ни попаало. (Прощай, красавица моя, кумир мой, прекрасное мое сокровище, когда же я тебя опять увижу? — итал.)».

А. С. Пушкин на званом обеде
в доме нижегородского военного губернатора М. П. Бутурлина
3 сентября 1833 года
(из воспоминаний Л. П. Никольской).

«Я редкий день не бывала у Бутурлиных — Анна Петровна меня очень любила. Третьего сентября она прислала за мной коляску, звала обедать, что меня нисколько не удивило, я была избалована ея любезностями».

«В этот день у Бутурлиных обедал молодой человек: нас не познакомили, и я не знала кто он. Я запомнила наружность этого гостя: по виду ему было более тридцати лет. Он носил баки. Немного смуглое лицо его было оригинально, но не красиво: большой открытый лоб, длинный нос, полные губы, — вообще неправильные черты, но что было у него великолепного — это темно-серые с синеватым отливом глаза, большие, ясные! нельзя передать выражения этих глаз: какое-то жгучее, а при том ласкающее, приятное. Я никогда не видела лица более выразительного: умное, доброе, энергичное. Когда он смеялся — блестели его белые зубы. Манеры у него были светския, но слишком подвижныя. Он хорошо говорил: ах, сколько было ума и жизни в его неискусственной речи! А какой он веселый, любезный — прелесть! Этот дурняшка мог нравиться».

«Обед окончился. Все перешли в гостиную. Прошло не более часа — гость отключился и уехал: он торопился в Казань».

«— Насмотрелась на своего любимца? — спросила меня Анна Петровна.

— На какого любимца? — сказала я.

— На твоего Онегина! — пояснила она.

— Разве это был Пуш... — я не договорила.

Бутурлина разсмехалась».

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА — 5

Глава I

НА ПУТИ К НИЖНЕМУ НОВГОРОДУ — 7

Глава II

БОЛЬШАЯ ПОГРОВСКАЯ УЛИЦА — 18

Глава III

ГЛАВНАЯ ГОРОДОВАЯ БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ ПЛОЩАДЬ — 52

Глава IV

В НИЖЕГОРОДСКОМ КРЕМЛЕ — 78

Глава V

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ УЛИЦА — 94

Глава VI

НИЖЕГОРОДСКАЯ ЯРМАРКА — 111

Глава VII

НИЖЕГОРОДСКИЕ ВСТРЕЧИ ПУШКИНА — 130

Глава VIII

НА ПУТИ В КАЗАНЬ — 139

ЗАКЛЮЧЕНИЕ — 148

ПРИМЕЧАНИЯ — 150

ПРИЛОЖЕНИЕ — 156

Филатов Н. Ф.

Ф51 Нижний Новгород пушкинской поры. 1833 год. — Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1983. — 159 с., ил.

1 р. 30 к.

Жизнь А. С. Пушкина, как и жизнь его семьи, оказалась тесно связанной с Нижегородским краем. 2 и 3 сентября 1833 г. на пути в Оренбург поэт провел в Нижнем Новгороде, и с тех пор этот город на Волге стал одним из пушкинских мест России.

Автор раскрывает город как бы глазами поэта. В чертежах, акварелях, рисунках, репродукциях с графики и живописи XIX в. в книге представлены улицы и площади, на которых бывал Пушкин, дома, которые он видел, кремль, ярмарка, типы людей разных социальных слоев.

Издание улучшенное, для широкого круга читателей.

Ф 1904050000—073
М140(03)—83 75—82

ББК 63.3(2Р-4Г)

Заставки
и рисунки на полях
А. Г. СЛЕПКОВА

*Николай Филиппович
Филатов*

НИЖНИЙ НОВГОРОД
пушкинской поры
1833 г.

Редактор И. В. СИДОРОВА
Оформление и техническое редактирование
В. З. ВЕШАПУРИ
Худож. редактор В. В. КРЕМЕНЕЦКИЙ
Корректор О. А. ГАРКАВЦЕВА

ИБ № 1176

Сдано в набор 21.12.82. Подписано к печати 16.06.83. МЦ 00378. Формат 70×84^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Банниковская». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 10,9. Уч.-изд. л. 9,77. Тираж 10 000 экз. Заказ № 4624. Цена 1р. 30 к.

Волго-Вятское книжное издательство, 603019, г. Горький, Кремль, 4-й корпус.

Типография издательства «Горьковская правда», 60306, г. Горький,
ул. Фигнер, 32.